

Истор. Учен.

~~1788~~ 1789

17-18

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СЕРДЦА и РАЗУМА.

ЧАСТЬ XVII.

Михаил Мамин-Сибиряк

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,

1789.

Н О В Ы Й Г О Д Ъ, ВОЗТОЧНАЯ СЦЕНА.

Дѣйствіе въ Щастливой Аравіи.

Представляется внутренность огромнаго храма, наполненнаго народомъ. Впереди возвышается оltарь, освѣняемый великолѣпнымъ балдахиномъ. Подлѣ онаго стоитъ главный жрецъ, сѣдый и почтенный старецъ, въ длинномъ бѣломъ платьѣ. Прочіе жрецы, такъ же одѣтые, окружаютъ оltарь. Благоевѣніе изображается на лицахъ ихъ. На правой сторонѣ храма стоятъ отроки и юноши, а на лѣвой мужи и старцы. Нѣсколько времени царствуетъ глубокое молчаніе. Всѣ устремляютъ взоры свои на главнаго жреца, который, сложивъ на груди руки, пребываетъ въ глубокомъ

Часть XVII. No. 1. А 2 раз-

размышленіи. Омїамъ курится во всѣхъ сторонахъ храма.

По томъ главный жрецъ оборачивается къ народу. Вдругъ раздается въ храмъ музыка и жрецы поютъ хоромъ:

Великъ, великъ Сотворшій землю,
Моря, поля, луга, лѣса!
Великъ Сотворшій солнце, звѣзды,
Луну, эфиръ и небеса!

(музыка умолкаетъ).

Главный жрецъ.

Смертные, собравшіеся вкупѣ для приношенія моленій своихъ Вѣчному! почувствуйте живо Его величіе! Да возпламеняются сердца ваши огнемъ усердія и вѣры! Тогда, чада земли и неба, тогда держайте молитву Его — и моленіе душъ чистыхъ не останется безплодно.

(по нѣкоторомъ молчаніи).

Нѣжный миртъ человѣчества! о вы, первенцы весенніе, — любезные отроки! благословите Творца своего въ простыхъ сердечныхъ пѣсняхъ!

Хоръ отроковъ.

Еще нашъ юный умъ не знаетъ,
Кто Ты еси, Отецъ!

Но сердце наше ощущаетъ,

Что благъ есть нашъ Творецъ.

Ты

Ты насъ живишь, питаешь,
И радость въ насъ вливаешь.
Тебя мы славимъ всѣ,
Тебя мы хвалимъ всѣ!

Главный жрецъ.

Пышная роза странъ восточныхъ,
благодѣльные юноши! пламенные взоры
ваши возвѣщающъ мнѣ полношю вашихъ
сердецъ: и такъ да изліется она предъ
Всевышнимъ въ гармоническихъ нѣ-
сняхъ!

Хоръ юношей.

Возхвалимъ, возхвалимъ
Сотворшаго все!

Прославимъ, прославимъ
Живящаго все!

Онъ въ громахъ и въ буряхъ

Порочныхъ страшитъ,

И въ нѣжныхъ зефирахъ

Быть добрымъ велитъ.

Возхвалимъ, возхвалимъ

Сотворшаго все!

Прославимъ, прославимъ

Живящаго все!

Главный жрецъ.

О вы, созрѣвшие плоды щедрой Ара-
віи, мужи достойные! предайтесь внуш-
реннему священному влеченію своему —
и да удостоится гимнъ вашъ благосло-
венія Небесъ!

размышленіи. Оиміамъ курится во всѣхъ
сторонахъ храма.

Потомъ главный жрецъ оборачивает-
ся къ народу. Вдругъ раздается въ хра-
мѣ музыка и жрецы поютъ хоромъ:

Великѣ, великѣ Сотворшій землю,
Моря, поля, луга, лѣса!

Великѣ Сотворшій солнце, звѣзды,
Луну, эфиръ и небеса!

(музыка умолкаетъ).

Главный жрецъ.

Смертные, собравшіеся вкупѣ для
приношенія моленій своихъ Вѣчному! по-
чувствууйте живо Его величіе! Да возпла-
менятся сердца ваши огнемъ усердія и
вѣры! Тогда, чада земли и неба, тогда
держайте молитвъ Его — и моленіе душъ
числыхъ не останется безплодно.

(по нѣкоторомъ молчаніи).

Нѣжный миртъ человечества! о вы,
первенцы весенніе, — любезные отроки!
благословите Творца своего въ простыхъ
сердечныхъ пѣсняхъ!

Хоръ отроковъ.

Еще нашъ юный умъ не знаетъ,

Кію Ты еси, Отецъ!

Но сердце наше ощущаетъ,

Что благъ есть нашъ Творецъ.

Ты

Ты насъ живишь, питаешь,
И радость въ насъ вливаешь.
Тебя мы славимъ всѣ,
Тебя мы хвалимъ всѣ!

Главный жрецъ.

Пышная роза странъ восточныхъ,
благолѣпные юноши! пламенные взоры
ваши возвѣщающъ мнѣ полноду вашихъ
сердецъ: и такъ да изліется она предъ
Всевышнимъ въ гармоническихъ нѣ-
сняхъ!

Хоръ юношей.

Возхвалимъ, возхвалимъ
Сотворшаго все!
Прославимъ, прославимъ
Живящаго все!

Онъ въ громахъ и въ буряхъ
Порочныхъ страшитъ,
И въ нѣжныхъ зефирахъ
Быть добрымъ велитъ.

Возхвалимъ, возхвалимъ
Сотворшаго все!
Прославимъ, прославимъ
Живящаго все!

Главный жрецъ.

О вы, созрѣвшие плоды щедрой Ара-
віи, мужи достойные! предайтесь внуш-
реннему священному влеченію своему —
и да удостоится гимнъ вашъ благосло-
венія Небесъ!

Хоръ мужей.

Кто бездну моря могъ измѣрить,
И счесть песокъ на днѣ его?

Кто звѣзды неба могъ изчислить?

Никто, никто не могъ сего.

Никто не могъ измѣрить

Величія Творца;

Никто не могъ постигнуть

Премудрости Его.

Главный жрецъ.

Рѣткисые кедры, устоявшіе про-
тивъ бурь мяшежной жизни, и служа-
щіе кровомъ для древъ юныхъ и цвѣ-
товъ слабыхъ! почтенные старцы, съ-
динами опытности украшенные! мы ожи-
даемъ вашего пѣснопѣнія.

Хоръ старцевъ.

О Ты, Который міромъ правишь,

И знаешь все, и все творишь!

Ты благо, благо міромъ правишь,

И мудро, мудро все творишь!

Прими хвалу отъ старцевъ,

Сбдыхъ и слабыхъ старцевъ;

Хвала у насъ въ устахъ,

Хвала у насъ въ сердцахъ.

Главный жрецъ.

Благо смертнымъ, чувствующимъ
величіе Творца своего! — Опроки! вы
ко-

конечно пришли молить Великаго о какомънибудь дарѣ, нужномъ для благополучія вашего?

Одинъ изъ отроковъ (приближась къ жрецу).

Мы всѣ пришли сюда съ однимъ желаніемъ. Ахъ, отецъ нашъ! и послѣдняя луна года сокрылась отъ глазъ нашихъ! — Мы хотимъ просить Великаго, чтобы Онъ далъ намъ новый годъ. Скажи намъ, отецъ нашъ, скажи, какая жертва будетъ Ему пріятна? Все, что имѣемъ, все готовы мы принести Ему въ даръ — только бы Онъ послалъ намъ новый годъ. Ахъ! намъ еще жить хочется!

Главный жрецъ.

Любовь къ жизни, дѣти мои, есть такое чувство, съ которымъ мы родимся; а жизнь есть величайшій изъ даровъ, получаемыхъ нами отъ Всещедраго. Но умѣемъ ли мы пользоваться дарами Его? Умѣемъ ли пользоваться жизнію? Если нѣтъ, то горе намъ, неблагодарнымъ! и мы не достойны ея, и молитва наша о продолженіи оной не будетъ услышана. Скажи же мнѣ, отрокъ, скажи искренно, какъ провелъ ты кончающійся годъ?

Отрокъ.

Я училъ наизусть правила мудрости; утѣшалъ старую и больную мать свою; приносилъ ей всегда лучшіе цвѣты и плоды; ловилъ хорошо поющихъ птичекъ, чѣсбы онѣ пѣніемъ своимъ ее веселили; собиралъ ѳиміамъ для храма, игралъ съ своими товарищами, но никогда не забывалъ пѣшь гимна въ честь Великому.

Главный жрецъ.

И совѣсть швоя была всегда покойна?

Отрокъ.

Совѣсть? Всегда — почти. Но иногда, не могши долго поймать птички, я сердился; а послѣ спыдился и разкаивался.

Главный жрецъ.

Хорошо, сынъ мой, что ты разкаивался --- и я надѣюсь, что общая молитва ваша будетъ услышана Великимъ, если ли всѣ отроки подобно тебѣ проводили сей годъ. — Юноши! чего вы желаете?

Одинъ изъ юношей (приближась къ жрецу).

Новаго года, отецъ нашъ. Едва только начали мы наслаждаться жизнію, чув-

чувствовать цѣну ея и благодарить Великаго.

Главный жрецъ.

Хорошо, сынъ мой; но какъ же ты наслаждаешься жизнью?

Юноша.

Стараясь дѣлать доброе.

Главный жрецъ.

Но что есть доброе?

Юноша.

Жить по правиламъ мудрости, благодарно наслаждаться Природою, сражаться съ страстями, побѣждать ихъ и не гордиться побѣдою.

Главный жрецъ.

Хорошо, юноша! — Ты старался дѣлать доброе: но всегда ли былъ ты доволенъ собою?

Юноша.

Ахъ, нѣтъ! иногда сердце меня обманывало; я предавался страсти — и поздно уже открывались глаза мои. Тѣмъ болѣе, отецъ мой — ахъ! тѣмъ болѣе желаю жить, чтобы впредь спрожайшимъ исполненіемъ правилъ мудрости загладить прошедшія преступленія.

Главный жрецъ.

Естьли вы всѣ, юноши, подлинно намѣрены впредь жишь лучше, то я надѣюсь, что Великій даруетъ вамъ новый годъ. — Мужи! чего вы просите у Великаго?

Одинъ изъ мужей (приближась къ жрецу).

Того дара, почтенный отецъ, которой общаешь ты отрокамъ и юношамъ. Мы просимъ его у Отца временъ не столько для себя, сколько для чадъ своихъ, — юныхъ слабыхъ чадъ, пребующихъ всегда нашей помощи. Что будетъ съ ними, естьли онѣ одинъ останутся? Кто ихъ возпищаетъ и наставитъ въ добродѣтели и мудрости?

Главный жрецъ.

Конечно отецъ долженъ научать сына — таковъ есть уставъ Натуры. Но чтобы другихъ наставлятъ въ добродѣтели и мудрости, надлежитъ быть самому добродѣтельнымъ и мудрымъ. — О чемъ воздыхаешь ты, сынъ мой?

Мужъ.

Чувствую свои недостатки; но надѣюсь исправить ихъ въ слѣдующій годъ и быть примѣромъ для сыновъ своихъ.

Что

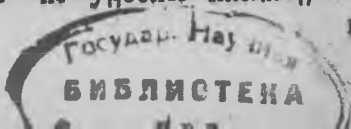
Что я былъ за пятьдесятъ лунъ передъ симъ? Все приближается по степенямъ къ совершенству, хотя — естли осмѣлюсь объявить свое мнѣніе — и не возможно достигнуть онаго на сей землѣ.

Главный жрецъ,

Блаженъ, блаженъ, кто безпрестанно приближается къ совершенству! — Сынъ мой! можно достигнуть онаго и на сей землѣ. Живи, бесѣдуй съ старцами, съ Натурою, съ сердцемъ своимъ — и ты увѣришься въ истинѣ словъ моихъ. Совершенство, о которомъ можемъ имѣть понятіе, есть конечно цѣль здѣшней жизни нашей. Такъ утверждаютъ всѣ мудрецы пространной Аравіи. — Благоговѣйте предъ Великимъ, смертные, и надѣйтесь, что Онъ исполнитъ ваше прошеніе! — — Уже ли и вы, почтенные старцы, еще не насытились жизнію? Давно возросли и созрѣли ваши чада; внуки ваши цвѣтутъ какъ лиліи въ срединѣ лѣта — для чего еще хотите вы жить въ семъ мірѣ?

*Одинъ изъ старцевъ (прибли-
жаясь къ жрецу).*

Для мудрости. Уже притупленные чувства наши не удобны наслаждаться

наружностію, которая прежде обольщала насъ; но въ сердцахъ нашихъ открылся изсточникъ живѣйшихъ удовольствій. Вникая въ тѣ вѣчные законы, которыми правится вселенная, мы удивляемся и чтимъ Великаго; но еще не совершенно открылись намъ сіи законы, слѣдственно мы еще не совершенно мудры, и желаемъ жить для приращенія своихъ знаній, безъ сомнѣнія пріятныхъ Великому. Между тѣмъ стараемся изкоренять въ себѣ остатки тѣхъ пороковъ, которые владѣли нами въ юнѣйшихъ лѣтахъ.

Главный жрецъ.

Да изкоренятся оныя совершенно! — — И такъ, смертные, всѣ вкупѣ возгласимъ моленіе о новомъ годѣ; и каждый звукъ пѣсни да изліется изъ глубины сердца нашего!

Всѣ хоромъ.

Отецъ временъ, Великій!

Пошли намъ новый годъ!

Пошли намъ новый годъ,

Отецъ временъ, Великій!

Отроки.

Тебя, Тебя мы славить будемъ,

Себя стараясь исправлять.

Юноши.

Ю н о ш и.

Тебя, Тебя мы славить будемъ,
Стараясь спраести побѣждать.

М у ж и.

Тебя мы будемъ пѣснословить,
уча примѣромъ чадъ своихъ.

С т а р ц ы.

Тебя мы будемъ пѣснословить,
Вникая въ мудрость дѣлъ Твоихъ.

Х о р ъ.

Отецъ временъ. Великій!
Пошли намъ новый годъ!
Пошли намъ новый годъ,
Отецъ временъ, Великій!

Главный жрецъ.

Се! — (сводъ храма разтворяется
и показывается молодой мѣсяцъ; всѣ упа-
даютъ на колѣни). — Благодаримъ Те-
бя, Отецъ времени и вѣчности! Се яв-
ляется юная луна, возвѣщающая намъ
наступленіе новаго года! Слава Тебѣ!
(сводъ затворяется, и всѣ встаютъ.)

Х о р ъ.

Тебя, Великій, славимъ,
Тебя, Великій, хвалимъ!

Ты далъ намъ новый годъ,
Послалъ намъ новый годъ!

Отроки.

Великій! зри на нашу радость!
Ты любишь радость чистыхъ душъ.

Юноши.

Ты любишь радость чистыхъ душъ:
Благослови же нашу радость!

Мужни.

Мы будемъ чадъ своихъ учить
Тебя хвалить, благодарить.

Старцы.

Тебя во всемъ искать мы будемъ,
Доколѣ въ мірѣ семъ пребудемъ.

Жрецы.

Въ сердцахъ своихъ мы чшимъ Его,
Великаго Творца всего.

Хоръ.

Тебя, Великій, славимъ!
Тебя, Великій, хвалимъ!
Ты далъ намъ новый годъ,
Послалъ намъ новый годъ!

Главный жрецъ.

Такъ, смертные! Онъ изподнялъ на-
ше моленіе и даровалъ намъ новый годъ.
Вы

Вы видѣли младую луну: какъ она ясна и нѣжна! да будетъ такова жизнь наша въ теченіе сего года! — Чада и брація мои! всѣ мы сотворены ко щастію, и въ каждомъ возрастѣ можемъ онымъ наслаждаться. Тихое, веселое сердце, любящее добродѣтель и мудрость, есть святилище щастія; безпорядочныя страсти разрушаютъ оное — такъ свирѣпая буря обрываетъ розу и лишаетъ ее всѣхъ пріятностей — тогда щастіе отъ насъ удаляется. — Каждый возрастъ имѣетъ свои опасности, злыя страсти, свирѣпыя бури. И кедръ можетъ еще превратиться въ прахъ отъ громоваго удара; и мудрому старцу предстоятъ еще опасности. Но еслии будемъ жить такъ, какъ велитъ совѣсть, которая съ равною силою говоритъ и въ отрокѣ и въ старцѣ: тогда спасемся отъ всѣхъ опасностей, миръ будетъ обитать въ сердцахъ нашихъ, и щастіе отъ насъ не отлучится. Отроки и юноши! любите добродѣтель, наслаждайтесь Природою и будьте щастливы! Мужи! любите добродѣтель, воспитывайте во благѣ чадъ своихъ и будьте щастливы! Старцы! погружайтесь умомъ своимъ во глубину дѣлъ Великаго, возводите по лѣствицѣ добро-

добродѣтели выше прочихъ земнород-
ныхъ, и будыше щасливы въ сей годѣ
и во вѣки!

Х о р ъ.

Будемъ въ годѣ сей возвышашься

Въ добродѣтели святой,

И душевно просвѣщашься

Свѣтомъ мудрости простой!

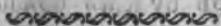
Будемъ тѣмъ Творцу угодны,

Будемъ къ щастію способны.

Благо, мудро станемъ жиць

И Великому служить!

К о н е ц ъ с ц е н и .

СНОВИДѢНІЕ (*).

Какъ мучимся мы, когда любезную намъ вещь почитаемъ для себя потерянною! Какъ душа наша въ воображеніи спремится за нею! И сколь усиливается безразсудная любовь ея къ ней и уныніе, когда она, въ случаѣ неудачи, опять въ себя приходитъ! Скорбь наша — вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ разуму, которой могъ бы облегчить ее — ищетъ новой пищи. Она принуждаетъ память представлять разные случаи и обстоятельство ихъ удовольствій, которыми мы прежде наслаждались; пріятности, доставляемыя тѣмъ богатствомъ, котораго мы лишились; силу и блескъ прежней знатности нашей; или голосъ, слова, взоры, нравъ и склонности нашихъ умершихъ друзей. Отъ сего-то страсть возрастаетъ до такой степени, что раздираетъ сердце, ее питающее, естли время не опшметъ у сихъ обстоятельствъ силы и живости, отъ чего разумъ приходитъ въ большее равновѣсіе со страстію, или другое близ-

Часть XVII. Но. 2. Б жай-

(*) Сія піеса переведена съ Англійскаго языка изъ Слехтатора.

жайшее желаніе не затмилъ ихъ живѣйшимъ представленіемъ. — Занимаясь такими мыслями, я заснулъ и увидѣлъ сонъ, относящійся къ сему предмету; и такъ онъ могущъ служить приличнымъ введеніемъ къ описанію онаго.

Я очутился на пустомъ берегу среди такихъ людей, которыхъ жалостной видъ показывалъ горестное разположеніе души ихъ. Передъ нами была глубокая и тихая вода, называемая *рѣкою слезною*, которая текла съ высокаго мѣста изъ двухъ источниковъ, и окружала островъ, передъ нами лежавшій. По ней ходила лодка старая и худая, которая иногда бывала опрокидываема отъ неперпѣнія и поропливости нѣкоторыхъ пассажировъ, желавшихъ скорѣе доплыть до другаго берега. *Нещастіе*, ею управляющее, тотчасъ подвезло ее къ намъ, и мы уже готовились сѣсть въ нее, какъ явилась женщина, виду крошкого и покойнаго, которая стала насъ отводить отъ нее, представляя опасности, сопряженныя съ такимъ плаваніемъ. Тѣ, которые признали въ ней *Теропливостъ*, и нѣкоторые изъ тѣхъ, кои до того громче всѣхъ кричали, были ею убѣждены и возвратились назадъ. Мы остав-

шиеся

шіеся вошли въ лодку; а она — не хотѣвъ по своему великодушію оставить людей въ замѣшательствѣ — желала провождать насъ, чтобы во время пуши жопя нѣсколько насъ утѣшать и подавать намъ совѣты. Какъ скоро мы ушли, лодка отъ берегу отдѣлилась, парусъ раздулся отъ *вѣдоховъ*, которые въ сихъ мѣстахъ служатъ вмѣсто вѣтровъ, и мы приплыли къ другому берегу со многими трудностями, незамѣчаемыми большею частію изъ насъ.

Приставъ къ берегу, увидѣли мы, что островъ былъ покрытъ удивительными туманами, которыхъ свѣтъ никакъ не могъ проникнуть, такъ что черной ужасъ вѣчно пребывалъ въ семъ мѣстѣ. Такой видъ устрашилъ людей крошкихъ, и нѣкоторые, уговоренные въ сіе время *Терпѣливостію*, тушъ насъ оставили, и тихонько пошли по берегу острова искать броду, которымъ они, по словамъ *Терпѣливости*, могли перейти рѣку.

Что касается до меня, то я шелъ все впередъ, съ тѣми, которые хотѣли дойти до средопочія острова; и соединясь съ другими, кои попались намъ на дорогѣ, продолжали мы путь свой съ

унылою важностію, подобно какъ при похоронахъ, прсбираясь съвозъ сросстшіеся розмаринные кусты и тисовыя деревья, которыя по большой части осѣняютъ гробницы и цвѣтутъ на кладбищахъ. Тутъ слышали мы со всѣхъ сторонъ плачь и стенаніе разныхъ жителей, которые въ отчаяніи валялись подъ деревьями; и когда мы приблизились къ нѣкоторымъ изъ нихъ, то увидѣли, что они ломали руки, били себя въ грудь, рвали на себѣ волосы, или инымъ образомъ обнаруживали волненіе скорби своей. Наше уныніе увеличилось отъ вліянія слышимаго и видимаго нами, и одинъ изъ насъ доведенъ былъ до такой свирѣпости, что хотѣлъ повѣситься на большой вѣтви, будто бы нарочно для того перегнувшейся черезъ тропу, по которой мы шли; но нѣжнымъ стараніемъ упомянутой соупутницы нашей былъ онъ отъ того отвращенъ.

Мы уже дошли до самаго мрачнѣйшаго и безмолвнѣйшаго мѣста острова, и по усилившемуся шуму вздоховъ, которые между вѣтвями производили печальной свистъ, по густотѣ воздуха, которымъ едва можно было дышать, и по жестокому біенію сердца, болѣе и болѣе
въ

вѣ насѣ волновавшагося, узнали мы, что пришли къ *Гроту Печали*. Вѣ сей пространной, пустой и меланхолической пещерѣ, глубоко вдавшейся вѣ долину, текли ручьи темнокраснаго цвѣту. Унылое журчаніе сихъ сгущенныхъ и сонныхъ водъ, медленно пробиравшихся по разнымъ излучинамъ, смѣшивалось съ эхомъ сшенаній, которое раздавалось по всѣмъ перходамъ. Вѣ самой отдаленной части грота сидѣла сама *Печаль*. Путь къ ней былъ усѣянъ терніемъ и другими колючими растѣніями, а престолъ, на которомъ она сидѣла, изсѣченъ вѣ камнѣ; неравно обрубленномъ, для того, чтобы выдавшіеся углы его служили ей опорой. Тяжелой мракъ покрывалъ ее; голова ея, онымъ опягчаемая, преклонялась къ плечу. Такъ царствовала она надъ своими отчаянными подданными — будучи до безчувственности угнѣтена собою — вѣ вѣчной задумчивости и вѣ глубочайшемъ молчаніи. Съ одной стороны стояли подлѣ нее *Уныніе*, упдающее вѣ обморокъ, и *Блѣдность*, изсохшая какъ скелетъ; а съ другой *Забота*, внутренне мучимая воображеніемъ, и *Тоска*, снаружи шерзаемая *Безпокойствами*, которыя вѣ образѣ хищныхъ птицъ высасыва-

ли кровь изъ ея сердца. По всему своду разпроспранялся ужасъ; нѣсколько лампадъ, по разнымъ мѣстамъ разсѣянныхъ, которыхъ синее пламя подымалось и опускалось въ урнахъ, часъ отъ часу увеличивали его для глазъ нашихъ. Нѣкоторые изъ насъ упали, будучи изнурены безпокойствами пути, и предались шѣмъ мучителямъ, которыхъ тамъ вездѣ много было; другіе, утомленные и измученные, возвратились ко входу, гдѣ *Терѣ гворсть*, нами оспавленная, дожидалась насъ.

Съ нею — которой сотоварищество стало намъ пріятнѣе съ того времени, какъ мы почувствовали въ ней нужду — обошли мы гробъ и взошли на поверхность его, оставя плачевную долину, въ нѣдрахъ которой онъ находился. На семъ возвышеніи, по ея совѣту, мы остановились отдохнуть; и поднявъ глаза, которые до того были все въ землю погуплены, почувствовали мы нѣкоторое печальное удовольствіе, видя сквозь мрачную шѣнь великое множество людей, бывшихъ на островѣ. Сіе удовольствіе, которое кажется порочнымъ, было извинительно въ такое время, когда собственная горестъ наша не поз-

воляла намъ входить въ горестъ другихъ. Мы не почиали ихъ спирадающими, но тодько чувствовали свое освобожденіе отъ мукъ онаго пагубнаго состоянія. И такъ сіе чувство основывалось на челоуѣколюбіи и состраданіи, хотя душа наша, бывъ мрачна и слишкомъ занята, не могла того видѣть; но когда мы отошли подалѣе, сіе начало открываться, и примѣтя нещастіе другихъ, стали мы другъ у друга спрашивать, когда мы сошлись, и какіе печальные случаи свели насъ вмѣстѣ. Слушая свои исторіи, мы ихъ сравнивали, сожалѣли другъ о другъ, и постепенно дружились.

Такимъ образомъ прошли мы большую часть безпокойной дороги. Наконецъ отверстія между деревами стали разширяться, воздухъ казался тонѣе, угнѣпалъ насъ не столь уже сильно, и по временамъ видѣли мы въ немъ слѣды свѣтлѣйшей бѣлизны, подобные разсвѣту дня, скоро исчезащіе, но блиставшіе часъ отъ часу живѣе, и называемые въ сей странѣ *блесками забавы*. Скоро сіи блески стали чаще, обширнѣе и продолжительнѣе. *Вздохи*, до сего времени столь плачевно раздававшіеся въ воздухѣ, пре-

вратились въ вѣяніе обыкновеннаго вѣтерка, и вообще всѣ ужасы острова уменьшились.

Пришедши наконецъ къ броду, гдѣ намъ переходить надлежало, нашли мы тѣхъ обыкновенныхъ воздыхателей, которые вмѣстѣ съ нами перѣхали черезъ рѣку, но не захотѣвъ итти такъ далеко, какъ мы, шли по берегу до сего перехода, гдѣ и ожидали прибытія нашего, чтобы возвратясь вмѣстѣ съ нами, заставить людей думать, будто и они были среди ужасовъ Гроша. Вода, которая на другой сторонѣ была столь глубока и тиха, тутъ совсѣмъ пересохла, и намъ хорошо было переходить.

Перешедши на другую сторону, были мы встрѣчены друзьями и знакомыми нашими, которыхъ *Утѣшеніе* привело на берегъ поздравить насъ съ возвращеніемъ въ свѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ бранили насъ, что мы долго не возвращались; другіе совѣтовали намъ, не смотря на всѣ изкушенія, никогда уже не ходить туда, гдѣ мы были; иной говорилъ, что не надобно возобновлять нашей горести, спрашивая насъ о путешествіи нашемъ; и всѣ вообще заключили шѣмъ, что *Терпѣливость* была

была для насъ въ такой меланхоліи и горести наилучшею соупницею. *Терпѣливость*, услышавъ похвалы, развеселилась и поручила насъ *Утѣшенію*. *Утѣшеніе*, принимая насъ, улыбалось. Куда оно обратилось, тамъ небо покрылось вдругъ пурпуровымъ цвѣтомъ, и въ одну минуту возсіялъ надо мною день лучезарнѣйшій.

КРАТКОЕ ИЗВѢСТІЕ

О нѣкоторыхъ

БАСНОСЛОВНЫХЪ ПТИЦАХЪ.

Въ Натуральной Исторіи находятся такія же сказки, какъ и въ общежитіи. Многія люди думали, что Натура слишкомъ единообразна. Воображеніе любитъ чудеса; и тамъ, гдѣ Натура почитала ихъ излишними, оно по своей волѣ шворило ихъ. Казалось, что роды птицъ и рыбъ весьма малочисленны и не разнообразны. Не только однѣмъ дѣтямъ пріятны басни; и для взрослыхъ дѣтей надлежало сочинять оныя. Почли, что всего лучше вымышлять чудеса въ Натурѣ. Такимъ образомъ кисть разпаленного воображенія обогатила ее разными произве-

деніями, которыя удивляли легковѣрнаго человѣка, но въ которыхъ образующая Натура ни мало не участвовала. Пройдемъ теперь выдуманная чудеса въ царствѣ пернатыхъ. Обыкновеннѣшія изъ оныхъ суть:

І. Г Р И Ф Ъ.

Въ самомъ дѣлѣ есть птица изъ роду коршуновъ, которую называютъ *Гоффъ*; есть и другая, именуемая *Грифокоршуномъ*. Но здѣсь говорится только о баснословномъ *Грифѣ Живописцевъ и Поэтовъ*. И тѣ и другіе имѣютъ право давать свободу воображенію своему преимущественно передъ другими людьми, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не соединяли явныхъ противорѣчій, не приставляли человѣческой головы къ лошадиной перьями украшенной шеѣ, или рыбьяго хвоста къ женскому туловищу, и вообще не вымышляли никакихъ гнусныхъ чудовищъ. *Грифъ*, о которомъ рѣчь идетъ, есть довольно чудное произведеніе. Ему приписывали величину и корпусъ льва, голову и крылья орлиныя, перьями покрытое тѣло и четыре ноги. Есть ли въ *Натурѣ* нѣчто сему подобное?

Хотя птицѣ можно почитать особливимъ родомъ четвероногихъ животныхъ, у которыхъ двѣ заднія ноги держатъ на землѣ все тѣло, и служатъ имъ для ходьбы, а другія двѣ, обросшія перьями, должны носить ихъ по воздуху, и по тому вымышленная безобразная птица съ четырьмя ногами и двумя крылами подобна вымышленному четвероногому животному съ шестью ногами: однакожь сія ошибка кажется намъ не такъ странна, какъ другая; по тому что крылатые кони бога Поэзіи, богини Чести, Героевъ Аріостовыхъ, и проч. пріучили глаза и воображеніе наше къ такимъ уродамъ. Но гораздо хуже и противнѣе законамъ соразмѣрности и гармоніи будетъ то, естли у четвероногого животного отнимешь двѣ ноги; ибо крылья, которыя можно ему дать въ замѣну ихъ, будутъ нѣкоторымъ образомъ только случайною принадлежностію онаго.

Грифъ былъ собственно посвященъ Солнцу; и древніе Индійскіе живописцы заставляли его возить колесницу Солнцеву, думая, что лучи сего свѣтила не могли ослѣпить его. Образъ сей птицы находится и на нѣкоторыхъ медаляхъ.

ляхъ. По мнѣнію древнихъ жила она въ пустыняхъ и въ горахъ, искала золотыхъ жилъ и берегла сей металлъ съ великимъ раченіемъ. „Сія свирѣпая и спраш-
„ная птица боялась только львовъ,
„шигровъ и слоновъ. Индійцы ходили
„за нею обыкновенно во многолюдствѣ,
„при лунномъ свѣтѣ, въ надеждѣ, что
„она спитъ, и старались похищать у
„нее добычу; но она всегда почти была
„бдительнымъ стражемъ — и то, что
„служило къ обогащенію людей, надлежа-
„ло покупать кровію. „

Сколь подробно умѣли Древніе рассказывать исторію такого живошнаго, которое конечно никогда не существовало въ такомъ образѣ, какъ они его описывали. Но надобно думать, что при всякомъ случаѣ, когда говорится о свойствахъ и дѣйствіяхъ баснословнаго Грифа, мѣшающъ его съ онымъ большимъ темноокраснымъ коршуномъ, называемымъ иногда Грифомъ; или съ *Грифокоршуномъ*, о которомъ также нѣкоторые древніе Писатели говорятъ, что онъ слона подымаетъ съ собою на воздухъ и опять опускаетъ на землю до того, пока онъ упадетъ мертвой и можетъ служить пищею сей птицѣ.

Подробное описаніе и фигура сего вымышленнаго *Грифа*, которой спереди кажется сромѣ, а сзади львомѣ, находится въ *Aldrov. Ornithol. Franc. 1610. Lib. X. p. m. 304. &c.* и въ *Johnst. hist. avium p. 225. и Tab. 12. p. 162.* гдѣ между прочимѣ повѣствуется, что сіи птицы дѣлаютѣ себѣ гнѣзда изѣ одного золотѣ, споль искусно умѣя находить въ горахѣ золотыя жилы; и что въ сіи гнѣзда кладутѣ онѣ по два яйца, которыя гораздо болѣе и жесче орлиныхѣ.

Альдровандусѣ и Джонстонѣ говорятѣ, что естли принимаютѣ Грифа за нѣчто дѣйствительное и существенное, то подѣ симѣ именемѣ [откинувѣ вымышленной львиной образѣ] не лзя разумѣть ничего инаго, кромѣ Аравійскаго *Рука* или павлина, *Кондора* или *Грифокоршуна*, о которомѣ Г. Бюффонѣ сообщаетѣ подробное свѣдѣніе.

II. П Е Л И К А Н Ъ.

И въ разсужденіи сей птицы басня смѣшалась съ Исторіею, единственно для того, чтобы представить въ ней образѣ совершенной родительской нѣжности. Еще и по сіе время не извѣстно, по чему нѣ-
копто-

которыя Писатели утверждали, будто Пеликанова самка чрезмѣрными ласками и часпымъ треніемъ своего носа умерщвляетъ своихъ птенцовъ, по томъ при дни сидитъ подлѣ нихъ и показываетъ всѣ знаки величайшей горести; а самецъ, которой бываетъ еще печальнѣе самки, терзаетъ носомъ грудь свою, и лиющаяся кровь оживляетъ его птенцовъ. Въ сочиненіяхъ древнихъ Физиковъ нѣтъ ни малаго слѣда такого вымысла, хотя и есть въ оныхъ множество другихъ басней. — Изображеніе баснословнаго Пеликана находится въ Aldrov. Ornith. Lib. XIX. Tab. II. fig. I. Pelicanus Pictorum, и въ Johnst. de avibus. T. 62. fig. I.

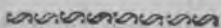
Прежде сего Физики весьма старались узнать, какую птицу должно разумѣть подѣ Аристотелевымъ и Эліановымъ Пеликаномъ, и подѣ Плиніевымъ Онокроталусомъ. Нѣкоторые думали, что Онокроталусъ есть ничто иное, какъ болотная цапля [которую Линней именуетъ *Ardea stellaris*, и которая называется по Нѣмецки *Kohrdommel*, по Французски *Butor*, по Англійски *Bittern*, *Butter-bump*] ибо она впускаетъ носъ свой въ шину и громко кричитъ. Другіе почитали Пеликаномъ Древнихъ болотнаго гуся

Гуся [*Isfifgans, Gralla Platalea Linn.*] у котораго носъ похожъ на ложку. Воестусъ полагаетъ за вѣрное, что Пеликанъ есть большая черная ворона; а Бохартъ хотѣлъ доказать, что онъ есть ночной воронъ (*Nycticorax*) Царя Давида. Можетъ быть сіи различныя мнѣнія были причиною того, что Петръ Гедонъ почиталъ Пеликана вообще птицею неизвѣстною и баснословною.

Не говоря болѣе о баснословіи Древнихъ, скажемъ, что Пеликанъ нынѣшнихъ Физиковъ есть самъ по себѣ весьма примѣчанія достойная птица. Пеликанъ древнихъ Живописцевъ былъ ничто иное, какъ выдумка; нѣкоторые изображали его орломъ, другіе цаплею. Но Пеликанъ Физиковъ есть собственно нѣкотораго рода гусь, которой по Персидски называется Такобъ или *Водоносъ*, и Мисси или *Овца*; а сіе послѣднее имя дали ему по величинѣ его. Перья его такъ бѣлы и мягки, какъ гусиныя. Голова у него по соразмѣрности болѣе тѣла. Носъ его будетъ длиною отъ осьмнадцати до двадцати дюймовъ, а толщиною въ руку. Подъ носомъ, во всю длину его, виситъ *мѣшокъ* или *кошель*, въ которомъ сія птица держитъ большое количество воды,

воды, чтобы оною поливать пищу свою. Обыкновенно кладетъ она длинной носъ свой на спину, чтобы онъ не мѣшалъ ей. Кормится она по большей части рыбою, которую весьма искусно ловитъ умѣетъ, опуская носъ свой въ воду такимъ образомъ, что рыба попадаетъ въ него какъ въ сѣть. Когда она раззинетъ ротъ, то и молодой ягненокъ можетъ пройти въ него. Въ Аравіи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ воды мало, дѣлаетъ она гнѣздо свое въ отдаленности отъ рѣкъ и колодезей, какъ бы предчувствуя, что въ такихъ мѣстахъ будущъ ея менѣе беспокоить. Но употребляя сію предосторожность, нужную для ея спокойствія, бываетъ она принуждена на нѣсколько дней оплешать отъ гнѣзда, чтобы принести воды птенцамъ своимъ, которую набираетъ въ *мѣшокъ*, висящій у нее подъ носомъ. Сіе по можетъ быть подало поводъ къ древней баснѣ, будто Пеликанъ разтерзываетъ грудь свою, чтобы кровью оживить своихъ птенцовъ.

(Продолженіе будетъ впредь).

III.

ФЕНИКСЪ.

Все то, что выдуманно на щетъ Пеликана, есть почти ничто въ сравненіи съ шѣми баснями древнихъ Грековъ, которыя они оставили намъ о своемъ Фениксѣ, пшицѣ столь же баснословной, какъ и славная Химера. Они предсказывали сего Феникса величиною съ большаго орла. Перья на шеѣ были у него золотыя, прочія пурпуровыя, на головѣ прекрасной хохолъ, хвостъ бѣлой, а въ хвостѣ нѣсколько красноватыхъ перьевъ. Глаза его блистали какъ большія звѣзды. Овидій, какъ Поэтъ, опредѣляетъ ему въ пищу ѳиміамъ и другія благовонія; а Клавдій и Лактанцій одну росу. Съ такимъ же правомъ могли бы они его посадить за столъ языческихъ боговъ, кормить амврозіею, а поить однимъ нектаромъ. Сенаторъ Манилій, возвращаясь изъ похода въ восточныя земли, первой разпустилъ въ Римъ чудной слухъ о сей пшицѣ. Дожь мало по малу принимала видъ совершенной истины, и разпространялась болѣе и болѣе. Одинъ Авторъ написалъ о Фениксѣ

Члѣтъ XVII. No. 3. В сѣ-

слѣдующее: „Разсмотримъ чудо, случа-
 „ющееся въ земляхъ восточныхъ. Тамъ
 „есть птица единственная въ своемъ ро-
 „дѣ, называемая Фениксомъ. Она жи-
 „ветъ около 500 лѣтъ; и когда почув-
 „ствуетъ приближеніе смерти своей, по-
 „дбляетъ себѣ гнѣздо изъ ѳиміама, смир-
 „ны и другихъ ароматовъ, садится въ
 „оное и черезъ нѣкоторое время умира-
 „етъ. Изъ гниющаго мяса ея родится
 „нѣкоторой червь, который нѣсколько
 „времени питается тѣломъ птицы, и
 „мало по малу оперяется. Получивъ бо-
 „льше силъ, беретъ гнѣздо, гдѣ лежатъ
 „кости того животнаго, отъ котораго
 „онъ произошелъ, и летитъ съ нимъ
 „черезъ Аравію въ Египетъ до города
 „Геліополиса. Туда прилетаетъ онъ въ
 „день, будучи всѣми видимъ; кладетъ
 „сѣ кости на олтарь Солнцевъ, и по-
 „томъ тотчасъ опять улетаетъ. То-
 „гда Египетскіе жрецы справляются съ
 „своими лѣтописями, и по вѣрномъ из-
 „численіи находятъ, что самая сѣ пти-
 „ца за пять сотъ лѣтъ передъ тѣмъ
 „являлась.„

Изъ Италіи дошла сѣ басня до Аф-
 рики, какъ то изъ Тертуллиана видно.
 Однакожь Древніе въ разсужденіи образа
 смерти

Смерти Фениксовой были между собою не согласны. По большей части утверждали, что сей пернатой спарецъ, чувствуя конецъ свой, садится на кочеръ, зажигаетъ его лучами солнечными, махая безпрестанно крыльями, и такимъ образомъ сожигаетъ самого себя; а изъ пепла его рождается другой Фениксъ — по чему птица сія и была посвящена Солнцу. Удивительно то, что не смотря на всѣ противорѣчія въ разсужденіи образа смерти и долгой жизни сей птицы, Тацитъ ни мало не сомнѣвается въ ея существованіи, и кажется совершенно увѣреннымъ въ томъ, что въ нѣкоторое время дѣйствительно видятъ ее въ Египтѣ.

Имя *Phoenix*, означающее и пальмовое дерево и оную птицу, могло подать нѣкоторой поводъ къ сему заблужденію; ибо сокъ пальмоваго дерева такъ питателенъ, вкусенъ и здоровъ, что нѣкоторые почитали его наилучшимъ средствомъ къ излѣченію самыхъ опасныхъ болѣзней, и къ продолженію жизни. Впрочемъ мало нужды знать, кто сперва началъ такимъ образомъ играть словами, и Греки ли, или Раввины — Арабы, или Египтяне — украсили сію игру прекрасными выдумками Гибзда, благовоній,

ожженія, смерти, воскресенія, и жертвы благодарности, приносимой Солнцу въ Геліополісѣ. Смѣлые вымыслы Поэтовъ и Живописцовъ, сколь они сами по себѣ ни похвальны, также могли способствовать разпространенію сихъ басней. Хорошіе стихи, купно съ изображеніемъ птицы, возстающей изъ своего пепла — какое сильное средство разпаливъ воображеніе такихъ народовъ, которые всегда любили чудное!

Изображеніе Феникса, сожигающагося на кострѣ, можно видѣть въ Джонсеновомъ сочиненіи, Т. 62, F. 2; а всю басню прочесть на 226 стр. cf. *Cours de la Nat.* Т. IV. p. 309.

Хотя Цезарь Скалигеръ и самъ могъ все сіе придумать, однакожь ему весьма не хотѣлось изгнать Феникса изъ царства существенности. По шому утверждалъ онъ, что Фениксъ есть Семенда или Семендаль, живущій въ южныхъ земляхъ Индіи. Пишутъ, что у сей птицы носъ съ тремя уступами, подобно флейтамъ Органа, и что она передъ своею смертію производитъ въ ономъ такіе шоны, которые сослaviaютъ прекрасное пѣніе. Прочая исторія сей странной птицы совершенно согласуется съ баснею

баснею о Фениксѣ. См. Johnst. . с. р. 227.

Семенда и Фениксѣ извѣстны намъ только по имени и по баснямъ. Смѣшно бы было, естли бы кто нибудь въ наши времена вздумалъ пространно опровергать ихъ существованность. Главное намѣреніе наше состоитъ въ томъ, чтобы молодымъ людямъ, начинающимъ учиться Натуральной Исторіи, примѣрами показать, что они могутъ найти множество именъ, подъ кошорыми, крѣмъ игры воображенія, ничего существеннаго разумѣть не лзя,

Къ сему же классу принадлежатъ:

IV.

ГАРПИИ ДРЕВНИХЪ ПОЭТОВЪ.

Сіи вымышленныя пщицы были составлены изъ женской головы и коршунова корпуса съ кривыми острыми когтями. См. Johnst. Т. 62. F. 3. Гезіодъ говоритъ, что ихъ было собственно три: Aello, Osypeta и Celano. Въ разсужденіи ихъ произхожденія еще не согласились, хотя бы, кажется, весьма легко было приписать оное воображенію Поэтовъ. Древ-

ніе почитали ихъ Геніями. Виргилій въ 3 книгѣ своей Героической Поэмы назначаетъ имъ жилище на одномъ изъ Греческихъ острововъ, которые тогда назывались Строфадами и лежали на большомъ Іоническомъ морѣ. Онъ описалъ ихъ ужасными красками. Полетомъ своимъ производящъ онъ ужасной шумъ; а крикъ ихъ столь же несносенъ, какъ и запахъ. Увидя издали пищу, онъ оскверняютъ ее, и все уносящъ съ собою. Сія-то хищность, можетъ быть, подала поводъ къ ихъ наименованію, принадлежащему въ собственномъ смыслѣ хищнымъ и злобнымъ людямъ, которые, къ нещастію, не на однихъ Строфадскихъ островахъ находятся.

Всѣ изобрѣшенія Поэтовъ по большой части основаны на нѣкоторыхъ моральныхъ истинахъ, которыя хотѣли они представить чувственнѣе; и такъ подъ Гарпією, сидящею на мѣшкѣ съ деньгами, разумѣютъ обыкновенно скупago. Иногда же изображаютъ сіи пшицы злобу. — Такимъ образомъ и въ Поэзіи и въ Живописи хотѣли Гарпіями изобразить нѣкоторые пороки.

V.

КОРИЧНАЯ ПТИЦА.

И сія птица принадлежитъ, кажется, или къ выдуманнѣмъ, или по крайней мѣрѣ къ неизвѣстнѣмъ во времена наши. Геродотъ пишетъ, что она птица большая. Другіе сравниваютъ ее съ большимъ воробьемъ, и говорятъ, что она отчасти желтая, отчасти голубая, и что носъ у нее длинной желтоватой. Древніе пишутъ, что она живетъ въ Аравіи; напрошивъ того Албертъ почитаетъ ее отечествомъ Еѣіопію.

Говорятъ, что сіи птицы дѣлаютъ гнѣзды свои изъ маленькихъ вѣтвей коричнаго дерева, или на высокихъ деревьяхъ, или на крутыхъ скалахъ. Когда Арабы захотятъ ихъ поймать, то кладутъ близъ ихъ гнѣздъ большіе куски мяса. Птицы напрасно стараются отнести сію пищу въ свое гнѣздо; силъ ихъ на то недостаетъ — онѣ упадаютъ съ добычею на землю, и тогда Арабы берутъ ихъ руками. Прекрасная басня, ясно показывающая намъ, что Древніе не имѣли понятія о точныхъ дѣйствіяхъ животнаго инстинкта, или есте-

ственного побужденія, по которому животное никогда не берется за невозможное для себя дѣло. И такъ когда говорится о *Коричной птицѣ*, то можно смѣло полагать, что разсказывается басня.

VI.

О *Гарцской птицѣ* извѣстно то одно, что Древніе приписывали ей блестящія перья, которыя могли освѣщать самую глубокую тьму.

VII.

Беллоній почитаетъ и птицу *Каснійскаго моря* неизвѣстною и баснословною птицею. Пишутъ, что она величиною съ гуся; что спина у нее красная, брюхо сѣдое, шея длинная бѣлая съ желтыми пятнышками, и ноги журавлиныя. Въ описаніи сей птицы всего примѣчательнѣе то, что она квакаетъ какъ лягушка.

VIII.

Между вымышленными птицами находясь и такія, которыхъ происхожденіе

ніе надобно искать въ Миѳологіи или въ баснословіи древнихъ язычниковъ. На пр извѣстно изъ басни, что Мемнонъ, сынъ Титѳоновъ и Авроринъ, былъ превращенъ Аполлономъ въ птицу, которая болѣе прочихъ размножается, и всякой годъ — какъ утверждали Древніе — летаетъ изъ Еѳіопіи въ Трою, чтобы на гробъ отца своего пролить слезы сыновней любви.

IX.

СЕЛЕВКСКАЯ ПТИЦА.

Жители горы Казіуса и Селевкии просили Юпитера, чтобы онъ послалъ имъ такую птицу, которая могла бы освободить ихъ отъ множества саранчи, поѣдавшей хлѣбъ ихъ. Кажется, будто языческой богъ исполнилъ ихъ прозьбу, пославъ имъ *Селевкскую птицу*; ибо Плиній въ десятой книгѣ своей Натуральной Исторіи пишетъ, что она ужасно пожираетъ саранчу — которая, по Джонстонову свидѣтельству, въ желудкѣ ея совсѣмъ исчезаетъ — и сравниваетъ ее съ нѣкоторыми людьми, которыя единственно тогда показываются, когда имѣютъ въ чемъ нибудь нужду, и посѣща-

ютъ своихъ знакомыхъ только въ то время, когда хотятъ отъ нихъ чѣмъ нибудь воспользоваться.

Х.

ПТИЦА СТИМФАЛИЧЕСКАГО ОЗЕРА.

Пишутъ, будто сіи птицы, величиною ужасныя, жили прежде въ Аркадіи, и наиболѣе держались близь береговъ Стимфалическаго озера, гдѣ былъ отъ нихъ несносной духъ. Геркулесу предоставлена была честь изтребить ихъ стрѣлами своими; ибо онѣ, по словамъ Павзанія, жестоко гнали тамошнихъ жителей. Естьли вѣрить Белону, то сіи птицы въ самомъ дѣлѣ существовали. Онѣ говорятъ, что онѣ величиною съ журавля; что на головѣ у нихъ хохолъ; что впрочемъ подобны онѣ Ибису, или черному Египетскому аисту; что онѣ часто бывають видимы въ Аравійскихъ пустыняхъ, и свирѣпостію своею подобны лвамъ и барсамъ. Джонстонъ пишетъ, что онѣ хотя и подобны Ибису, однакожь носъ у нихъ не кривой, и такъ острѣ и крепче, что онѣ могутъ онымъ про-

пкнуть

ткнушь щитъ. Плиній также называетъ ихъ хохлатыми. (LXI. 6. 37). Изидоръ почитаетъ ихъ морскими птицами; а другіе пишутъ, что онѣ живутъ въ пустыняхъ — противорѣчіе, по которому можно сомнѣваться въ существованіи сихъ птицъ!

XI.

Аристофанъ говоритъ еще о нѣкоторой птицѣ, которую называетъ онъ Фенедріопсомъ, но о которой кромѣ его никто не упоминаетъ.

XII.

Сирены, которыя обыкновенно почитались морскими Нимфами, по мнѣнію Джонсона также принадлежатъ къ числу баснословныхъ птицъ, хотя изображали ихъ сверху женщинами, а снизу рыбами; ибо нѣкоторымъ любителямъ вымысловъ угодно было превратить ихъ верхнюю часть въ воробья, а нижнюю въ женщину. Правда, что человекъ въ произведеніяхъ своего воображенія самовластенъ, и по волѣ можетъ давать имъ всякіе виды; однакожь щастливы мы, что въ наши просвѣщенные времена не имѣемъ

емѢ нужды вымышлять чудовищѢ, чтобы такимѢ гіероглифомѢ изобразить какую нибудь истину. Кто ко щастію своему не полѣнится разсмотрѣть Натуры во всемѢ ея пространствѢ, во всей многообразности и красотѢ, тому легко будетѢ и въ царствѢ дѣйствительности найти множество предметовѢ, которыми по своей волѢ можешѢ аллегорически изобразить всякія добродѣтели и пороки. ВпрочемѢ всегда не мудро поступилѢ тотѢ, кто, желая доказать или представить чувственнѢ истину, прибѣгнетѢ къ выдумкамѢ.

ОТРЫВОКЪ РѢЧИ

О

СТРЕМЛЕНІИ ПОДРАЖАТЬ ИНОСТРАНЦАМЪ (*).

Всякой, разсматривающій со вниманіемѢ характерѢ и нравы народовѢ, долженѢ со мною согласиться, что каждая нація имѣетѢ къ себѢ нѣкоторое почтеніе, одушевляется нѣкоторою благородною гордостію. И естли поищемѢ при-
чины

(*) Сочиненіе Іосифа Редера — переводѢ съ Нѣмецкаго.

чивы сему, то найдемъ, что сія гордость основывается на ея древности, могуществѣ и великихъ дѣлахъ, воинскихъ и гражданскихъ, или на оныхъ мужахъ, которыхъ она произвела въ нѣдрахъ своихъ, и которымъ удивлялись всѣ народы; почему гордость ея справедлива. Какъ же нація должна думать о такомъ недостойномъ гражданинѣ своемъ, которой презираетъ честь и славу своего отечества, и только иностранное уважаетъ, чужаго желаетъ, и чужому подражаетъ; которой, презирая природной языкъ свой, учится только иностраннымъ; которой едва ли по имени знаетъ сочинителей, составляющихъ славу своего народа, отечественные нравы почитаетъ грубыми, и по голосу, тѣлодвиженіямъ и плащью естъ иностранецъ; которой не удостоиваетъ своего употребленія никакой вещи, не изъ за-моря привезенной? Не презираютъ ли его всѣ благоразумные соотечественники? Не почитаютъ ли его всѣ прочіе сограждане извергомъ, измѣнникомъ, предателемъ своего отечества? — И я, я изберу долю сего несчастнаго? Я буду подражать ему? . . Нѣтъ! лучше удалюсь отъ всякаго человѣческаго общества, лучше буду жить въ пещерахъ дикихъ

дивихъ звѣрей, нежели пить горькую чашу презрѣнія справедливыхъ согражданъ моихъ.

Еще бы можно было нѣкоторымъ образомъ извинить сихъ рабскихъ подражателей, естли бы они надѣялись чрезъ то прославиться и быть щастливыми; или естли бы иностранцы думали объ нихъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ несноснѣе кажутся они своимъ соотечественникамъ. Но въ противномъ увѣряетъ насъ оное *народное самоуваженіе*, оная благородная гордость, которую — какъ я уже сказалъ — имѣютъ всѣ націи. Всякой народъ почитаетъ иностранцевъ неспособными достигнуть той степени совершенства, до которой по его мнѣнію онъ достигъ. Что же подумаетъ нація о томъ, которой, будучи отъ природы склоненъ къ тихой важности, перенимаетъ ея говорливость, или, наслѣдуя постоянной національной характеръ, рабскимъ подражаніемъ старается пріобрѣсти въ обхожденіи и въ тѣлодвиженіяхъ живость, собственно ей принадлежащую; которой, не произнося на природномъ языкѣ и пяти словъ безъ ошибки, хочетъ на языкѣ ея сочинять стихи? Не будетъ ли она смѣяться надъ нимъ? не назоветъ ли его обезъ-

обезьяною? или, по крайней мѣрѣ, не пожалѣешь ли о его несчастномъ опытѣ? Можетъ быть одинъ изъ многихъ [ибо различны душевныя дарованія] и будетъ въ подражаніи своемъ щастливѣе: однакожь иностранцы, по оной національной гордости, не воздадутъ ему надлежащей хвалы, которую по его достоинству конечно бы воздалъ ему народъ его.

Не думайте, государи мои, чтобы я намѣренъ былъ охуждать тѣхъ славныхъ Авторовъ, которые писали на иностранномъ языкѣ, можетъ быть болѣе прочихъ обработанномъ, и которыхъ превосходныя творенія читаются съ удивленіемъ отъ Лиссабона до Константинополя — въ то время, когда еще нашъ языкъ былъ грубъ и необработанъ; когда еще не было у насъ оныхъ сочинителей, которыми наша нація по справедливости можетъ гордиться. Нѣтъ, государи мои! я вмѣстѣ съ вами удивляюсь нашему Цезарю, Лейбницу, Бару, Пельницу и Билефельду. Однакожь иностранцы не приписываютъ имъ той похвалы, которой они достойны. Я имѣлъ случай говорить съ Французомъ о сочиненіяхъ Барона Билефельда со всемъ свойственнымъ мнѣ жаромъ; но онъ отвѣчалъ мнѣ весь-

ма холодно: oui, il écrit assez bien en François pour un allemand [да, а я Нѣмецъ пишетъ онъ по Французски изрядно] — а вы знаете, что Французъ разумѣетъ подъ названіемъ allemand.

Какъ же безразсудны и несчастливы сіи подражатели, которые, привыкнувъ уважать одно чужое, доходятъ наконецъ до такого состоянія, что нигдѣ не имѣютъ права гражданства! Презиралъ все въ отечествѣ своемъ, бывають за то предметомъ ненависти своихъ согражданъ и посмѣяніемъ иностранныхъ, которымъ столь рабски подражаютъ. Никогда, никогда не буду я противъ тебя неблагодаренъ, любезное мое отечество! Всегда буду стараться быть тебя достойнымъ. Знаю и чую твою древность, великія дѣла сыновъ твоихъ, служившихъ Религіи и Наукамъ, и прославившихся въ цѣломъ мірѣ. Воздаю честь храбрости, вѣрности, важности и постоянству моихъ Патриотовъ. Но если и въ другихъ земляхъ найду что нибудь хорошее, могущее возвысить истинную славу моей націи, и служить къ истинному щастію моихъ согражданъ, то никогда не откажусь подражать тому.

~~~~~~~~~

МИЗОНЪ ХЕНСКОЙ, или ДЪЯТЕЛЬНОЙ МУДРЕЦЪ.

Древній Философической анекдотъ (*).

Во время семи Греческихъ мудрецовъ было уже въ обыкновеніи путешествовать, чтобы научиться чужимъ наукамъ и узнавать людей. Но сіе обыкновеніе отличалось отъ нынѣшняго тѣмъ, что тогда путешествовали по большей части люди разумные, желавшіе обогатиться чужими знаніями, а не безбородые юноши, дорогою цѣною покупающіе чужіе пороки и болѣзни. Грекъ ѣздилъ въ Египетъ, чтобы научиться мудрости; а когда Египетская мудрость хорошо принялась на Греческомъ грунтѣ, и принесла благословенные плоды, тогда ѣздили въ Грецію для собиранія сихъ плодовъ — такъ какъ нынѣ начинаютъ ѣздить изъ Франціи и Англіи въ Германію за основательными продуктами Философіи.

Часть XVII. No. 4.

Г

Ана-

(*) Переведенной съ Нѣмецкаго языка изъ Нѣмецкаго Меркурія.

Анахарсисъ, братъ Царя Скиесскаго, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые крѣхали въ Грецію для того, чтобы тамъ обогатиться мудростію. Онъ познакомился со всѣми древними мудрецами, и свелъ дружбу съ Солономъ, которой удивлялся его остроумію. Такимъ образомъ Анахарсисъ зналъ уже Греческую мудрость, но не былъ еще доволенъ; онъ чувствовалъ въ душѣ своей нѣкоторую пустоту, которую хотѣлъ наполнить истинною мудростію, и рѣшился ѣхать въ Дельфы, чтобы спросить, кто въ Греціи мудрѣе его — кто знаетъ всю Греческую мудрость.

Онъ спросилъ — въ Пиеіи обнаружили божественныя конвульсіи, и Анахарсисъ изъ афористическаго отвѣта ея заключилъ, что Мизонъ Хенской въ Лакедемонской области мудрѣе его (*).

Анахарсисъ поблагодарилъ чистымъ золотомъ за полезное извѣстіе, сообщенное ему Аполлономъ; приготовился къ путешествію, и отправился въ Хену. Никакая волшебная молнія и никакой искусствомъ производимой громъ не препяшшвовали ему — такъ какъ Геркулесу,

---

(*) Диогенъ Лаерцій въ жизни Мизона.

лесу, когда онъ шелъ къ мудрецамъ Индійскимъ — прибыть благополучно къ мудрецу Хенскому.

Лѣто уже приходило къ концу, и вечеръ былъ прекрасной, когда онъ съ голоднымъ желудкомъ и съ жаждущею мудрости душою пріѣхалъ въ Хену. Мѣстечко было не велико; маленькіе хорошіе домики привлекли къ себѣ взоры его, а спокойные дружелюбные поселяне, съ искренностію желавшіе ему добра, привлекли къ себѣ его сердце. Онъ спросилъ о Мизонѣ. Съ ласковою услужливостію указали ему на средину мѣстечка. Онъ пошелъ, и издали увидѣлъ прекрасной домикъ, которой былъ поболѣе прочихъ; у воротъ стоялъ почтенной старецъ. Тутъ рѣшился онъ снова освѣдомиться о своемъ мудрецѣ. Подошедши поближе, увидѣлъ онъ, что старикъ придымываетъ къ сохѣ рукоятку. Сіе удивило его, — ибо тогда было уже время жатвы. Другъ мой! сказалъ онъ ему: мнѣ кажется, что теперь не время работать сохою. Однакожь время ее чинить, отвѣчалъ ему старецъ (*).

Г 2

добно

(*) Диогенъ Лэртій рассказываетъ сей анекдотъ въ жизни его.

добно признаться, что отвѣтъ хорошъ, сказалъ Анахарсисъ: ты знаешь искусство отвѣчать, другъ мой; и по тому надѣюсь я вѣрно узнать отъ тебя, гдѣ живетъ мудрецъ Мизонъ.

Мизонъ? сказалъ старецъ — ибо зима жизни посребрила уже волосы его — Мизонъ подлѣ тебя; но не спрашивай у него мудрости — она пребываетъ въ Дельфахъ у Аполлона — тамъ ее спрашивай.

Я теперь отъ него, отвѣчалъ Анахарсисъ, и пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы познакомиться съ Мизономъ.

Развѣ онъ можетъ тебѣ сдѣлать услугу? спросилъ старецъ. Превеликую, отвѣчалъ Анахарсисъ.

Хорошо, сказалъ старецъ: радуюсь, что онъ можетъ служить тебѣ. Вотъ тебѣ рука его — пойдемъ въ его жилище.

Какъ! возкликнулъ Анахарсисъ въ удивленіи: ты Мизонъ? Мизонъ, отвѣчалъ старецъ: но если ты ищешь Мизона въ пурпуровой одеждѣ, то конечно не найдешь его. Я найду его, сказалъ Анахарсисъ: ибо почтенной видъ его превращаетъ полотняную одежду въ пурпуръ.

Это

Это *аттически* (*) сказано, отвѣчалъ Мизонъ: но пойдѣмъ ко мнѣ въ домъ; можетъ быть ты будешь говорить со мною простѣ. Я принимаю твое благосклонное приглашеніе, сказалъ Анахарсисъ: но прежде позволь мнѣ, почтенной спарецъ, свести съ тобою дружбу и обнять тебя.

Мизонъ обнялъ его отъ добраго сердца и сказалъ: поди въ домъ мой, гдѣ опытомъ докажу тебѣ дружбу свою. Анахарсисъ съ живымъ чувствомъ пожалъ у старца руку, и вошелъ съ нимъ на дворъ.

Тутъ все было чисто и просто. Голуби и куры вмѣстѣ бѣжали клевать кормъ, кошорой бросала имъ хозяйка, одѣшая въ бѣлое полотняное платье. Я привелъ къ тебѣ странника — сказалъ ей Мизонъ — которой хочетъ насъ посѣтить. Добродушная жена его съ улыбкою взглянула на Анахарсиса, подошла къ нему и подала ему руку. Пойдемъ, любезной странникъ, сказала она: ты конечно отъ дороги усталъ; и такъ ош-

Г 3

дохни

(*) Сказать *аттически* значило у Грековъ сказать *сстроумно*.

дохни у насѣ. Анахарсисѣ взялъ ее за руку и пошелъ за нею.

Они вошли въ порядочной домѣ; и Мизонѣ, принудивъ Анахарсиса сѣсть, спросилъ у него, чѣмъ можетъ ему служить.

Когда ты такъ искренно хочешь одолжать меня, сказалъ Анахарсисѣ, то я конечно удовлетворю требованію твоему. Но прежде надобно сказать тебѣ, кто я. Зовутъ меня Анахарсисомъ; я братъ царя Скиѣскаго, и въ Грецію прѣхалъ за тѣмъ, чтобы учиться мудрости; посѣщалъ мудрецовъ вашихъ, и каждой сказалъ мнѣ нѣсколько умныхъ словъ. Талесѣ говоритъ, что величайшая наука есть познаніе самого себя; Солонѣ утверждаетъ, что надобно избирать не пріятнѣйшее, а лучшее — и такимъ образомъ всякой объявилъ мнѣ нѣчто доброе. Но я не былъ тѣмъ доволенъ — пошелъ къ Аполлону въ Дельфы, и спросилъ, кто еще мудрѣе меня, собравшаго всю мудрость Греческую? Пифія отвѣчала: Мизонѣ Хенской — и такъ я отправился въ Хену, чтобы научиться отъ тебя мудрости. Всякой Греческой мудрецъ сказывалъ мнѣ хорошія правила, теперь прошу, чтобы ты

уважи

увѣнчалъ мудрость, собранную мною въ отечествѣ швоемъ, и сказалъ мнѣ, что *собственно для меня* всего мудрѣе.

Мизонъ посмотрѣлъ на него, подумалъ и сказалъ: другъ мой! благодарю тебя и Аполлона за то хорошее мнѣніе, которое вы обо мнѣ имѣете; однакожь мнѣ удивительно, какъ вы оба — Аполлонъ и ты — вздумали искать мудрости въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ. Я не могу научить тебя никакимъ мудрымъ пословицамъ, такъ какъ мудрецы Греческіе; ибо не думаю, чтобы истинная мудрость состояла въ блистательныхъ правилахъ и пословицахъ. Но если ты неоптѣнно хочешь почитать меня мудрымъ, то позволь сказать, что мудрость по мнѣнію моему пріобрѣтается дѣятельностію. Правила и пословицы полезны; но онѣ мало принесутъ пользы, если опытомъ не увѣришься въ истинность ихъ. И такъ пробудь нѣсколько времени въ Греціи, и посмотри, какъ живутъ мудрые мужи; тогда будешь у тебя образцы, по которымъ можешь исполнять пословицы мудрыхъ. Однакожь я скажу тебѣ одну пословицу, которая для тебя — ибо ты братъ царской — есть самая мудрейшая. Замѣшь, что *можно*

быть мудрымъ безъ всякаго блеска и безъ зависти. Болѣе ничего не могу сказать тебѣ.

Ты довольно сказалъ, отвѣчалъ Анахарсисъ: но въ доказательство, что я готовъ исполнять твои наставленія, позволь мнѣ побыть у тебя нѣсколько времени, чтобы изъ дѣлъ твоихъ научиться мудрости; ибо я увѣренъ, что въ жизни твоей найду лучшія правила оной.

Ты весьма ласково говоришь со мною, сказалъ спарецъ: но въ доказательство, что я въ дѣлахъ своихъ не имѣю причины тебя бояться, съ удовольствіемъ хочу съ тобою жить, пока тебѣ угодно.

Анахарсисъ благодарилъ его за такую благосклонность, и Мизонъ разговаривалъ съ гостемъ своимъ о Скиѣской землѣ до того времени, какъ Арета приготовила небольшой деревенской ужинъ, такой чистой и вкусной, что самъ опецъ Юпишеръ не отказался бы сѣсть за столъ, такъ какъ нѣкогда у Филемона и Бавкиды.

Лишь только хотѣли они садиться, вбѣжали съ шумомъ три мальчика, крича всѣ вдругъ: ахъ, дѣдушка! миленькой дѣдуш-

дѣдушка! тамъ лежитъ бѣдной чловѣкъ.

Гдѣ? гдѣ? сказалъ съ шоропливостію Мизонъ.

У воротъ, отвѣчали дѣти: онъ лежалъ у забора противъ нашего сада, не могъ ийти, и просилъ насъ, чтобы мы довели его до дому; мы взяли его за руки и привели сюда.

Другъ мой! сказалъ Мизонъ: ты конечно позволишь мнѣ отдать преимущество праву чловѣколюбія передъ правомъ учивости. Мнѣ надобно прежде сходить къ этому чловѣку; а ты между тѣмъ садись съ женою моею за ужинъ. Нѣтъ, отвѣчалъ Анахарсисъ: я пойду съ тобою за добрымъ дѣломъ. Всталъ и пошелъ съ Мизономъ.

У воротъ нашли они чловѣка, который былъ уже въ лѣтахъ: скорбь и бѣдность изсушили лице его и помрачили его взоры. Другъ мой! сказалъ ему Мизонъ: чѣмъ могу служить тебѣ? — О доброй чловѣкѣ! отвѣчалъ странникъ: жалься надъ бѣднымъ, которой не можешь передвигать ногъ! Я изъ Аѳинъ; разшочительная жена и дѣти, ея развращенныя, ввергли меня въ несчастіе. Прошу только напоить и накормить ме-

ня, чтобы я могъ итти искать себѣ пропитанія. — Охотно напою и накормлю тебя, сказалъ Мизонѣ: а естьли можно, то и болѣе для тебя сдѣлаю. Пойдемъ ко мнѣ, странникѣ!

Бѣдной, собравъ всѣ силы свои, припавъ на дворъ, и сѣлъ на крыльцѣ. Поди въ домъ, сказалъ Мизонѣ; но странникѣ просилъ, чтобы онѣ позволилъ ему путь остаться и отдохнуть. Мизонѣ исполнилъ волю его, принесъ ему хлѣба и плодовъ, и по томъ сѣлъ самъ за столъ ужинать съ Анахарсисомъ.

Ты оставишь эпова человека у себя ночевать? сказалъ Анахарсисъ. Оставляю, отвѣчалъ Мизонѣ: по тому что онѣ имѣетъ нужду въ моей помощи. Но естьли онѣ обманщикѣ? спросилъ Анахарсисъ.

Какая нужда! Дѣлая ему добро, исполняю должность человеколюбія; а естьли онѣ обманщикѣ, то тѣмъ хуже для него.

Но естьли онѣ тебя въ эту ночь обокрадетъ? —

Нѣтъ — онѣ слабъ, а сокровищи мои весьма тяжелы. Развѣ ты думаешь, что онѣ, подобно Геркулесу, можетъ угнать скотъ мой и унести на себѣ мою нащню? Сверхъ того мнѣ позволено на-
блю-

блюдать всевозможную осторожность. Если бы онъ былъ человѣкъ сильной и съ виду подозрительной, то я отвелъ бы ему маленькую горницу, построенную для того на дворѣ, и заперъ бы ворота; а принять его обязанъ я по челоуѣколюбію.

Хорошо, сказалъ Анахарсисъ: но что же сдѣлаешь съ нимъ завтра? Если ему нужна будетъ помощь моя, отвѣчалъ Мизонъ, то я попрошу, чтобы приняли его въ домъ челоуѣколюбія, юторой мы здѣсь завели. Старыя женщины наши (*) понедѣльно шамъ жзйствуютъ, а двѣ дѣвушки служатъ больнымъ, чтобы научиться челоуѣколюбію и узнавать бѣдності челоуѣческую. Тамъ ему будетъ не худо; потому что каждой изъ поселянъ нашихъ почитаетъ себя за честь доставлять въ домъ челоуѣколюбія сѣстные припасы и плаше, смотря по надобности.

Это благодѣтельное заведеніе мѣ весьма нравится, сказалъ Анахарсисъ: мѣ
ы

(*) Въ Парижѣ многія знатныя Госпоки берутъ на себя попеченіе о заключенныхъ въ темницахъ больныхъ. Говартъ о темницахъ.

бы хотѣлось самому осмотрѣть его. Завтра можетъ исполниться воля твоя, отвѣчалъ Мизонъ; а теперь займешь себя другой предметъ. Въ нѣкоторые дни недѣли по вечерамъ собираются у меня мальчики и молодыя дѣвушки; съ ними приходятъ и прочіе жители мѣстечка нашего — и такимъ образомъ садимся мы подъ буковымъ деревомъ въ саду позади маленькаго моего домика. Тамъ въ краткихъ повѣстяхъ представляю имъ разные примѣры великодушія, гостепріимства и человѣколюбія. Старики, братья мои, также рассказываютъ разныя исторіи; а когда примѣтимъ, что дѣти перестаютъ уже со вниманіемъ слушать наши наставленія, то позволяемъ имъ играть въ невинныя игры, и примѣчаемъ ихъ спрасси, чтобы узнать собственной характеръ каждаго, и какимъ образомъ можно его поправить. Мы разсуждаемъ вмѣстѣ о порокахъ, которой въ комъ нибудь изъ нихъ примѣтимъ, и всякой сказываетъ свое мнѣніе о томъ, какъ его поправить. Такимъ образомъ проводимъ мы вечеръ пріятно и не безъ пользы. Думаю, что скоро придутъ молодые и старые товарищи мои; и такъ, другъ мой, насыщайся

щайся по своей волѣ, а по томѣ вспанемѣ и будемѣ ихѣ дожидаться.

Анакарсисѣ насытился — вспали изѣ за-стола и дожидались гостей. Но Мизонѣ сходилѣ прежде кѣ спраннику, кошорой сидѣлѣ у него на крыльцѣ, и пригласилѣ его сѣ собою вѣ садѣ; по томѣ сѣли они подѣ шѣнию бука. Уже соловьи пѣть пересшали; но за то нѣжное журчаніе вокругѣ ихѣ разпространялося и вливало крошкое спокойствіе вѣ грудь ихѣ.

Вдругѣ пришли спарики и дѣти. За всякимѣ спарикомѣ шло по нѣскольку дѣшей. Они поклонились Мизону и спранникамѣ; спарики дружески пожали у Мизона руку. По томѣ всѣ сѣли, мальчики и дѣвушки, вокругѣ бука. И Мизонова Арета пришла шуда сѣ нѣкоторыми пожилыми женщинами. Мизонѣ началѣ говорить согласно сѣ чувствами своего сердца. Онѣ благодарилѣ боговѣ за богашую жашву; и при семѣ случаѣ доказывалѣ своимѣ согражданамѣ, что они должны подражать богамѣ, осыпавшимѣ ихѣ дарами своими, и быть всегда благодѣтельными и гостепріимными. По томѣ рассказалѣ имѣ, какѣ Филемонѣ и Бавкида угостили Юпитера, и
какѣ

какъ царь Феакійскій, Алькиноосъ, дружески принялъ Улисса. Онъ разсказывалъ имъ и другіе примѣры изъ собственной своей жазни. По томъ — видя, что вниманіе юныхъ слушателей его стало уменьшаться — позволилъ имъ начать игры свои.

Вдругъ вскочили всѣ мальчики и дѣвушки, начали перешептываться объ играхъ, прыгать отъ радости и по томъ играть въ кегли и въ Кошшабусъ — бросая маленькими камешками въ поставленную цѣль — и въ Короли, игру, Мизономъ изобрѣтенную. Одинъ былъ Королемъ, а другіе приходили къ нему съ дѣлами, которыя надлежало ему рѣшить. Въ сію игру играли большіе мальчики, для изощренія ума своего. Дѣвушки были Адвокатами и съ той и съ другой стороны. Маленькіе плясали въ кругахъ, или играли въ жмурки. Мизонъ и прочіе старики ходили между ими, правили играми, рѣшили споры и примѣчали зараждающіяся спраси и характеръ каждаго, чтобы послѣ взять надлежащія мѣры къ ихъ исправленію.

Были у нихъ и другія игры для упражненія разума; но для оныхъ назначались особливые дни.

Мѣсяцъ взошелъ уже высоко, и спарики примѣшили, что время по домамъ разойтись. Игры кончились. Всѣ, отъ молодаго до стараго, пожелаали Мизону и странникамъ пріятнаго сна, и съ радостнымъ сердцемъ пошли домой.

Мизонъ отвелъ слабаго Аѳинскаго странника въ домъ и положилъ на постелю; а по томъ пришелъ опять къ Анахарсису, которой еще ни мало не хотѣлъ спать, и сѣлъ съ нимъ подъ буковымъ деревомъ. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ясно, небо было такъ чисто, зефиръ вѣялъ такъ нѣжно, что Анахарсисъ пришелъ въ возхищеніе, и самъ Мизонъ чувствовалъ въ душѣ своей такое веселіе, какого онъ уже давно не чувствовалъ. Клянусь Юпитеромъ, сказалъ Анахарсисъ, что я еще ни къ одному старцу не ощущалъ такой любви, какую къ тебѣ ощущаю, Мизонъ! И даже самаго вѣрнаго друга моего, съ которымъ утвердили мы дружбу союзомъ крови (*), едва ли любилъ я болѣе. — Я самъ полюбилъ тебѣ,

---

(*) Скиены, желая подружиться, прокалывали себѣ палецъ, выпускали кровь въ стаканъ, пили ее, и клялись вѣчно не нарушать союза дружбы. — См. Лукіан. разговоръ о дружбѣ.

бя, молодой человекъ — сказалъ Мизонъ — полюбилъ за швое искреннее и прямое сердце. Такъ дай же мнѣ правую руку, добродушной спарецъ! сказалъ Анахарсисъ. Мизонъ подалъ ему правую руку, и взаимная склонность заставила ихъ обняться.

Теперь открой мнѣ, сказалъ Анахарсисъ, какъ могъ ты въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ научиться той мудрости, которую въ тебѣ примѣчаю?

Какъ можно мнѣ отвѣчать на вопросъ твой? сказалъ Мизонъ: я никакъ не могу почитать себя мудрецомъ, видя въ себѣ еще многіе недостатки. А еслили хотя отчасти вѣришь тому, что ты мнѣ приписываешь, то я имѣю можетъ быть доброй, здоровой разумъ, исправленной постояннымъ размышленіемъ и уклоненіемъ отъ всякаго суешнаго разсѣянiя, и отъ природы доброй характеръ, утвержденной обхожденіемъ съ честными сельскими жителями, и сбереженной отъ городскихъ пороковъ спрасей. Вотъ все то, что я сказать могу. Но отъ этого будетъ еще добрый скачокъ до той мудрости, которую ты мнѣ приписываешь.

(Продолженіе будетъ впрѣдъ)

Продолженіе Мизона Женскаго.

Ты скромнѣ, сказалъ Анахарсисѣ: болѣе не хочу приводить тебя въ замѣшательство. Однакожъ въ удовольствіе мое можешь ты разсказать мнѣ, какъ тебя воспитывали — какъ ты жилъ и образовалъ потѣ здравой разумъ, потѣ челоуколюбивой характеръ (*), коптой напечатлѣнъ во всемъ существѣ твоёмъ такъ ясно, какъ Минерва на Аштинскихъ монетахъ.

Часть XVII. No. 5.

Д

Другъ

(*) Хотя какой-то Аристоксенъ, о котормъ упоминаетъ Діогенъ Лаертій въ жизни Мизоновой, и называетъ его Мизанпропомъ — можетъ быть для того, что онъ уединенно жилъ въ деревнѣ: — но какъ Аполлонъ и Греція объявили его однимъ изъ мудрѣйшихъ, то по моему мнѣнію лучше положить на Аполлона, Грецію и на имя мудреца, нежели на Аристоксена. По сельской жизни своей могъ онъ быть шѣмъ челоукомъ, къ которому по справедливости надлежало отнести слова: *мудръ безъ всякаго блеска*. Чтобы судить объ немъ, надобно прочесть описаніе добродѣтельной жизни его въ 18 рѣчи Максима Тиріуса, §. 1. по Геинзіеву порядку.

Другъ мой! сказалъ Мизонъ: ты не малаго пребуешь, желая, чшобы я говорилъ о самомъ себѣ. Въ такомъ случаѣ у скромнаго человѣка печетъ съ лица потъ градомъ, и языкъ худо ворочается. Однакожь небо чисто, душа моя радостна, ты доброй чистосердечной человѣкъ, не любящій злословія — коротко скажешь, я оставляю свои сомнѣнія, и расскажу тебѣ главные обстоятельства своей жизни.

МИЗОНОВА ИСТОРИЯ.

Спримонъ былъ сынъ Фессалійскаго Владѣльца, котораго одинъ изъ его Совѣтниковъ — человѣкъ хитрой, коварной и властолюбивой — лишилъ короны и жизни. Спримону надлежало уйти, ибо ему угрожала судьба отца его. Онъ взялъ съ собою все то, что могъ; и любя науки, вознамѣрился путешествовать въ Египетъ, чтобы тамъ научиться мудрости, составляющей наилучшее утѣшеніе несчастливыхъ и разумныхъ людей. Онъ прибылъ въ Египетъ — видѣлъ Пирамиды, Обелиски, Гіероглифы, Монументы Египетскихъ аистовъ и Царей Мемфисскихъ и Фивскихъ, Лабиринтъ, озеро Мерисъ

МерисѢ и всю славу Египетскую. ОнѢ учился Морали подѢ руководствомъ жрецовѢ, упражнялся вѢ ФизикѢ, и преимущественно вникалѢ во взаимную симпатію жизненныхъ и безжизненныхъ вещей, кошороу держишся тѢлесной мірѢ, и души дружбою и любовію совокупаются. ОнѢ учился прилѢжно, возвысилѢ духѢ свой, размягчилѢ сердце, узналѢ всѢ науки Египетскія, и наконецѢ поѢхалѢ далѢе, желая болѢе познакомиться со свѢтомѢ. ОнѢ проѢхалѢ разныя земли, и пошомѢ прибылѢ кѢ Царю Лидійскому, гдѢ его приняли сѢ отличною честію; ибо у него былѢ важной, почтенной видѢ. ОнѢ говорилѢ смѢло и красно — и всѢ поступки его были споль ошмѢнны, что всякой кричалѢ: *я еще не видывалѢ такого человека!* Царь, кошорому уже прискучили единообразные разговоры и поступки его придворныхъ, дивился чудному человеку, и полюбилѢ Спримона. ОнѢ сталѢ другомѢ ЦарскимѢ; а Царская дружба, умные глаза, пріятной голосѢ и Аполлонова красота, сдѢлали его другомѢ всѢхъ придворныхъ господѢ. Старыя господа хвалили его мужественной умной видѢ, а дѢвицы пріятность вѢ одеждѢ и пламя вѢ глазахъ его. ВсѢ люди сѢ

изумленіемъ обращали на него взоры, какъ на комету невиданную.

Ты можешь быть удивляешься, Анахарсисъ, что я въ самой старости своей описываю сего человѣка такъ живо — не правда ли? Но человѣкъ, любимой муштинами и женщинами, былъ мой отецъ. Въ дѣтствѣ своемъ видѣлъ я красоту его, и самъ ему удивлялся, не зная, что онъ отецъ мой. — Слушай же далѣе.

Только одна изъ женщинъ удостоилась его вниманія. Она была дочь Царскаго Совѣтника — дѣвица нѣжная, скромная, бѣлокурая, важная — любившая умозрѣніе, и весьма холодно обходившаяся со всѣми муштинами. Будучи любопытна, прилѣжно слушала она разговоры отца моего, и находила въ нихъ удовольствіе; ибо онъ говорилъ съ размышленіемъ, съ пріятностію и — что всего болѣе прельщало нѣжную душу ея — съ чувствомъ. Не примѣтно спала она къ нему благосклоннѣе, и по цѣлымъ часамъ начала съ нимъ разговаривать. Онъ описывалъ ей свои путешествія; а она съ жадностію слушала все то, что онъ сказывалъ ей о Египетскихъ наукахъ, о симпатіи жизненныхъ и безжизненныхъ вещей. Наконецъ

нецъ и сама она почувствовала къ нему симпатію, которая черезъ нѣкоторое время увѣнчалась тайнымъ бракомъ. Она рѣдко показывалась въ публичныхъ собраніяхъ, и потомъ на нѣкоторое время удалилась въ увеселительную замокъ отца своего; но извѣстная склонность ея къ уединенію отворачивала всякое подозрѣніе. Въ семъ замкѣ я родился.

При Дворѣ былъ тогда старой Аѳинской жрецъ, человекъ доброй, имѣвшій сердце чистое и прямое, и припомъ отменно острый разумъ. Отецъ мой полюбилъ сего человека за его натуральные и правдивые поступки, и свелъ съ нимъ тѣсную дружбу. Изъ Аѳинъ выгнали его за то, что онъ для общей пользы хотѣлъ обнародовать нравственное Элевзинское учение; послѣ чего странствовалъ онъ, подобно Адраспу, изъ земли въ землю, изъ государства въ государство — въ путешествіи своемъ пріобрѣлъ много мудрости и человѣкознанія, и въ обхожденіи былъ весьма пріятенъ. Великая его любовь къ наукамъ наиболѣе подружила его съ отцемъ моимъ. Сему человеку открылъ отецъ мой тайну свою и отдалъ меня на воспитаніе, въ ожиданіи удобнаго случая къ обнародованію своего

Д 3

брака,

брака, чего еще тогда по разнымъ обстоятельствомъ не лзя было сдѣлать. Дѣдушка мой, произходя въ прямой линіи отъ Царей, и будучи начальникомъ цѣлой области и повѣреннымъ Царскимъ, весьма гордился своимъ родомъ и чиномъ; и по тому никакъ не могло статься, чтобы онъ согласился выдать дочь свою за такого человѣка, копорой — не смотря на то, что онъ былъ любимецъ Царской и человѣкъ весьма достойной — могъ быть роду подлаго. Отецъ же мой никакъ не хотѣлъ открыть своего сосисья, желая, чтобы почитали его по личнымъ достоинствомъ, а не по роду.

Коротко сказать, воспитаніе мое поручили Диктису, Аѳинскому жрецу, копорой уѣхалъ со мною въ свободную Лакедемонскую область. Тамъ, во время своего путешествія, познакомился онъ съ однимъ пожилымъ человѣкомъ, копорой былъ совершенно по сердцу его — уменъ, честенъ, добросердеченъ. Сей человѣкъ былъ не худо воспитанъ, но нужда заставила его удалиться отъ обманчивой Аѳинской пышности, и въ сельской жизни искать спокойствія. Тутъ поселился онъ съ двумя сыновьями, достойными отца своего; сыновья женились

лись — и такимъ образомъ выстроилъ онъ съ семействомъ своимъ маленькую деревеньку, которую назвали по его имени Хеною. Онъ жилъ уединенно, и воспитывалъ дѣтей и внушашъ своихъ, дѣлая ихъ добрыми людьми посредствомъ хорошихъ наставленій и примѣровъ. Дикписъ рѣшился жить въ его деревенькѣ, и какъ скоро мнѣ уже не было нужды въ кормилицѣ, отдалъ меня на руки добродѣтельной женѣ Хенесовой. Живя въ томъ же домѣ, онъ самъ смотрѣлъ за мною; а когда я выросъ поболѣе и могъ уже пользоваться его наставленіями, то никогда почти не отходилъ отъ него, кромѣ тѣхъ часовъ, въ которые игралъ съ своими товарищами. Но часто самъ онъ училъ насъ разнымъ играмъ и бывалъ ихъ начальникомъ. Когда же онъ обрабатывалъ садъ или поле свое, я бывалъ съ нимъ, игралъ подлѣ него съ дѣтскою невинностію, и часто заставлялъ добраго старика улыбаться, придавая бездѣлкамъ смѣшной видъ важности. Иногда я предлагалъ ему вопросы — добродушной старецъ облакачивался на заспупъ, а я ловилъ всякое слово его; ибо онъ говорилъ всегда такъ чистосердечно и хорошо, что я не могъ

его наслушаться. Иногда изъяснялъ онъ мнѣ, смотря по моимъ лѣтамъ, разныя дѣйствія Нашуры, что забавляло меня не менѣе новой игры, или какойнибудь остроумной загадки; ибо съ самаго младенчества любилъ я все натуральное, чему причинсю было разумное возпитаніе и простой характеръ самого воспитателя моего, старавшагося отвлечь меня отъ всего искусственнаго. Окончивъ работу своей, научалъ онъ меня разнымъ моральнымъ пословицамъ и объяснялъ ихъ примѣрами, которые самъ видѣлъ, или извлекъ изъ опытовъ другихъ людей. Сверхъ того заставлялъ меня учить наизусть стихи, содержащіе въ себѣ хорошія правила — стихи изъ Гезіода, изъ Орфеевой Моралии, или изъ другихъ мудрыхъ Пѣвцевъ.

Такимъ образомъ въ пріятномъ ученіи прошли лѣта моего дѣтства, и я вступилъ въ возрастъ строка съ живымъ, искреннимъ, правдивымъ сердцемъ и съ любопытнымъ духомъ. Тогда мудрой мой Несторъ началъ сообщать мнѣ въ порядкѣ тѣхъ нравственныхъ правила, которыя прежде сообщалъ игрою, утверждая ихъ причинами и опытами изъ разныхъ сценъ человѣческой жизни.

Онъ

Онѣ училъ меня благодарить боговъ, даровавшихъ мнѣ бытіе и множество радостей въ жизни; сказывалъ мнѣ, чѣмъ я обязанъ сочеловѣкамъ моимъ, которые всѣ вообще и почасти должны споспѣшествовать благополучію разумнаго рода своего, чтобы всякой жилъ весело и спокойно, и могъ исполнять тѣ должности, къ которымъ онъ назначенъ. Изъ сего выводилъ онъ добродѣтели обходительности, челоѣколюбія, дружбы, и всѣ тѣ должности, которыми мы другъ другу обязаны, и которыя нѣкоторымъ образомъ надлежитъ намъ наблюдать и въ разсужденіи прочихъ животнохъ. Кроткая, почтенная важность, съ которою предлагалъ онъ всѣ свои ученія, а еще болѣе дѣятельная любовь къ ближнимъ увѣрила меня въ истинѣ сихъ должностей и въ ихъ необходимости къ истинному спокойствію жизни. Мудрыя наставленія его вселили въ меня способность къ горячей нелицемѣрной дружбѣ, къ обходительности, къ патриотизму, къ челоѣколюбію, объемяющему цѣлой міръ. Если и нынѣ сіи добродѣтели освящаютъ сердце мое, то ихъ посадилъ во мнѣ мудрой Дикписъ.

Я росъ, и спалъ юноша. Тутъ открылось новое позорище. Однажды, занявшись важнымъ разговоромъ, просидѣли мы до полуночи. Вдругъ Диктисъ возвысилъ голосъ — божественное пламя возсіяло въ глазахъ его. Сынъ мой! сказалъ онъ: до сего времени главнымъ предметомъ ученія моего были обязанности твои въ разсужденіи человѣческаго рода; теперь же подробнѣе скажу тебѣ, чѣмъ ты самому себѣ обязанъ. Я научу тебя стараться о собственномъ своемъ благѣ. Человѣка можно назвать добрымъ; но его врожденное самолюбіе и склонность ко всему тому, что ему пріятнымъ кажется, преступили въ общежитіи надлежащіе предѣлы, и произвели злодѣевъ, которые съ адскимъ остроуміемъ выдумали многочисленные пороки, совсѣмъ неизвѣстные тебѣ, живущему здѣсь въ обѣятіяхъ Природы. Можетъ быть по смерти моей придетъ какой нибудь подлецъ, коимъ познакомитъ тебя съ сими пороками, ушавъ ядъ ихъ и спасительное лѣкарство, отвращающее ужасное дѣйствіе онаго. Для того намѣренъ я открыть тебѣ ихъ въ сіи тихія минуты, чтобы ты самъ отъ нихъ предостерегся и другихъ предостеречь могъ.

Тутъ

Тутъ началъ онъ мнѣ разсказывать пороки утонченнаго сладострастія, господствующаго въ Вавилонѣ, въ Аѳинахъ, въ Сардисѣ и въ другихъ развращенныхъ городахъ — картина ихъ ужасныхъ слѣдствій привела меня въ трепетъ. Съ того времени началъ онъ наставлятъ меня въ правилахъ шонкой свѣтской науки, вознамѣрившись показать мнѣ человека въ цѣломъ, и объѣздить со мною славнѣйшіе города и государства. Легко можешь представить себѣ, другъ мой, какъ сіе намѣреніе пріятно было душѣ моей. Но Судьба, предупреждая разслабленіе души нашей, всегда вмѣшиваеиъ въ нектаръ радости по нѣскольку горькихъ капель. Такъ и со мною случилось. Любопытство побуждало меня видѣть людей; но сладчайшая склонность удерживала меня въ прелестной Хенѣ, и помрачала тѣ блистательныя надежды, копорыя основывалъ я на своемъ путешествіи. Можешь ли ошгадать, что меня удерживало?

Въ сердцѣ моемъ таилась такая склонность, копорой, съ нѣкоторыми условіями, не лзя похулить въ чувствительной юношѣ. Я чувствовалъ нѣжную любовь къ дочери Хенесовой, доброй, привѣшливой, тихой, голубоглазой, чисте-

чистою сердечной дѣвушкѣ, и столь разумной, что ее можно было почестъ воспитанницею Грацій и Минервы — а сіе и въ самомъ дѣлѣ почти такъ было. Кроткую, нѣжную улыбку наслѣдовала она отъ своей любезной матери, а мудрости научилась отъ мудраго моего Дикшиса. Она была лучшимъ доказательствомъ его благоразумія и искусства воспитывать людей. Умная мать сообщила ей всѣ знанія, нужныя доброй хозяйкѣ, для соблюденія порядка въ дому своемъ и для щастія своего мужа и семейства. Но Дикшисъ увѣнчалъ ее хорошее воспитаніе, возвысилъ природную доброту сердца ее моральными наставленіями, и предохранилъ оное отъ всякихъ суешныхъ стремленій. Онъ образовалъ разумъ ее повѣствованіемъ о чудесахъ Натуры, и описаніемъ земель и народовъ. Въ шруднѣйшихъ наукахъ наставлялъ Дикшисъ меня одного, думая, что онъ бесполезны для женскаго пола. Впрочемъ училъ онъ насъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми Хенесовыми, наставляя въ пріятной мудрости и въ наукѣ нравственной. Потомъ, для нужнаго душевнаго отдохновенія, играли мы въ разныя игры, приводящія шѣло въ полезное движеніе. — Такимъ обра-

образомъ мудрой Диктисъ велѣ насъ путемъ пріятности и пользы, отъ первыхъ дѣтскихъ забавъ до важнѣйшихъ упражненій взрослыхъ людей.

Но пришло время разлучиться. Мнѣ надлежало оставить мою любезную, крошечную, разумную и прелестную подругу — ту, которая со мною гармонически улыбалась, и проливала нѣжныя слезы, когда я плакалъ. Мнѣ надлежало проститься съ великодушною, добродѣтельною дѣвицею; ибо насталъ день, и мы съ Диктисомъ отправились въ путь. Черезъ Фракію и Геллеспонтъ проѣхали мы въ Азію, пробираясь въ Лидію, гдѣ Диктисъ хотѣлъ представить меня отцу моему, и требовать отъ него повелѣнія въ разсужденіи дальнѣйшаго моего путешествія. Тутъ увидѣлъ я блескъ Лидійскаго Двора; увидѣлъ отца своего, умнаго величественнаго мужа, и удивлялся ему — какъ я прежде сказалъ — не зная, что онъ мой отецъ. Онъ былъ тогда знатнѣйшимъ человекомъ при Дворѣ и правою рукою Царскою. Дѣдъ мой спалъ менѣе гордиться царскимъ своимъ произхожденіемъ, и согласился всенародно признать его зятемъ своимъ; а особливо когда узналъ, что онъ самъ родился отъ

Фессалійскаго полубога. Но отецъ мой не хотѣлъ еще мнѣ открыться. Сперва надлежало Диктису довершить вознищаніе мое, познакомить меня съ людьми, съ землями и съ Египетскими науками. Потомъ хотѣлъ онъ самъ пріѣхать за мною въ Хену, которую описалъ ему Диктисъ прелестными красками, и обѣявши себя опцемъ моимъ. Такъ уговорились они впайнѣ, а я поѣхалъ съ Диктисомъ черезъ Сирію въ Египетъ.

Тамъ узналъ я Физику, исторію боговъ, Хронологію, взаимную симпатію вещей, и вообще всѣ Египетскія науки; и, подобно отцу моему, видѣлъ Пирамиды и Обелиски, Лабиринтъ, озеро Мерисъ, памятники священныхъ аистовъ, Царей Мемфисскихъ и Фивскихъ — коротко сказать, всю славу Египетскую. Пробывъ въ Египтѣ нѣсколько лѣтъ, поѣхалъ я въ знатнѣйшія Африканскія земли; а опшуду, черезъ Сирію и Феникійскую землю, назадъ въ Азію. Вездѣ осматривалъ я славнѣйшіе города, и примѣчалъ, какъ спраси и пороки утончаются вмѣстѣ съ народными нравами.

Коротко сказать, другъ мой, пятилѣтнее путешествіе удовлетворило моему желанію учиться иносстраннымъ наукамъ,
видѣшь

видѣть дальніе города и разныхъ людей. Всѣмъ сердцемъ своимъ стремился я къ любезной, спокойной Хенѣ, гдѣ въ радости прошекли первыя лѣта моей жизни. Самому Дикпису наскучила уже Одиссейская странствующая жизнь — и такъ мы возвратились въ Хену. Тамъ возобновились въ душѣ моей прелестныя идеи юности; тамъ нашелъ я опять вѣрныхъ своихъ молодыхъ и старыхъ друзей, маленькой садикъ, осыняемые липами ручайки, и нѣжную мою Арету — ибо она была моя любезная. Слѣды прежней красоты ея можешь видѣть еще среди пріятныхъ морщинъ старости. Ахъ, другъ мой! вообрази, какою радостію я наслаждался, возвращаясь послѣ пятилѣтней разлуки въ ея дружескія обѣщанія, къ ея вѣрному сердцу!

Тогда рѣшился я провести съ нею всю жизнь мою въ спокойствіи и тишинѣ, хотя и могъ подозрѣвать, что меня не къ тому назначали; въ чемъ и не ошибся. Едва только сердце мое снова пріобрѣло прежнюю довѣренность моей Ареты, увидѣлъ я въ одинъ день бѣгущую къ намъ колесницу, въ которой идѣлъ богато одѣтой человѣкъ съ женщиною. Пріѣхавшіе спрашивали Диклиа;

а скоро по томъ пришелъ Дикписъ ко мнѣ, и позвалъ меня съ собою въ садъ. Мы вошли въ домъ. Тутъ Дикписъ сказалъ мнѣ: Мизонъ! я только тебя воспитывалъ: вотъ истинные родители твои, даровавшие тебѣ жизнь. — Другъ мой! представь себѣ мое изумленіе. Все во мнѣ оцѣпенѣло. Наконецъ подошелъ я къ отцу моему, и съ любовію подалъ ему руку. Онъ обнялъ меня и подвелъ къ моей матери. Потомъ объявилъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ за мною, хочетъ меня представить Лидійскому Двору, и сдѣлать знашнымъ человѣкомъ. Принесли богатое платье, и въ изумленіи своемъ допустилъ я нарядить себя. Мать моя съ нѣжною поспѣшностію рассказала мнѣ, что она приготовила для меня прекрасной домъ и еще нѣчто прекраснѣйшее — а именно, пригожую, бѣлокурую невѣсту, которая во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ мастерица, богата какъ Плутусъ, и производилъ отъ царской фамиліи.

(Продолженіе будетъ впредь)

Продолженіе Мизона Хенскаго.

Назови ее дочерью великаго Юпи-
пера, которая вылупилась изъ яйца Ле-
дина (*), сказалъ я: для меня все
одно. — „Какъ! развѣ ты ни во что
справишь родъ Царей Лидійскихъ?„ —
Онѣтъ! отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ дви-
женіемъ: только весьма сомнишельно,
чшобы она была шакъ вѣрна, невинна,
крошка и прелестна, какъ моя Арета.
— „Что? твоя Арета? Да кто
она?„ — Моя любезная, дочь стараго
добродушнаго Хенеса. Я люблю ее какъ
правой глазъ свой, и думаю, что она
всѣхъ на свѣтѣ лучше. По крайней мѣрѣ
знаю то, что не женюсь ни на комъ,
кромѣ моей Ареты. — „Ты не женишься
ни на комъ, кромѣ своей Ареты? Какъ
быть этому? Отецъ твой происходитъ
отъ Тессаллійскихъ Владѣльцевъ, я свой-
ственница Царя Лидійскаго, тебя сдѣ-
лаетъ отецъ знашійшимъ человѣкомъ
въ государствѣ и со временемъ повѣ-
реннымъ Царскимъ, а женою твоею
будетъ дочь бѣднаго поселанина, жителя

Часть XVII, No. 6.

Е

ма-

(*) Извѣстно по Мифологіи, что изъ яйца
Ледина родились Елена и Клитемнестра.

маленькой деревеньки? Мизонъ! какъ этому спасться?,, — Какъ этому спасться, матушка? сказалъ я шишайшимъ голосомъ, ибо назвалъ ее матерью: естли тебѣ угодно, шо я изъясню сіе. Арета для меня любезнѣе, чистосердечнѣе, невиннѣе и умнѣе всѣхъ женщинъ подлунною; она съ самаго младенчества моего вмѣстѣ со мною воспитывалась, всегда меня любила, любила какъ самое себя; я клялся быть вѣрнымъ, искреннимъ другомъ ея — и мнѣ оставить ее, оставить для знатности, для богатства? Мнѣ, ученику мудраго Диктиса, которой училъ меня быть всегда добрымъ и держать слово свое — мнѣ, поставлявшему честность за непремѣнное правило жизни своей, мнѣ нарушить свое слово, подобно подлому рабу, и покинуть милую Арету? Матушка, любезная матушка! какъ этому спасться?

Возраженіе было сильно; наслѣдственная гордость и придворной шонѣ возторжествовали. Отвѣчай же мнѣ, сказала она съ жаромъ, отвѣчай, хочешь ли ѣхать съ нами въ Лидію, и распаться съ своею хваленою Аретою, или намѣренъ жизнь свою провести въ этой уединенной деревенькѣ?

Ош-

Отвѣтъ мой былъ коротокъ. Еспь-
ли тебѣ угодно, матушка, то я съ то-
бою поѣду: только бы Ареша была моею.
А безъ нее не пронусь съ мѣста. — Ты
самъ видишь, сказала она отцу моему,
что его не лзя передѣлать. Онъ дума-
етъ совсѣмъ не такъ, какъ надобно ду-
мать знающему человѣку. Оставимъ его,
и поѣдемъ назадъ.

Тутъ отецъ мой вошелъ въ посред-
ство. Со всею силою краснорѣчія убѣж-
далъ онъ меня ѣхать съ нимъ. Можетъ
быть со временемъ я и позволю тебѣ
жениться на Арешѣ, говорилъ онъ:
только теперь поѣзжай съ нами. Но я
примѣнилъ его намѣреніе разлучить ме-
ня съ нею, и сказалъ ему: Оставь меня,
батьюшка, оставь меня жить здѣсь съ
моею Арешою въ тишинѣ и мирѣ. Я не
гожусь для Лидійскаго Двора; будучи просто
возпитанъ, никогда не могу примѣниться
къ тонкимъ нравамъ людей придвор-
ныхъ. Можетъ быть въ семъ уединенномъ
мѣстѣ небольшія знанія мои принесутъ
мнѣ болѣе пользы, нежели при Дворѣ,
къ которому я не способенъ. И такъ
оставь меня здѣсь, батьюшка. — Сынъ!
сказалъ онъ пронувшись: ты думаешь
благородно, что дружбу, и держа слово,
Е 2 какъ

какъ прилично мужу. Нравы придворные мнѣ извѣстны — и по тому старался я возпитать тебя въ невинности сердца и въ простотѣ души. Никакъ не могу винить тебя тѣмъ, что ты честную сельскую жизнь предпочитаешь блистательному безпокойству Двора, а вѣрную жену искусной мастерицѣ во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ и во всѣхъ хитростяхъ притворства. И такъ отдаю тебѣ на волю, здѣсь остаться, или ѣхать съ нами.

Благодарю, благодарю тебя, батюшка! сказалъ я: и остаюсь здѣсь съ своею милою Арешою и съ добродушными друзьями моими. Хотѣлось бы мнѣ жить и съ тобою, батюшка; но ты видишь, что я съ своею откровенностію и простотою не могу жить въ большомъ свѣтѣ. И такъ проси мнѣ, добросердечной родишель, что я не ѣду съ тобою.

Отецъ мой молчалъ и углублялся въ размышленіи. Потомъ вдругъ съ нѣжностію меня обнялъ и сказалъ: Оставайся здѣсь, сынъ мой, и наслаждайся спокойными радостями сельской невинности. Можетъ быть придетъ время, въ которое самъ я пріѣду сюда окончать въ тишинѣ жизнь свою. Теперь честь не великъ

велитѣ мнѣ оставить того пути, на которой я уже вступилѣ. И такѣ черезъ нѣсколько дней надлежитѣ мнѣ опять разлучиться съ тобою; но въ сіи дни хочу веселиться твоєю Аретою, друзьями твоими и сельскими забавами.

Такѣ сказалѣ онѣ, и сдержалѣ свое слово, и пробылѣ съ нами нѣсколько дней. Узнавѣ мою Арету, похвалялѣ ея природныя прелести, разумѣ и сердце; бесѣдовалѣ съ почтеннымѣ пресварѣлымѣ Хенесомѣ и съ прочими добрыми людьми нашей деревеньки, и признался, что душа его въ сообществѣ нашемѣ вкушала спокойствіе, до того времени ему неизвѣстное. Сама мать моя помирилась со мною и съ простою сельскою жизнію, и радовалась пріятными естественными сценами. Отецѣ мой столько удѣлилѣ мнѣ отѣ своего богатства, что я безѣ всякой нужды могѣ жить особливымѣ домомѣ. Наконецѣ насталѣ день ихѣ отѣѣзда; съ сердечною скорбію разставались они со мною и съ сельскими удовольствіями.

Такимѣ образомѣ я остался въ Хенѣ, и женился на своей любезной Аретѣ. Мы жили такѣ согласно, такѣ весело и невинно, какѣ только доброй Филемонѣ

могъ жить съ своею вѣрною Бавкидою въ
оныя златыя времена Поэтовъ. Бракъ
нашъ былъ благословенъ добрыми дѣш-
ми, копорыхъ возпитывать помогалъ
мнѣ мудрой Диктисъ, самого меня воз-
питавшій. Дружба и согласіе питала
сердца наши, подобно какъ живительная
теплоша весенняго солнца питаетъ юную
озимь. Мы вели самую Елисейскую жизнь.
Деревенька наша спала разпространять-
ся: ибо нѣкоторые добрые Лакедемонцы
почли за щастіе переселиться къ намъ и
участвовать въ нашемъ мирѣ и спокой-
ствіи; добродѣтели ихъ увеличили наше
благополучіе.

Но скоро надлежало мнѣ вкусить
первую горестъ въ жизни моей. Отецъ,
другъ мой, Диктисъ, добродѣтельной
старецъ, скончался; и смерть его причи-
нила всеобщую печаль въ нашей деревнѣ.
Мы оплакивали мудраго старца, и по-
гребли его подъ симъ букомъ. Другъ
Анахарсисъ! ты сидишь на могилѣ по-
чтеннѣйшаго изъ смертныхъ! . . . И
такъ ты посадилъ меня на лучшее мѣ-
сто въ жилищѣ своемъ, сказалъ Анахар-
сисъ, — всталъ и осмотрѣлъ могилу.
Потомъ, будучи пронутъ до глубины
сердца, разспрашивалъ онъ подробнѣе о
харак-

характерѣ и жизни покойнаго Дикписа; но видя, что возпоминаніе о немъ слишкомъ прогаеши Мизона, просилъ его продолжать повѣсть свою. Мизонъ исполнилъ его волю, и продолжалъ свое повѣствованіе.

Скоро по кончинѣ моего вѣрнаго наставника, Дикписа, щастіе привело ко мнѣ другаго — самого отца моего. Мать моя умерла. Онъ не любилъ придворной жизни; а послѣ ея смерти ничто уже не удерживало его при Лидійскомъ Дворѣ. Тогда рѣшился онъ провести со мною въ пишинѣ жизнь свою. Но едва началъ онъ вкушать истинное сельское спокойствіе, Судьба опять его у меня похитила; и кончина его повергла меня въ глубокую печаль. Мнѣ казалось, что весь свѣтъ оставилъ меня; но я собралъ мужество свое, выгналъ изъ головы и сердца пущую мечту, и рассудилъ, что у меня осталась еще вѣрная жена, остались еще вѣрные друзья. Попеченіе о всеобщемъ благѣ, которымъ прежде занимался Дикписъ, пало тогда на меня; ибо мудрыя Дикписовы наставленія и полезное путешествіе при его руководствѣ сдѣлали меня самымъ опытнымъ и вѣрнымъ человѣкомъ въ маленькомъ мѣ-

спечкѣ нашемѣ. Всѣ приходили ко мнѣ
требовать совѣща, и всѣ любили меня
какъ отца; а я старался искренностію
и ласками своими пріобрѣсти дружбу
всякаго согражданина моего. Не тщетно
было мое стараніе. Мнѣ поручили на-
чальство, и я опечески пекся о благѣ об-
щества нашего. Число жителей деревень-
ки нашей мало по малу умножалось, а
съ онымъ умножались и порочныя навьи-
ки, которые поселяне наши по естествен-
ному побужденію другъ у друга перени-
мали, и которые доходили наконецъ до
высшей степени злаго порока. Я зналъ
по опыту, что чѣмъ болѣе города, тѣмъ
многообразнѣе и пороки бывають; и по-
тому рѣшился — не могши возпрепят-
ствовать разпространенію нашей дере-
веньки — стараться по крайней мѣрѣ
о томъ, чтобы не давать умножаться
злу и питать корень добродѣтели.

Доброша и прочность зданія зави-
ситъ отъ твердости фундамента; и
такъ я все свое стараніе приложилъ къ
хорошему основанію моральной доброшы
согражданъ своихъ — а именно, къ раз-
умному воспитанію. Ликургъ показалъ
мнѣ примѣръ тому въ Лакедемонѣ. Пи-
шомцы его умѣли себя обуздывать; но
онѣ

онѣ возпишывалѣ жестокосердыхъ воиновѣ и нечувствительныхъ гражданѣ, и не уважалѣ главной подпоры хорошаго воспитанія — то есть, онѣ мало заботился о женскомѣ полѣ. Тѣхѣ, которыя отѣ самой груди должны заниматься непримѣшнымѣ воспитаніемѣ младенца, непримѣшнымѣ, но часто рѣшительнымѣ въ добрую или худую сторону будущей жизни его; которыя составляютѣ прекрасную и любезнѣйшую половину рода человѣческаго; которыя, будучи невѣстами и разумными хозяйками, образуютѣ какѣ воскѣ сердца юношей и мужей, и возпламеняютѣ въ великимѣ благороднымѣ дѣйствіямѣ, или дѣлаютѣ ихѣ подлыми сластолюбцами и людьми легкомысленными — тѣхѣ забылѣ онѣ, и не попекся о благѣ души ихѣ. Онѣ же, по тонкости своего чувства, могутѣ дойти до высочайшей изящности въ моральныхъ дѣйствіяхѣ, пристойныхѣ полу ихѣ, еслии ихѣ научатѣ въ самомѣ началѣ обуздывать свои быстрыя страсти, произходящія отѣ сего же самаго тонкаго, нѣжнаго чувства, и еслии помогутѣ разуму ихѣ безпрепятственно царствовать на протѣ основательнаго разсужденія; коротко сказать, другѣ мой, еслии

сообщаѣ имѣ столько мудрости и моральныхъ примѣровъ, чтобы въ разумной душѣ ихъ не было той пустоты, которая часто вовлекаетъ ихъ въ пучину страстей. Все сіе обдумалъ я основательно, и увѣрился, что разумная мать хорошимъ воспитаніемъ весьма много можетъ содѣйствовать къ сердечной добротѣ дѣтей своихъ. И такъ я вознамѣрился тщательно спараться о просвѣщеніи женскаго пола. Для сего избралъ я нѣкоторыхъ умныхъ женщинъ и наставлялъ ихъ въ Морали. Потомъ всѣ дѣвушки мѣстечка нашего должны были учиться у нихъ — младшія у однѣхъ, старшія у другихъ — разнымъ женскимъ рукодѣльямъ, хозяйству, и при томъ добронравію. Я удѣлялъ еженедѣльно отъ работы своей по нѣскольку часовъ на то, чтобы смотрѣть, какъ учатъ сіи умныя женщины, и самъ сообщалъ хорошія моральныя мысли и пословицы, и рассказывалъ всякія полезныя повѣсти изъ нравственнаго и физическаго міра. Взрослыхъ дѣвушекъ наставлялъ я въ наукѣ воспитывать будущихъ дѣтей своихъ. Слыша, что которая нибудь изъ нихъ идетъ за мужъ, я призывалъ ее за нѣсколько дней передъ бракомъ къ себѣ,

себѣ, изъяснялъ ей должности, которыми мать обязана дѣтямъ своимъ, и училъ ее, по нѣкоторому сочиненному мною плану, нужнѣйшимъ правиламъ труднаго искусства воспитывать человека. Послѣ ея замужства осведомлялся я, какъ она исполняетъ мои правила, и самъ посѣщалъ ее; а примѣтивъ проступки, или узнавъ о томъ отъ своихъ повѣренныхъ, имѣвшихъ надзирание надъ воспитаніемъ, съ отеческою кротостію увѣщавалъ ее загладить сіи проступки. Если родители упрямылись, то по общему договору, на которой всѣмъ молодымъ супругамъ передъ бракомъ своимъ надлежало соглашаться, отнимали у нихъ дѣтей, и отдавали ихъ мужамъ разумнымъ, избираемымъ по большинству голосовъ. Родители должны были давать симъ воспитаніемъ все нужное для своихъ дѣтей; а если они сами были бѣдны, то дѣтей воспитывали на щетъ общей казны.

Такимъ образомъ учредили мы воспитаніе. Но чтобы болѣе утвердить и всенародно прославить цѣломудріе, нужнѣйшую добродѣтель для матерей, долженствовавшихъ воспитывать младенцевъ: то ежегодно передъ жашвою было

у насъ торжество, на которомъ по большинству голосовъ цѣломудреннѣйшая дѣвушка увѣнчивалась розами; естли сія дѣвушка была бѣдна, то получала значное приданое, чтобы она могла выйти за мужъ и быть матерью добрыхъ дѣтей. Былъ у насъ и другой праздникъ, на которомъ публично награждались дубовымъ вѣнкомъ двѣ другія добродѣтели, хотя не собственно женскому полу принадлежащія, однакожь похвальныя и нужныя для онаго — а именно, великодушіе и твердость. Та, которая въ честь своей пріятельницы или другой женщины рассказывала великодушнѣйшее дѣйствіе, получала сама миртовой вѣнокъ. Черезъ сіе женщины наши отвращались отъ свойствъ низкихъ душъ, отъ зависти и суешности, и возпламенялись ревностію въ истинному душевному благородству.

Не забыли мы и воспитанія юношей. Для нихъ назначенъ былъ торжественной день, въ которой лучшія дѣйствія награждались дубовымъ вѣнкомъ. Но какъ мужчины отъ природы тверже и нечувствительнѣе женщинъ, то мы увѣнчивали болѣе челолюбивыя, нежели мужественныя и сильныя дѣйствія. Къ мужественнымъ дѣйствіямъ они уже самымъ
 возпи-

возпишаніемъ приготовлены были; и кто когда нибудь поступалъ подло, томъ подвергался всеобщему презрѣнію, и былъ отчужденъ отъ всѣхъ празднествъ и публичныхъ игръ до самаго своего исправленія. Сіе установленіе налагало цѣпи на склонность ко злу. Сверхъ того двумъ разумнѣйшимъ старцамъ было поручено учить юношей, вселять въ нихъ ревность къ благороднымъ дѣйствіямъ, имѣть попеченіе о благонравіи каждаго, и всенародно давать въ томъ отчетъ. Они же смотрѣли и за общимъ столомъ юношей. Тебѣ надобно знать, другъ мой, что мы всѣ безъ исключенія обѣдаемъ за общими столами: мужи съ юношами, а дѣвушки съ нашими женами. Это еще Ликургова выдумка, которая показалась мнѣ полезною; ибо чрезъ сіе удерживаются отъ лакомства и сластолюбія какъ старые, такъ и молодые люди — и сообщество разумныхъ мужей во время обѣда можетъ юношей нечувствительно образовать и довести до того, до чего никогда не доведешь ихъ важными правилами. Послѣ стола старѣйшіе садятся вмѣстѣ и разговаривающъ, а младшіе играющъ. Игры послѣ обѣда заведены только для движенія; онѣ продолжаются короткое время,

и потомъ всякой идетъ къ своему дѣлу. Но другія игры, изощряющія разумъ, бываютъ въ нѣкоторыя опредѣленные дни, въ праздники боговъ, или въ другое время, когда отдыхаемъ отъ работы. Лѣтомъ собираемся мы подъ симъ букомъ, а зимою въ нѣкоторые дни сходимся въ нашей общей столовой залѣ.

Еще надлежало мнѣ сохранить святость одной похвальнѣйшей добродѣтели — вѣрности въ дружбѣ. Ты знаешь, сколь часто самолюбіе и привязанность къ собственной пользѣ побуждаютъ насъ дѣйствовать ко вреду нашихъ друзей, тѣхъ, кторые, раздѣляя съ нами добро и зло, возвышаютъ цвѣтъ нашихъ радостей и улаждаютъ горестъ нашихъ несчастій, и потому необходимо нужны для удовольствія жизни нашей. Для сего-то вознамѣрился я дружескую вѣрность подкрѣпить Религіею, честію и внѣшнею благопристойностію. Не далеко отсюда есть небольшой храмъ съ олтаремъ; онъ посвященъ гостепріимному Юпитеру. Когда два друга чувствуютъ пламенное желаніе заключить между собою истинную дружбу, то они объявляютъ сіе собранію. Потомъ разсматриваютъ, сходили ли ихъ характеры; представ-

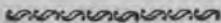
ставляютъ имъ всеобщее презрѣніе, которое можеть сдѣлать несчастною всю будущую жизнь ихъ, естли они разорвутъ дружбу; даютъ имъ время на размышленіе, чтобы они могли основательно все обдумать прежде заключенія неразрывнаго союза дружбы. Естли они пребываютъ шверды въ своемъ намѣреніи, то приводятъ ихъ торжественно къ олшарю гостепріимнаго Юпишера, гдѣ клянутся они взаимно соблюдать вѣчную дружбу, которую у насъ донынѣ такъ же ненарушимо соблюдали, какъ ваши Скионы соблюдаютъ свой союзъ крови (*). По крайней мѣрѣ иѣтъ еще примѣра, чтобы такіе друзья были когда нибудь другъ другу невѣрны. Сія дружба столь же шверда, какъ и связь супружества; а ненарушимость ея умножаетъ общую довѣренность между нами, и доводитъ до высочайшей степени взаимное соучаствованіе въ щастіи и несчастіи. Что приключается одному, то падаетъ и на другаго; но въ случаѣ обмана и невѣрности вся тяжесть презрѣнія пала бы на одного виновнаго, и принудила бы его наконецъ совсѣмъ оставить наше мѣстечко.

(*) О семъ говорено было прежде.

ко. Такъ установили мы, и положили за правило не допускать до сего союза тѣхъ, которымъ еще нѣтъ прищипки лѣтъ (*).

(Продолженіе будетъ впереди)

(*) Сія неразрывная дружба можетъ показаться романическою; но существованность ея доказывается нѣкоторымъ незначительнымъ и весьма еще не уточненнымъ народомъ въ Далмаціи, Морлаками, которыхъ не лѣзя почитать язычниками по тому, что они имѣютъ языческія обыкновенія. Когда два Морлака рѣшались заключить между собою долговѣчной союзъ дружбы, то объявляютъ о томъ Епископу; по семъ торжественно отводятся ихъ въ храмъ, гдѣ передъ Олтаремъ клянутся они соблюдать неразрывную дружбу. Не было почти примѣра, чтобы такая дружба разрывалась, говоритъ Сочинитель описанія Морлакскихъ нравовъ, откуда я взялъ сіе извѣстіе. См. главу о дружбѣ.

Продолженіе Мизона Хенскаго.

Вотъ главные учрежденія наши, которыми утврждаемъ мы благонравіе въ маленькой нашей республикѣ. Предметомъ попеченій нашихъ есть преимущественно нравственность молодыхъ людей; ибо мы знаемъ, что юноши, которыхъ моральныя свойства означены печатію добродѣтели и хорошихъ наставленій, и въ самой старости своей не лишатся сего знака, и по тому, болѣе и болѣе созрѣвая въ разумъ, должны безпрестанно возрастать въ добръ. По крайней мѣрѣ мы того отъ нихъ ожидаемъ. Но еслили кто нибудь изъ нихъ, пришедши въ лѣта, испортится: то онъ будетъ наказанъ всеобщимъ презрѣніемъ, ужаснѣйшимъ наказаніемъ между нами; ибо преступникъ, заслужившій оное, не можетъ присутствовать ни въ какомъ публичномъ собраніи нашемъ, совершенно отчуждается отъ обхожденія съ другими, и среди своихъ согражданъ долженъ жить въ изгнаніи, пока раскаится въ своемъ пресшупленіи, и дѣйствительно исправитъ характеръ свой.

Теперь, другъ мой Анахарсисъ, знаешь ты важнѣйшія приключенія жизни
 Часть XVII. No. 7. Ж моеі,

моей, и всѣ шѣ учрежденія, которыхъ планъ предложилъ я старѣйшинамъ республики нашей, и которыя на самомъ дѣлѣ оказались для насъ полезными. Скажу тебѣ еще то, что мы всѣми силами стараемся помогать бѣднымъ, пребывающимъ помощи. Для сего-то завели мы домъ человеколюбія, гдѣ содержимъ нищихъ и больныхъ согражданъ своихъ, не могущихъ пропитать себя; куда принимаемъ и постороннихъ, имѣющихъ нужду въ нашей помощи. Кто изъ нихъ можетъ еще работать, тотъ обязанъ что нибудь дѣлать, для предохраненія себя отъ порочной праздности. Жены и дочери наши ходятъ за ними, и шѣмъ исполняютъ должности человеколюбія. Сверхъ того у насъ есть общественная казна, которою помогаемъ прилѣжнымъ людямъ, хотящимъ кормиться собственными своими трудами, но не имѣющимъ нужныхъ къ тому средствъ. Изъ сей же казны награждаемъ бѣдныхъ дѣвушекъ приданнымъ, чтобы онѣ могли сыскать себѣ хорошихъ жиниковъ, и завести хозяйство.

Такимъ образомъ благо маленькой республики нашей занимало меня почти во всю жизнь мою; ибо всѣмъ нашимъ учрежденіямъ не лзя было совершиться однимъ

однимъ разомъ, такъ какъ образъ на монетѣ выходитъ. Къ тому потребны были цѣлые годы, терпѣніе, основательное разсужденіе и бдительное око въ исполненіи предпріятій. Сверхъ того мнѣ надлежало еще заниматься собственнымъ своимъ хозяйствомъ и всѣми домашними работами, которыми я и повинъ заниматься, обрабатывая садъ и поля свои; ибо труды раждаютъ силу и здоровье, и напрягаютъ шло къ дѣятельности. Отъ безпрестаннаго умозрѣнія ослабѣваетъ душа и шло, раждаются мечты и фантомы воображенія. Но шлесная работа, ошдохновеніе и размышленіе, посвящаемое пользѣ своихъ собратій, вливаетъ въ духъ и въ сердце великую дѣятельность, оживляетъ въ насъ человеколюбіе и ведетъ къ истинной мудрости. Такъ говорятъ мудрые мужи — такъ и я говорю по собственному своему опыту.

Другъ Анахарсисъ! послѣ дневныхъ трудовъ потребно шлу надлежащее успокоеніе, чтобы оно собрало силы и дѣятельность для работъ новыхъ. Мѣсяцъ взшелъ уже высоко. Естьли тебѣ угодно, то мы пойдемъ наслаждаться сномъ, которымъ любезная моя Арета со внучатами своими давно уже наслаждается.

дается. — Анахарсисъ всталъ и пошелъ на покой съ мудрымъ спарцемъ.

Въ слѣдующее утро проснулся онъ съ радостію и съ веселіемъ. Пріятныя сцены прошедшаго дня услаждали сердце его. Онъ благодарилъ боговъ, приведшихъ его къ такому мудрому мужу и къ такимъ любезнымъ поселянамъ; потомъ бесѣдовалъ съ добросердечнымъ Мизономъ, и просилъ его, чтобы онъ показалъ ему все мѣстечко свое. Мизонъ исполнилъ его волю, и показывалъ гостю своему все примѣчанія достойное. Анахарсисъ осмотрѣлъ домъ человѣколюбія; слышалъ наставленіе, которое почтенные мужи сообщали опрокамъ въ разумномъ разговорѣ; слышалъ, какъ и благо-разумныя женщины наставляли дѣвушекъ; обѣдалъ съ Мизономъ за общимъ столомъ, для котораго всякой поселянинъ приносилъ изъ дому какое нибудь блюдо; и хотя обѣдъ былъ умѣренъ, но остроумные и мудрые разговоры обѣдающихъ, молодыхъ и старыхъ, весьма усладили его для Анахарсиса. По томъ видѣлъ онъ игры, которыя ни зимою, ни лѣтомъ не перерывались. Коротко сказать, Мизонъ показалъ гостю своему все хорошее; и Анахарсисъ при всякомъ предъ-

предметъ радовался такъ, какъ радуется
 испытатель Натуры, открывъ въ ней
 новую красоту. Онъ удивлялся Мизону,
 которой съ мудрою кротостію, съ раз-
 сужденіемъ и безъ властолюбія, не пре-
 возносясь своею мудростію, управлялъ
 всѣмъ мѣстечкомъ, такъ какъ отецъ
 своимъ семействомъ. Но не менѣе дивился
 онъ и прочимъ жителямъ, которые безъ
 зависи и безъ досады повиновались Ми-
 зону, болѣе ихъ просвѣщенному — по-
 виновались такъ, какъ добрыя дѣши по-
 винуются доброму отцу. Съ удоволь-
 ствіемъ смотрѣлъ онъ на женщинъ, ко-
 торыя — вмѣсто того, чтобы смѣяться
 надъ уборомъ и хозяйствомъ своихъ
 сосѣдокъ — дружески бесѣдовали, и безъ
 всякаго злословія разсуждали о хозяй-
 ственныхъ дѣлахъ, о разумномъ возпи-
 таніи дѣшей своихъ и о разныхъ пред-
 метахъ изъ нравоученія и житейской
 мудрости; добросердечіе, искренность и
 важность одушевляли ихъ разговоры.
 Онъ видѣлъ дѣвушекъ, которыя — вмѣ-
 сто того, чтобы говорить о нарядахъ
 и другихъ суетностяхъ, и острыми сло-
 вами язвить своихъ подругъ — въ ра-
 достной невинности и чистотѣ сердца
 шутили между собою, разсказывали другъ

другу разныя забавныя повѣсти, слышанныя ими отъ родишелей, стариковъ и старухъ — загадывали загадки и твердили пословицы. Онъ видѣлъ юношей, которымъ въ пріятной бесѣдѣ сообщали физическія знанія и моральныя истины; которые въ игрѣ научались остроумію, а за обѣдомъ мудрости и важной кротости. Онъ видѣлъ старцевъ, которые съ тихостію и дружелюбіемъ снизходили къ юношамъ, и рассказывали имъ все хорошее и полезное; которые не были привязаны къ старинѣ, безъ всякой досады принимали новыя полезныя учрежденія, и помнили пословицу: *вѣкъъ живи, вѣкъъ учись*. Онъ видѣлъ вѣрныхъ, постоянныхъ, великодушныхъ друзей, какихъ еще ни гдѣ не видывалъ. Коротко сказать, Анахарсисъ нашелъ добрыхъ, чистосердечныхъ, человеколюбивыхъ, между собою гармонирующихъ людей, — общество, состоящее изъ почтенныхъ веселыхъ старцевъ, великодушныхъ и благодѣтельныхъ юношей, разумныхъ, разсудительныхъ и снизходительныхъ женщинъ, и добродѣтельныхъ, умныхъ, крошкихъ и скромныхъ дѣвушекъ. Онъ участвовалъ въ ихъ торжествахъ и публичныхъ собраніяхъ, и видѣлъ во всемъ поряд-

порядокъ, дружественность, кротость, снисходительность, благородство душевное и всѣ добродѣтели, которыя въ Аѳинахъ и другихъ городахъ почишались чудными явленіями. Кто же въ семъ мѣстечкѣ поселилъ всѣ оныя добродѣтели? Мизонъ, мудрой старецъ.

Анахарсисъ увѣрился, что одинъ Мизонъ могъ научить его дѣятельной и истинной мудрости лучше, нежели всѣ прочіе мудрецы Греческіе. Путешествовавъ уже нѣсколько лѣтъ, рѣшился онъ ѣхать домой, чпобы завести тамъ новой порядокъ, и потомъ возвратиться къ Мизону, прожить съ нимъ нѣсколько лѣтъ, и бытъ свидѣтелемъ всѣхъ дѣлъ его. Онъ открылъ Мизону свое намѣреніе. Мизонъ не сказалъ ничего противъ онаго; и такъ Анахарсисъ простился съ добродѣтельнымъ старцемъ и со всѣми его добросердечными согражданами, и глаза его наполнились слезами нѣжной горести. Онъ поѣхалъ въ Скиѣскую землю, надѣясь опять скоро возвратиться въ тихую Хену. Но Судьба не хотѣла исполнить намѣренія Анахарсисова, и Анахарсисъ не возвратился въ тихую Хену. При отъѣздѣ его Мизонъ еще повторилъ свою пословицу:

*Можно быть мудрымъ безъ всякаго
блеска и безъ зависти.*

Но Анахарсисъ скоро показалъ, что сею пословицею трудно пользоваться. Черезъ Персію проѣхалъ онъ въ Скиѣскую землю. Тогда Анахарсисъ увидѣлъ ясно, что соотечественники его нравами и религіею своею весьма отличаются отъ Грековъ; и вдругъ рѣшился ввести въ отечествѣ своемъ Греческіе нравы и религію. Но не было у него зрѣлой разсудительности — не зналъ онъ сего вѣрнаго искусства постепенно исполнять свои планы, такъ какъ Мизонъ, который, подобно мудрой Напуръ, мало по малу приводилъ въ дѣйствіе свой полезный планъ. Анахарсисъ не имѣлъ сего мудраго терпѣнія, которое было ему весьма нужно для образованія Скиѣовъ, упорныхъ и надменныхъ своею древностію. Онъ былъ не много поспѣшенъ и тщеславенъ въ своихъ предпріятіяхъ; а сіе стоило ему жизни.

Тотчасъ по своемъ прибытіи принялся онъ съ огненною дѣятельностію перемѣнять нравы и религію своихъ соотечественниковъ; но древніе, жестокіе Скиѣы косо посматривали на такого новичка,

вичка, которой хотѣлъ преобразовать наслѣдіе отцевъ ихъ, и самъ Царь умертвилъ его при жертвоприношеніи по Греческому обычаю (*).

И такъ Анахарсисъ не возвратился къ добродѣтельному Мизону; ибо онъ не слѣдовалъ его мудрой пословицѣ: *можно быть мудрымъ безъ всякаго блеска и безъ зависти.*

(*) Сіе поставляетъ причиною смерти его Діогенъ Лаерцій въ описаніи Анахарсисовой жизни; и Геродотъ въ четвертой книгѣ, гл. 72, по Гольдгагенову переводу, говоритъ, что Скифы, озлобясь на Анахарсиса за вводимыя имъ новости, умертвили его въ то время, когда онъ по Греческому обыкновению приносилъ жертву матери боговъ.

СТАРЧЕСКОЙ

ПРАЗДНИКЪ (*).

Императоръ Китайской, умершій въ 1787 году, былъ рѣдкой Государь. Въ искусствѣ писать и въ разныхъ знаніяхъ не уступалъ онъ своимъ Ученымъ; сочинилъ поэму въ честь того города, гдѣ родился; самъ воспитывалъ своихъ дѣтей и внучатъ, и блескъ прона и личныхъ достоинствъ умѣрялъ своею скромностію, весьма необыкновенною между нами Европейцами, и тѣмъ болѣе похвальною, что имѣвшій сію рѣдкую добродѣтель былъ Царемъ 150000000 чело-вѣкъ.

Киен-Лонгъ — такъ назывался сей Государь — всегда съ удовольствіемъ воспоминалъ тотъ великолѣпной праздникъ, которой дѣдъ его *Канъ-Ги*, въ 1722, торжествуя шестидесятой годъ своего царствованія, давалъ спарцамъ, и которому въ дѣтствѣ своемъ былъ онъ свидѣтелемъ. Внукъ, царствовавшій по-
чпи

(*) Сей анекдотъ взятъ изъ *Memoires, concernant l'Histoire, les Sciences, etc. des Chinois.*

чти столько же лѣтъ (*) и вспупившій на 75 й годѣ отъ рожденія своего, вздумалъ возобновиць се торжество.

Въ изходѣ 1784 года было оно воз-
возвѣщено разными милостями. Импера-
торѣ пережаловалъ Мандариновѣ, ученыхѣ
и военныхѣ людей, и освободилъ народѣ
отъ разныхѣ подашей. Онѣ повелѣалъ
Вельможамѣ и Мандаринамѣ своимѣ изчи-
слить шѣхѣ подданныхѣ его, *которые —*
говоря собственными его словами — по
благости Небесной пережили обыкновен-
ныя лѣта человѣческой жизни. По спис-
ку, доставленному ко Двору, нашлось
192 фамиліи, кошорыхѣ главы дожили до
пятого поколѣнія. Изъ сего числа четы-
ремѣ старцамѣ было слишкомѣ по сту
лѣтъ. Монархѣ послалъ къ нимѣ бога-
тые дары; а всего лестнѣе было для
нихѣ то, что они получили отъ сего
Государя стихи, самимѣ имѣ сочинен-
ные въ честь глубокой старости, и пи-
санные собственною его рукою. Имѣ поз-
волено было, яѣ знакѣ сей славной оп-
мѣны, выставить на дверяхѣ домовѣ сво-
ихѣ щипѣ съ начертаніемѣ оныхѣ сти-
ховѣ.

Сіе

(*) Онѣ царшвовалъ около 50 лѣтъ.

Сіе торжество, столь пріятное для старости, и служащее славнымъ доказательствомъ чувствительности Кіен-Ляга было въ Пекинѣ 14 Февраля, 1785. Мы забыли сказать, что всѣмъ старикамъ въ государствѣ, которые дожили до шестидесяти лѣтъ, дано было по нѣскольку мѣръ сорочинскаго пшена и кусковъ полотна или шелковой маперіи. Три тысячи стариковъ собралось въ столицѣ. Каждому изъ нихъ дали билетъ, съ означеніемъ ихъ именъ, лѣтъ, состоянія и мѣста, гдѣ находились тѣ знамена, подѣ которыми надлежало имъ разположиться на первомъ дворѣ Императорскихъ палатъ, куда и сошлись они въ два часа по утру. Всѣхъ ихъ поимянно перекликали, и потомъ ввели на тотъ дворъ, которой находится прямо передъ комнатами Императорскими. Въ часъ обѣда, т. е. въ девятомъ часу по полуночи, вышелъ Монархъ и сѣлъ подѣ портикомъ. Все различіе состояло въ томъ, что его тронъ былъ футомъ или двумя выше другихъ, откуду, сидя впереди, могъ онъ къ удовольствію своему видѣть всѣхъ гостей, которые также и его видѣли. Они составляли двѣ параллельныя линіи по обѣимъ сторонамъ галереи.

лерей. Сыновья, внуки и правнуки Императорскіе, могшіе присутствовать при сей церемоніи, окружали пресполъ. Принцы крови служили Монарху; а Вельможи и Мандарины гостямъ.

Какъ скоро Императоръ сѣлъ, гостей просили занять свои мѣста, поестъ, сѣсть на коврахъ, разостланныхъ по землѣ еще прежде ихъ прихода. За каждымъ столомъ сидѣло по четыре челоуѣка, и услуга была вездѣ одинакая. Вокругъ столовъ ходили сыновья, внуки и правнуки Монарховы, смотря, чтобы всего было довольно. Старшій изъ сихъ Принцевъ, усерднѣе всѣхъ занимаяся сею должностію, безпрестанно подчивалъ гостей, и побуждалъ ихъ безъ всякаго принужденія участвовать въ радости своего добродушнаго Государя, ими веселящагося.

Началась музыка. На столахъ было столько блюдъ, сколько могло уставишься. Частъ Ташарскаго барана, обкладенная разными мясами, составляла лучшее блюдо. Впрочемъ не было ничего отмѣннаго на столѣ Императорскомъ. Когда подавали пить Монарху, Мандарины наполняли виномъ чаши гостей, чтобы они имѣли удовольствіе пить вмѣ.

вмѣстѣ съ своимъ Государемъ, и точно то вино, которое онъ пилъ.

Когда Императоръ насытился, ударили въ барабанъ, и музыка умолкла. Мандарины сняли со всѣхъ столовъ блюда, сказавъ гостямъ, что Монархъ даритъ всякаго изъ нихъ тою чашею, изъ которой онъ за обѣдомъ пилъ вино, и желаетъ, чтобы они еще долгое время пользовались симъ даромъ, и воспоминали всегда праздникъ того дня.

Въ другой разъ ударили въ барабанъ, и всякой сѣлъ на свое мѣсто, оборотясь къ Императору. По томъ еще въ барабанъ ударили, и вдругъ явилось двѣнадцать человекъ Комедіантовъ въ двойныхъ маскахъ: одна была на лицѣ, а другая на затылкѣ. Платье ихъ было спереди и сзади одинакое, такъ что они ни къ Императору, ни къ собранію спиною не оборачивались. Одна маска представляла лице старца, а другая лице молодого человека.

Поклонясь Монарху и всему собранію, они начали играть. Г. Амюшъ, одинъ изъ Сочинителей Китайскихъ Записокъ [*Memoires sur les Chinois*] заключилъ изъ ихъ декламации, пѣнія, жестовъ и движеній, что они представляли нѣкоторой

второй родъ аллегорическаго балета, изображавшаго различные возрасты человека и переменѣну лѣтъ.

Комедіаншѣ ушли; а мѣсто ихъ заступили Музыканшѣ, и запѣли гимнъ въ честь *Tiên*у, благодаря Его за всѣ милости, а особливо за благодѣянія того дня.

Послѣ сего пѣнія Императоръ пошелъ въ свои комнаты. Гости вышли на передній дворъ, гдѣ просили ихъ подождать, пока ихъ позовутъ для принятія подарковъ Его Величества. Для предупрежденія всякаго воровства со стороны евнуховъ и нижнихъ чиновниковъ, Императоръ приказалъ написать на листъ желтой бумаги, запечатанной печатью Трибунала, имя каждаго изъ пожалованныхъ, съ означеніемъ опредѣленнаго ему дара. Три дни продолжалась раздача подарковъ (*), которые состояли въ маленькихъ кошель-

---

(*) И всѣмъ прочимъ старикамъ въ государствѣ, какъ выше сказано, розданы были награжденія: девяностолѣтнимъ дано было по тридцати мѣръ пшена и по два куска шелковой матеріи, шестидесятилѣтнимъ по пяти мѣръ пшена и по куску полотна.

кошелькахъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ, въ шелковыхъ матеріяхъ, въ Жу-и (*), въ кедровыхъ палочкахъ, обдѣланныхъ на подобіе драконовой головы, и въ знакъ Императорскаго Ордена Глубокой старости; сей знакъ бываетъ серебряной съ позолотою, вѣсомъ въ унцію, и привѣшивается къ желтой лентѣ съ такимъ же бантомъ. Къ симъ дарамъ Императорской щедрости были приобщены стихи, сочиненные самымъ Монархомъ на случай оной церемоніи. Сіи стихи показываютъ разумъ, чувствительность, человеколюбіе сего Государя.

(Продолженіе будетъ впредь)

(*) Эмблематической скипетръ, сдѣланной изъ благовоннаго дерева, и украшенной маленькими фигурами изъ камня Ина. Слово Жу-и значитъ: да будетъ все по твоему желанію! многія лѣта!

Окончаніе Старческаго Праздника:

Почтеннымъ старцамъ, призваннымъ
весеѣться со мною въ память того праз-
днества, которое нѣкогда величественной
дѣдѣ мой совершалъ при подобномъ случаѣ:

„Безчисленны благодаренія, мною отъ
„Небесъ полученныя. Не возможно мнѣ опи-
„сать оныхъ. Удовольствіе, которымъ я
„наслаждаюсь нынѣ, видя себя окруженного
„такимъ числомъ почтенныхъ старцевъ;
„есть новое небесное благодареніе, питающее
„сладостию все сердце мое. Мысли временъ
„пропекшихъ сами собою возбуждаются
„въ душѣ моей, и представляютъ мнѣ сіи
„блаженные дни, въ которые власы мои,
„соспавлявшие единственное украшеніе
„моей главы, пріятно волновались отъ
„вѣянія нѣжнаго вѣтерка. Невинность
„была душою всѣхъ дѣйствій моихъ. Я
„пользовался неогрѣненнымъ правомъ си-
„дѣть у ногъ величественнаго дѣда мое-
„го; когда онъ садился на тронъ; я все
„видѣлъ; все слышалъ; былъ свидѣте-
„лемъ всего производившаго вокругъ ме-
„ня. Уже многія лѣта прошекли послѣ
„сего времени!

„Вѣ сіе щастливое время жизни мо-
 „ей все меня занимало, все веселило; но
 „никакое зрѣлище не было столь привле-
 „кательно для любопытныхъ взоровъ мо-
 „ихъ, и столь пріятно для моего сердца,
 „какъ незабвенное торжество, мною ны-
 „нѣ возобновляемое — торжество, ко-
 „торое воспоминаю съ живѣйшимъ весе-
 „ліемъ. Все сердце мое наполнилось благо-
 „говѣйными и нѣжными чувствами, ког-
 „да увидѣлъ я Князей, Вельможъ и всѣхъ
 „старцевъ, идущихъ на мѣсто торжества,
 „и сядящихся подлѣ своего Государя, ко-
 „торой, принимая отъ нихъ услуги, и
 „самъ служилъ имъ. Не было различія
 „ни въ пищѣ, ни въ винѣ; всѣмъ въ одно
 „время подавали блюда, и вездѣ было рав-
 „ное изобиліе; чаши опорожнивались и
 „наполнялись безъ принужденія; чины бы-
 „ли забыты; равенство царствовало меж-
 „ду гостями, которые составляли со-
 „браніе друзей, веселящихся по одной при-
 „чинѣ; румянецъ здравія украшалъ ли-
 „ца ихъ; огонь юности блисталъ въ ихъ
 „взорахъ.

„По ошмѣнному благоволенію Небесъ,
 „вторично наслаждаюсь я симъ зрѣли-
 „щемъ, и сердце мое такъ же возвеселяетъ

„ся. Потомки. наши безъ сомнѣнія по-
 „чувствуютъ живѣйшее удовольствіе и
 „глубочайшее почтеніе къ путямъ Про-
 „видѣнія, когда узнаютъ изъ Истории,
 „что одинъ изъ Императоровъ величе-
 „ственного рода моего праздновалъ
 „шестидесятой, а другой пятидесятой
 „годъ своего царствованія, веселяся за
 „семеystвеннымъ обѣдомъ со всею своею
 „націею, представляемою избранными
 „старцами. „

ОПИСАНІЕ ОСТ-ИНДІИ (*):

Хотя подѣ всеобщимъ именемъ Ост-Индіи обыкновенно разумѣютъ всѣ обширныя земли, находящіяся за Аравійскимъ моремъ и за царствомъ Персидскимъ; однакожь сіе имя собственно принадлежитъ Индостану, землѣ, лежащей между Индусомъ и Гангесомъ, двумя славными рѣками, которыя, въ ужасномъ разстояніи другъ отъ друга, впадаютъ въ Индійскія моря. Сіе великое пространство перерѣзывается въ срединѣ цѣпью высокихъ горъ, которыя отдѣляютъ Малабаръ отъ Короманделя, и кончашся у мыса Коморина.

Климатъ и вліяніе стихій столь различны на сихъ двухъ берегахъ, что когда на одномъ идетъ дождь, тогда на другомъ бываетъ совершенно ясная погода. Одна половина горъ отдѣляетъ шамъ зиму отъ лѣта.

А къ въ большой части Индостана означаются времена года не столько теченіемъ солнца, сколько дождливою погодою, что подѣ зимою надобно разумѣть то

(*) Переведено изъ Leipziger Wochenblatt für Kinder.

то время, въ которое сильныя вѣтры пригоняють облака къ горамъ, разбиваютъ ихъ обѣ оныя и превращаютъ въ дождь, сопровождаемой великими грозами. Вода съ превеликимъ шумомъ течетъ съ горъ, наводняетъ рѣки и залиываетъ равнины. Воздухъ наполняется тогда парами, и ночи бываютъ весьма темны. Впрочемъ сіе время никакъ не холодно, такъ что большая часть плодовъ приходитъ тогда въ зрѣлость; а растѣнія и цвѣты бываютъ весьма свѣжи.

Сухое время года можно лучше называть лѣтомъ. Почти ни одного облачка не видно тогда на небѣ. Вѣтръ всегда переменяется; днемъ дуетъ онъ съ моря, а ночью съ земли. Иногда бываетъ совершенная тишина, отъ чего происходитъ несносной жаръ.

Различіе временъ бываетъ еще достойнѣ примѣчанія на Индійскихъ моряхъ. Когда на одномъ морѣ самыя худыя суда плаваютъ спокойно и безопасно, тогда на другомъ самыя крѣпкіе корабли не могутъ противиться свирѣпымъ бурямъ, безпрестанно ихъносящимъ. Чужестранные корабли или суда заблаговременно выходятъ изъ сихъ бурныхъ

водѣ; а тамошніе жители, знающіе по многократнымъ опытамъ, что и въ самой гавани суда ихъ не могутъ быть въ безопасности, вытаскиваютъ ихъ на берегъ и укрываютъ на верфяхъ въ Арсеналахъ. Сіе опасное время продолжается на Малабарскомъ берегу отъ конца Апрѣля до Сентября мѣсяца. Южные вѣтры, дующіе въ то время на берегу Коромандельскомъ, въ половинѣ или въ изходѣ Октября превращаются въ сѣверные, которые тамъ такой же вредъ причиняютъ. Сіе время года обыкновенно бываетъ не такъ бурно, еслии начинается орканами или жестокими бурями.

А какъ сія земля отъ самыхъ древнихъ временъ была источникомъ всѣхъ шѣхъ вещей, которыя принадлежатъ къ изобилію и удобности, то всегда считали ее самою древнѣйшею спраною міра. Если справишься съ памятниками Исторіи, или размотришь положеніе Индостана на земномъ шарѣ, то въ самомъ дѣлѣ долженъ будешь согласиться, что сей землѣ надлежало быть населенною прежде прочихъ. Въ Исторіи ея теряется начало большей части наукъ нашихъ. Еще прежде Пифагора Греки

шуда

шуда пупешествовали, и шамъ научались. Самые первые торговые народы покупали у Индійцовъ полотно, что доказываетъ успѣхъ прилѣжности сего народа въ самое то время, когда еще прочія части міра были пусты и дики. Арабы заняли отъ нихъ числа, и сообщили оныя намъ. Вообще надобно думать, что тотъ климатъ, которой для человѣческаго рода благопріятнѣе, конечно и прежде другихъ населенъ былъ. Чистой воздухъ, благошворной климатъ, плодотворная земля, которую почти и обрабатывать не нужно — все сіе было привлекательно для первыхъ обитателей нашего шара. Еслили человѣческой родъ могъ размножиться въ жестокихъ климатахъ, гдѣ безпрестанно надлежитъ сражаться съ Нашурою; еслили сухой, горячій песокъ, непроходимыя болота и вѣчной ледъ, могли быть населенными; еслили мы обрабатывали лѣса и степи, гдѣ надлежало намъ защищаться отъ снѣговъ, дикихъ звѣрей и людей: то могли ли остаться пусты самыя лучшія земли, гдѣ человѣкъ, не зная никакихъ нуждъ, находилъ одно удовольствіе — гдѣ, наслаждаясь лучшими произведеніями и прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ Нашуры,

не зналъ онъ ни труда, ни безпокойства, и по справедливости могъ почитать себя превозходнѣйшимъ существомъ и Царемъ всего Естества?

Таковы берега Гангеса и прекрасныя страны Индостана. Вкуснѣйшіе плоды наполняютъ тамъ воздухъ благовонными испареніями, и служатъ здоровою, освѣжительною пищею; а густыя древесныя тѣни, которыхъ дневной жаръ проникнуть не можетъ, вливаютъ прохладеніе въ утомленнаго странника. Въ другихъ мѣстахъ животныя должны пожирать другъ друга, не имѣя иныхъ способовъ къ сохраненію жизни своей; но въ Индіи раздѣляютъ онъ съ Царемъ своимъ изобиліе, и купно съ нимъ въ безопасности наслаждаются дарами Природы. Даже и нынѣ, не смотря на то, что Индія нѣсколько вѣковъ сряду довольствуется своими произведеніями самая отдаленнѣйшая страна міра, не изтощилась еще плодотворная сила земли сей, и, кромѣ нѣкоторыхъ пустыхъ песчаныхъ мѣстъ, Индостанъ есть самая плодоноснѣйшая страна въ мірѣ.

Когда Португальцы въ концѣ пятнадцатаго вѣка шуда приплыли, то богатство сихъ земель привело ихъ въ удив-

удивленіе. Самое нравственное состояніе свѣхъ показалось имъ необыкновеннымъ. Страны сіи были населены разными народами, отличающимися другъ отъ друга и Религією и нравами. Коренные жители тамошней части міра были потомки древнихъ Браминъ, цоль славныхъ во времена Гревовъ, которыхъ произхожденіе теряется въ самой отдаленнѣйшей древности.

Брама, которой, по преданію нѣкоторыхъ Индійцевъ, совершенствомъ своимъ превозходилъ Нашуру человѣческую, и которой, по вѣроятнѣйшему мнѣнію, есть существо вымышленное, означающее Премудрость Божію, былъ великой Индійской законодатель. Ему приписываютъ священныя книги, которыхъ оригиналъ пропалъ; но есть на нихъ изъясненіе, писанное на чужестранномъ языкѣ, которой только нѣкоторые Брамины разумѣютъ.

Сія книга, называемая на ихъ языкѣ *Ведамъ*, сообщаетъ понятіе о высочайшемъ Существовѣ, сотворившемъ существа разныхъ родовъ, изъ коихъ нѣкоторыя выше, а другія ниже человѣка, и увѣряетъ въ безсмертїи души, въ наказанїяхъ и награжденїяхъ другой жизни,

ни, и въ переходѣ душъ. Вотъ главныйше ученіе ихъ Религіи.

Сія книга сообщаетъ мораль не только въ правилахъ, но и въ символахъ, которые простому народу подали поводъ къ идолопоклонству. Изъясненіе большей части сихъ символовъ пропало. Образъ ихъ остался и сдѣлался предметомъ богослуженія и идолопоклонства.

Брамины, которые одни разумѣютъ языкъ сей святой книги, изъясняютъ ее по своей волѣ. Они находятъ въ ней все то, что вдыхаютъ въ нихъ разгоряченное воображеніе, корыстолюбіе, страсти и ложная ревность. Сей исключительной санъ исполковашелей Религіи даетъ имъ неограниченную власть надъ жителями, которые не смѣютъ слушаться ни разума, ни сердца своего. Всѣ тамошніе народы почитаютъ Ведамъ такую книгу, которая содержитъ въ себѣ правила ихъ Религіи; однакожь, не смотря на то, весьма немногіе имѣютъ одну Религію. Многіе несогласны даже въ самомъ главномъ ученіи закона.

Во всемъ Индостанѣ принадлежатъ политическіе законы, обычаи и самыя нравы къ Религіи: ибо все происходитъ отъ Браны, переводчика Божественной воли.

Надо-

Надобно думать, что сей Брама былъ Царь: ибо въ духовныхъ учрежденіяхъ его видно намѣреніе вселить въ народъ глубокое почтеніе и великую любовь къ своей землѣ, и спараніе изправитъ недостатокъ климата. Религія Брамъ есть одна изъ тѣхъ немногихъ языческихъ Религій, которыя можно почестъ хорошимъ политическимъ учрежденіемъ. Индійцы имѣютъ удивительное почтеніе къ нему и еще къ тремъ большимъ рѣкамъ въ Индостанѣ: къ Индусу, Кистнарсу и Гангесу. Онъ освящилъ по животное, которое употребляется для земледѣлія, и корову, которой молоко составляетъ самую здоровую пищу въ жаркихъ земляхъ.

Ему же приписываютъ и раздѣленіе народа на четыре класса, т. е. на Браминовъ, военныхъ людей, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Каждой классъ раздѣляется еще на другіе.

Брамины бываютъ разныхъ классовъ. Они соблюдаютъ Религію и правятъ мнѣніями другихъ людей, которые кланутся головою сикъ священниковъ и цѣлуютъ ихъ ноги. Нѣкоторые живутъ въ обществѣ и бываютъ обыкновенно обманщики. Въ-
ря, что вода Гангесова очищаетъ ихъ
отъ

ршѣ всѣхъ преступленій, и не бояся никакого суда, предаются они всѣмъ порокамъ. Примѣшны въ нихъ только двѣ добродѣтели: сожалительность и милосердіе, которыя въ благошворномъ Индійскомъ климатѣ вообще весьма обыкновенны. Другіе совсѣмъ удалены отъ общества, и суть малоумные энтузіасты, преданные лѣности, суевѣрію и метафизическому суемудрію.

Классъ военныхъ людей составляютъ на Коромандельскомъ берегу *Рай*, а на Малабарскомъ *Найры*. Въ другихъ земляхъ находятся цѣлые народы, на прим. Канарины и Марапшы, занимающіеся симъ ремесломъ, можетъ быть по тому, что они производяшъ отъ скипающихся поколѣній, которыя прежде посвящали себя оружію; или по тому, что время и обстоятельства перемѣнили ихъ первыя учрежденія.

Третій классъ состоитъ изъ земледѣльцевъ, весьма заслуживающихъ благодарность своихъ согражданъ; они трудолюбивы, прилѣжны, весьма искусно увлажняютъ поля, и могутъ дѣлать плодоснымъ самой сухой грунтъ. Впрочемъ земледѣльцы почти вездѣ одинаковы — они всегда честнѣе и щастливѣе другихъ

гихъ людей; естли Правленіе не портишь и не шѣснишь ихъ.

Классъ ремесленниковъ раздѣляется по разнымъ ремесламъ. Никогда не лзя оставишь ошцовскаго ремесла; и потому рабство съ прилѣжностію были тамъ всегда неразлучны, и довели искусства до высочайшей степени совершенства, до которой только могутъ онѣ достигнуть посредствомъ труда и терпѣнія, безъ помощи вкуса и воображенія, которые бывающъ плодомъ соревнованія и свободы.

Сверхъ сихъ классовъ есть еще пятой, состоящей изъ самыхъ худыхъ людей. Принадлежащіе къ оному отправляютъ самыя низкія должности обществитія: погребаютъ мертвыхъ и чистятъ дома и улицы. Они въ такомъ презрѣніи, что естли кто нибудь изъ нихъ осмѣлился прикоснуться къ другому человеку, то сей имѣетъ право умертвить его на томъ же мѣстѣ. Ихъ называютъ *Паріями*. Въ Малабарѣ есть еще другой родъ людей, которыхъ именуютъ *Пулихами*, и которые должны терпѣть еще большее поруганіе и несчастіе. Они живущъ въ лѣсахъ, не смѣютъ строить жилищъ, и принуждены дѣлать себѣ нѣзда на деревьяхъ. Чувствуя голодъ, воютъ
они

они какъ волки, чтобы возбудить сожалѣніе въ мимоходящихъ. Милосердые Индійцы кладутъ подъ дерево пшено или другую пищу, и тотчасъ удаляются, чтобы несчастной голодной Пулихъ, бросаясь на пищу, не встрѣпился съ своимъ благодѣтелемъ, которой сію встрѣчу почелъ бы себѣ за безчестіе. — Всѣ сіи классы навсегда отдѣлены другъ отъ друга высокими стѣнами. Они не могутъ брать себѣ женъ изъ другого класса; не могутъ ни жить, ни ѣсть вмѣстѣ. Кто преступитъ сей законъ, тотъ выгоняется изъ класса, имъ обезславленнаго.

Но все сіе перемѣняется, когда они по общанію ходятъ въ большой *Ягернатской* храмъ, храмъ высочайшаго Существа. Брамины, Рая или Наиръ, земледѣлецъ и ремесленникъ, вмѣстѣ приносятъ тамъ жертвы, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ. Тамъ сказываютъ имъ, что различіе рода есть человѣческое по-становленіе, и что всѣ человѣки братья, дѣши одного Бога.

Хотя въ священныхъ Индійскихъ книгахъ нѣтъ тѣхъ чудесностей, которыми наполнено языческое баснословіе, однакожь ихъ Теологія не сложила Теоло-

їи прочихъ языческихъ народовъ. Книга *Шастеръ* — которую почишаютъ нѣкоторые за примѣчанія на книгу *Веджъ*, а другіе за самое оригинальное сочиненіе, и которая въ извлеченіи выдана на Англійскомъ языкѣ — нѣскольکو обѣяснила сію матерію. Евъной — говоритъ сія книга — погруженной въ созерцаніе существа Своего, вознамѣрился сотворишь такіа существа, которія могли бы участвовать въ Его славі. Онъ сказалъ, и сотворились Ангелы. Въ вмѣстѣ воспѣвали они хвалу Творца сего, и согласіе царствовало на небесахъ; но потомъ возмутились два духа, юторыхъ примѣру и другіе послѣдовам. Богъ низвергъ ихъ въ мѣсто мученій, и освободилъ ихъ отъ оуду единственно о прозьбѣ вѣрныхъ Ангеловъ, съ такими условіями, которыа причинили имъ ідосшь и ужасъ. Начаальники были осудены, переходя изъ образа въ образ, терпѣть муки въ нижней пятнадцатй планетѣ, — муки, соразмѣрныя велкому ихъ преступленію. Такимъ образомъ каждой Ангелъ долженъ былъ а землѣ семдесятъ восемь разъ перейти изъ шѣла въ шѣло, и потомъ войти въ шѣло коровы, благороднѣйшаго изъ ж-

вопныхъ. Сіи разныя перехожденія суть состояніе наказанія, изъ котораго переходящъ въ состояніе испытанія, ш: е: Ангелъ переходитъ изъ шѣла коровы въ человѣческое шѣло. Тогда разпространяетъ Творецъ разумныя силы и свободу его, и смотря по доброму или худому употребленію оныхъ со стороны Ангела, приближаетъ или удаляетъ отъ него время его прощенія. Мудрой по смерти своей опять соединяется съ высочайшимъ Существомъ; а порокой снова вступаетъ въ кругъ наказаній.

Такимъ образомъ, по преданію Штестера, *перехожденіе душъ* есть подлинное наказаніе; и души, одушевляющіе большую часть живыхъ существъ, суть ничто иное, какъ порочныя существа. Сіе мнѣніе о перехожденіи душъ конечно не вообще принято въ Индіи. Оно вымышлено какимъ нибудь суевѣрнымъ и жестокосердымъ меланхоликомъ. Впрочемъ вѣроятно, что сіе ученіе въ началѣ своемъ было совсѣмъ иное.

[Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.]

Окончаніе Описанія Ост-Индіи.

Брама назначилъ разную пищу для разныхъ классовъ. Военные люди и другіе классы могутъ ѣсть дичину и баранину, а нѣкоторые земледѣльцы и ремесленники рыбу. Другіе питаются только молокомъ и растѣніями. Брамины не ѣдятъ животныхъ. Вообще сіи народы весьма умеренны; однакожь одни умереннѣе другихъ, смотря по шѣмъ трудамъ, съ которыми сопряжено ихъ состояніе.

Они женятся въ самомъ дѣтствѣ, и жены ихъ сохраняютъ безпримѣрную вѣрность. Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ классовъ могутъ имѣть многихъ женъ. Извѣстно, что жены Браминовъ сожигаются по смерти мужей своихъ. Онѣ обязаны къ тому закономъ; но другія жены подражаютъ имъ изъ пагубнаго славолюбія.

Индійцы крошки, челоуѣколюбивы, и почти совсѣмъ не знаютъ шѣхъ страстей, которыя насъ приводятъ въ движеніе. Какое честолюбіе могутъ имѣть люди, принужденные бытъ вѣчно въ

Часть XVII. No. 9. И одномъ

одномъ состояніи? Они любятъ спокойную работу или праздность, и часто швердятъ одно мѣсто изъ любимой книги своей: *Сидѣть лучше, нежели ходить; спать лучше, нежели бдѣть; а смерть лучше всего.*

Ихъ воздержность и великой жаръ климата ослабляютъ ихъ шѣло и склонности. Одна страсть владычествуетъ надъ ними, страсть слабаго шѣла и низкой души — ш. е. корыстолобіе или скупость.

Религія Браны раздѣляется на восемьдесятъ ипри секты, которыя въ нѣкоторыхъ главныхъ пунктахъ между собою согласны, о прочихъ не спорятъ, и живутъ мирно. Они живутъ мирно и со всѣми иновѣрцами; ибо ихъ Религія не только не велиитъ, но еще и запрещаетъ обращать всѣхъ людей въ свою вѣру. Рѣдко допускаютъ они чужестранцевъ къ своему богослуженію, и то всегда съ великимъ нехотѣніемъ. Сіе нехотѣніе есть духъ древняго суевѣрія, которое показываетъ намъ Исторія Египтянъ, Грековъ и Римлянъ.

Португальцы, прибывъ сперва въ Ост-Индію, нашли шамъ и Магомешанъ, которые были потомки Арабовъ, нападавшихъ на сіи земли и заведшихъ шамъ колоніи. Одни предавались удовольствіямъ серала; а другіе, которыхъ число было самое большое, служили факшорами Арабамъ и Египтянамъ, симъ господамъ Индійской торговли передъ прибытіемъ Португальцевъ. Они жили во всей Азій и на Африканскихъ берегахъ, завели селенія, владѣли разными крѣпостями, и весьма размножились въ самыхъ Индійскихъ городахъ; ибо ихъ Религія позволяетъ многоженство, и они женились во всякомъ мѣстѣ, въ которомъ надлежало имъ пребыть нѣсколько времени. Владѣльцы обходились съ ними хорошо, желая имѣть дѣло съ Египтянами и Арабами. Они были самые худые люди во всемъ возпо-
кѣ. Ихъ-то называютъ Европейцы *Индійскими Неграми*, или просто *Неграми*.

Сіи Арабскіе Магомешане, которые были вмѣстѣ и проповѣдники и купцы, старались разпространить свою Религію, покупали множество невольниковъ, обрѣзывали ихъ, наставляли въ своемъ законѣ и пошомъ дѣлали вольными. Изъ

гордости не хотѣли они смѣшивать крови своей съ кровію сихъ ошпущенниковъ, которые наконецъ составили особливой народъ, и поселились между Гои и Мадраса. Они называются въ Малабарѣ *Мапочлаки*, а въ Короманделѣ *Хуліатами*, и не знаютъ ни по Персидски, ни по Арабски; не разумѣютъ и языка Негровъ, а говорятъ языкомъ той земли, гдѣ живутъ. Торговля есть главное дѣло ихъ. Они изповѣдуютъ Магомешанскую Религію, изпорченную Индійскимъ суевѣріемъ.

Индостанъ, которой нынѣ почти весь подчиненъ Европейской власти, во время прибытія Португальцевъ былъ подъ владѣніемъ разныхъ Царей: Камбайскаго, Деллискаго, Деканскаго, Нарзингваскаго и Каликутскаго, у которыхъ были данниками другіе малосильнѣйшіе владѣльцы. Послѣдній изъ сихъ Монарховъ, извѣстной болѣе подъ именемъ Заморина [что значить *Императоръ*], нежели подъ именемъ своей столицы, владѣлъ ближайшими къ морю обласьями и всѣмъ Малабаромъ.

Сии выгоды сдѣлали Каликутъ богатымъ мѣстомъ возшока. Отвсюду привозили шуда драгоцѣнные камни,
жсм-

жемчугъ, амбру, слоновыя кости, фарфоръ, золото, серебро, шелковыя и бумажныя матеріи, индиго, сахаръ, всякіе ароматы, пряности, дорогое дерево, прекрасныя лаки, и все то, что можетъ служить къ прилпностямъ жизни. Часть сихъ богатствъ доставлялась шуда водою; но какъ кораблеплаваніе было тогда еще не такъ безопасно и удобно, какъ нынѣ, то многое привозили шуда сухимъ путемъ на волахъ и слонахъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

АНАТОМІИ (*).

— *Facies non omnibus una,
Nec diversa tamen.* —
Ovid. Met.

То есть:

*Лица бывають у людей не одинакія,
Однакожь и не разнообразныя.*

ТѢ изѢ ДревнихѢ, которые были изкусны въ Анатоміи, заключали по внѣшнему и внутреннему строенію человѣческаго тѣла, что оно есть дѣло Существа весьма мудраго и могущественнаго. Когда люди лучше узнали сію науку, то новыя отккрытія подали имѢ новыя причины удивляться рукѢ Провидѣнія въ образованіи тѣла человѣческаго. Анатомическія раздробленія вывели Галена изѢ невѣрія; онѢ необходимо долженѢ былѢ признать высочайшее Существо, разсматривая сіе дѣло рукѢ Его.

Пра-

(*) Переведено съ Англійскаго языка изѢ Слекшатора.

Правда, что древніе Анатомисты не знали подлинной надобности многихъ частей; но видя, что всѣ прочія части были съ удивительнымъ искусствомъ приравнены къ ихъ разнымъ дѣйствіямъ, полагали они, что тѣ, которыхъ дѣйствія не могли они опредѣлить, конечно съ такою же премудростію были созданы для особливыхъ цѣлей и причинъ. Съ того времени, какъ узнали круговращеніе крови, и какъ наши новые Анатомисты сдѣлали другія великія открытія, видимъ мы новыя чудеса въ человѣческомъ составѣ, и усматриваемъ разныя важныя надобности тѣхъ частей, которыхъ дѣйствія Древніе совсѣмъ не знали. Коротко сказать, человѣческое тѣло есть такой предметъ, который пребудетъ наипочтѣйшаго изпытанія. Хотя оно съ самаго перваго взгляду кажется составомъ весьма мудрымъ, однако въ изслѣдованіи безпрестанно увеличивается его изящность; и чѣмъ болѣе узнаемъ его, тѣмъ болѣе возрастаетъ наше изумленіе. — Что сказалъ я о тѣлѣ человѣческомъ, то можно отнести ко всякому животному тѣлу, бывшему предметомъ анатомическихъ наблюденій.

Тѣло животного есть предметъ со-
размѣрной нашимъ чувствамъ. Оно есть
особливая система Провидѣнія, заклю-
ченная въ тѣсномъ кругѣ. Глазъ мо-
жетъ управлять онымъ и поспешенно обо-
зрѣвать всѣ части его. Когда бы тѣло
всей земли, или цѣлой вселенной, могло
быть такъ же подвержено испытанію
чувствъ нашихъ — естли бы оно было
не столь велико и несоразмѣрно силѣ
оныхъ, не столь необозримо и огромно
для глазъ и рукъ нашихъ: — то безъ
всякаго сомнѣнія показалось бы намъ оное
столь же удивительнымъ и благоустро-
еннымъ составомъ, какъ и составъ тѣ-
ла человѣческаго. Мы бы увидѣли ту
же цѣпь и подчиненность, ту же опредѣ-
ленность и полезность, ту же красоту
и гармонію вообще и въ каждой части
оного, какую видимъ въ тѣлѣ каждаго
особеннаго животного.

Чѣмъ обширнѣе нашъ разумъ, и чѣмъ
способнѣе заниматься большими предме-
тами, тѣмъ болѣе Премудрости и Про-
видѣнія открываетъ онъ въ твореніи.
Исаакъ Ньютонъ, чудо нынѣшнихъ вре-
менъ, можетъ проницать взоромъ сво-
имъ всю планетную систему, вѣситъ,
изчислятъ и измѣрятъ ее, и выводитъ изъ

того такія же доказательства безконечной Силы и Премудрости, какія самой ограниченной разумъ можетъ вывести изъ системы человѣческаго шѣла.

Но возвратимся къ нашему разсужденію объ Анапоміи, и разсмотримъ строеніе и составъ шѣла животнохъ съ одной особенной стороны, которая, по моему мнѣнію, доказываетъ въ ихъ образованіи руку мыслящаго и всемудраго Существа съ очевидностію тысячи математическихъ доказательствъ. Мы можемъ, кажется, принять за неоспоримое правило, что случай никогда не дѣйствуетъ въ безпре-
ставномъ единообразіи и согласіи съ самимъ собою. Если бы кто нибудь десятью тысячами костей бросалъ всегда одно число, или всякой разъ точно птыю болѣе или менѣе того, что непоредственно передъ шѣмъ было: то какъ бы ему не подумать, что какая нибудь невидимая сила управляетъ костьюми? Самой сей случай находимъ мы въ дѣйствіяхъ Натуры. Животныя одного рода бываютъ разной величины, отъ чего производятся разные сорта (species) оныхъ. Пусть человѣкъ обзритъ родъ собакъ или львовъ: онъ увидитъ, что безчисленные творенія Натуры — съ-

ли можно мнѣ употребить сіе выраженіе — опубликованы въ различныхъ изданіяхъ. Разсматривая міръ пресмыкающихся, или разные роды животныхъ, наполняющихъ стихію воды, находимъ такія же повторенія въ разныхъ сортахъ, которые, кромѣ величины, весьма мало отличаются другъ отъ друга; видимъ, что большія животныя скопированы въ малыхъ видахъ и въ разныхъ пропорціяхъ. Долго будетъ доказывать примѣрами сіе регулярное дѣйствіе Провидѣнія; а кто знаетъ Натуральную Исторію животныхъ, для того будетъ сіе излишно. Великолѣпная гармонія вселенной такова, что безчисленные раздѣленія основываются на одномъ фундаментѣ. Такимъ образомъ можно отнести сіе разсужденіе и къ мертвымъ частямъ Натуры, въ которыхъ находимъ матерію раздѣленную на подобныя (similar) системы, каковыми кажутся камни, растѣнія и другія подлунныя части творенія, равно какъ и самыя звѣзды съ Планетами. Однимъ словомъ, Провидѣніе явило богатство благости и премудрости Своей не только въ произведеніи многихъ оригинальныхъ родовъ, но и во множествѣ измѣненій (in the multiplicity of descants)

копо-

которыя сдѣлало Оно особенно въ каждомъ оригинальномъ родѣ.

Разпространимъ сію мысль еще далѣе. Въ каждой живой твари есть множество вѣьма сложныхъ (complicated) частей, которыя суть вѣрныя копіи другихъ частей онаго, сложенныхъ такимъ же образомъ. Одного глаза довольно бы было для существованія и предохраненія живошнаго; но, для лучшей удобности его, данъ ему другой, которой находится со всею математическою точностію въ такомъ же выгоднѣйшемъ положеніи, и которой во всѣхъ частяхъ почти такой же величины и такого же состава. Можетъ ли случай дѣйствовать сіюль тонко и единообразно? Если бы кто миллиономъ костей бросилъ два раза сряду одно число, то сіе чудо было бы ничто въ сравненіи съ онымъ. Но когда мы видимъ сію подобность и такое единообразіе въ рукѣ и въ пальцахъ; когда видимъ, что одна половина тѣла точнѣйшимъ образомъ соотвѣтствуетъ другой во всѣхъ оныхъ малѣйшихъ оптѣнкахъ, безъ которыхъ человекъ весьма бы могъ существовать; когда видимъ даже и то, что одна часть сто разъ повторяется въ тѣлѣ живошнаго, хошя она и

состоить изъ самого запутаннѣйшаго сплетенія безчисленныхъ фибръ, и что сіи части всегда различны величиною, смотря по удобности ихъ особеннаго положенія: — то конечно надобно имѣть тому человѣку самой странной разумъ, который въ такомъ чудесномъ дѣлѣ не захочетъ признать руки Божіей. Сіе удвоеніе въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, безъ коего человѣкъ весьма бы могъ жить — хотя и не столь удобно, какъ съ онымъ — есть ясное доказательство всеумдраго Творца; а оныя многочисленнѣйшія копіи, находящіяся въ сосудахъ одного тѣла, очевидно доказываютъ, что онѣ не могутъ быть дѣломъ случая. Сіе доказательство будетъ еще сильнѣе, когда опнесемъ оное ко всякому извѣстному намъ животному и растительному, и къ тѣмъ безчисленнымъ живымъ тварямъ, которыя по своей мѣлкости скрываются отъ нашего зрѣнія; и когда подумаемъ, какъ сходны между собою во многихъ частяхъ разные роды цѣлаго жизненнаго міра, смотря по удобности ихъ особеннаго существа. Гораздо скорѣе на сѣхъ милліонахъ костей ляжетъ случайно одно число сто милліоновъ разъ сряду, нежели случайное стеченіе матеріи произ-

ведетъ одно животное шѣло. А думать, что подобной же случай могъ произвести и безчисленное множество такихъ чудесъ, будетъ величайшая безразсудность, прошивная всякому здравому разуму — И припомъ еще каждой родъ животныхъ регулярно раздѣляется на два рода, на мужеской и женской.

Есть много и другихъ очевидныхъ доказательствъ, высочайшаго Существа и Его великой премудрости, могущества и благости въ образованіи шѣла живыхъ тварей, которыя Читатель мой можетъ найти въ другихъ сочиненіяхъ, а особливо въ шестой книгѣ Поэмы, подъ заглавіемъ *Твореніе*, гдѣ Анапомія шѣла человеческого описывается съ великою ясностію и краснорѣчіемъ. Я входилъ въ подробное изслѣдованіе той мысли, на которой основано сіе разсужденіе, для того, что она въ другихъ сочиненіяхъ, по моему мнѣнію, не довольно разпространена.

ФИЗИЧЕСКІЯ

ИЗЧИСЛЕНІЯ

Посредственной вѣтрѣ протекаетъ 10 футовъ въ секунду, или 600 фуш. въ минушу. Вѣтрѣ, протекающій въ секунду 50 фуш., весьма силенъ. Звукъ переносится въ секунду за 1000 фуш., или за 60,000 фуш. въ минушу. И такъ если между молніею и громомъ пройдетъ 20 секундъ, то мѣсто возпаленія находится отъ насъ въ 20000 фуш.

Считаютъ, что пушечное ядро при самомъ сильномъ зарядѣ перелетаетъ въ секунду 20000 фуш., и пошому 120,000 фуш. въ минушу.

Когда наша земля въ 24 часа переверотится вокругъ своей оси, то мѣсто подъ Экваторомъ протекаетъ 5,400 миль въ 24 часа. Съ тою скоростію, съ которою земля обходитъ въ годъ около солнца, въ 24 часа протекаетъ она 128,250 миль; и такъ она въ 18 разъ быстрѣе пушечнаго ядра.

Самая величайшая быстрота, намъ извѣстная, есть быстрота свѣша, ко-
рой

рой въ каждую минушу прошекаетъ 2,000, 000 миль; и по тому онъ въ 400, 000 быстрѣе пушечнаго ядра.

Самая ближайшая изъ неподвижныхъ звѣздъ по крайней мѣрѣ въ 5000 разъ ошъ насъ далѣе, нежели солнце. Отдаленіе оной содержитъ въ себѣ болѣе 45, 000, 000 діаметровъ земли, или 77, 400, 000, 000 миль.

По сему лучъ свѣта, выходящій изъ самой ближайшей неподвижной звѣзды, можетъ дойти до насъ лѣтъ въ шесть. И такъ, когда ночью видимъ мы самую блистательнѣйшую изъ неподвижныхъ звѣздъ, кошорая должна бытъ и самою ближайшею къ нашей землѣ: то лучи, проникающіе въ глаза, и изображающіе въ оныхъ звѣзду, вышли изъ нее еще за шесть лѣтъ передъ тѣмъ. Если звѣзда въ ту минушу исчезнетъ или зашмится, то мы все еще шесть лѣтъ будемъ ее видѣть; ибо послѣдніе лучи, изъ нее вышедшіе, дойдутъ до насъ въ концѣ сего времени.

Плоскость Европы содержитъ въ себѣ около 69400 квадратныхъ миль, плоскость Азіи 377800, плоскость Африки

275300, а плоскость Америки 314800 квадратных миль.

Такъ называемой старой свѣтъ составляетъ пятую, а новой десятую часть всей поверхности земнаго шара. Половина прочихъ двухъ третей [или 2, 217, 700 квадратныхъ миль] совсѣмъ неизвѣстна; не знаютъ даже и того, изъ чего состоитъ она: изъ моря ли, или изъ твердой земли.

Не лзя точно опредѣлить пропорціи между поверхностію твердой земли и моря; но то, кажется, достоверно, что вода составляетъ болѣе третьей части земнаго шара.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ОДНОГО УЧЕНАГО

къ

Швейцарскимъ ледянымъ горамъ.

Мы выѣхали изъ Лозанны 29 Іюля, поутру въ пять часовъ. Чистое небо при возходѣ солнца подавало намъ надежду, что начало нашего путешествія будетъ хорошо. Безъ всякой остановки ѣхали мы до Вева, находящагося отъ Лозанны въ двухъ Нѣмецкихъ миляхъ. Дорога между сими двумя городками не очень гладка, однакожь весьма пріятна. Съ одной стороны видны Женевское озеро и часть Алпійскихъ и Савойскихъ горъ; а съ другой прекрасные виноградные сады, деревни, помѣстья, замки, мѣльницы и проч., которыми гора Юра съ верьху до низу усѣяна, и которыя своимъ разнообразіемъ представляютъ глазамъ прелестнѣйшія картины.

Пробывъ въ Веваѣ часъ, продолжали мы свое путешествіе къ Вильнесу, до котораго отъ Вева будетъ поболѣ мили; — тамъ рѣшились мы обѣдать.

Дорога была शुष्ठъ получше, нежели по шу сторону Вевая, шакъ что мы пріѣхали शुда въ половинѣ одиннадцатаго часа. На половинѣ пути отъ Вевая къ Вильневу видѣли мы замокъ Шиллюнь, лежащій на мысѣ Женевскаго озера. Между симъ замкомъ и горою Юрою — кошорая शुष्ठъ весьма круша, и состоишъ почти изъ однихъ камней — шакъ мало пространства, что шолько одна коляска проѣхать можешъ; и по шому сіе узкое мѣсто можно заперешъ воротами, и противъ сильнаго непріятеля защищать небольшимъ числомъ солдатъ. У Вильнева кончипся Женевское озеро. Тутъ ѣхали мы по равнинѣ, кошорая шириною будетъ въ четверть мили, а въ иномъ мѣстѣ и въ полмили, и съ обѣихъ сторонъ окружена горами и скалами. Дорога хороша и ровна, и по большой части обсажена ивами, каштановыми и орѣховыми деревьями. По сторонамъ луга или поля, а въ иныхъ мѣстахъ виноградные сады. Земля кажется вообще весьма плодносною.

На пути къ Эглю, до кошораго отъ Вильнева будетъ миля, лежишъ Рошъ, гдѣ находится главной соляной магазинъ, и живешъ самъ Директоръ. Мы не оста-

навливались ни въ шомѣ, ни въ другомѣ мѣстѣ, шоропясь заблаговременно доѣхавъ до Бекса, куда и пріѣхали въ пять часовъ по полудни. Черезъ четверть часа по прибытіи нашемъ. въ сіе мѣсто чувствовали мы землетрясеніе, которое впрочемъ никакого вреда не причинило. Оно произвело такое же дѣйствіе и почти такой же шумъ, какъ тяжелая коляска, скоро ѣдущая по улицѣ; столы и окна такъ же потряслися. За четверть мили отъ Бекса осматривали мы цѣлистой колодезь, открытой за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и нашли, что вода его весьма опзывается сѣрою и желѣзомъ.

На другой день, въ три часа поутру, сѣли мы опять на лошадей и поѣхали къ славному соляному заводу, находящемуся почти въ полумилѣ отъ Бекса. Дорога туда довольно хороша, до самой подошвы горы, гдѣ живешъ главной надзирашеля, и гдѣ находяшся соляныя варьницы, градирные дома, и проч.; но она становится гораздо хуже, когда поѣдешь на гору. Мы взѣзжали на сію гору около часа, и по большой части шли пѣшкомъ, чтобы не осшановить лошадей своихъ.

Но прежде, нежели отправились мы въ подземной міръ, принесли намъ балахоны и шапки шрубочистовъ, которыя надлежало намъ надѣть. Человѣкъ съ зажженною лампадою пошелъ впередъ, а за нимъ я; за мною шелъ съ такою же лампадою другой человѣкъ, ведшій моего пріятеля. Въ такомъ порядкѣ и нарядѣ спустились мы во глубину горы. Стѣна, поддерживающая гору, кончится за нѣсколько шаговъ отъ входа; а прочая часть сего подземнаго хода изсѣчена въ камняхъ, и только въ нѣкоторыхъ опасныхъ мѣстахъ подкрѣплена со всѣхъ сторонъ дубовыми досками. Мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ сошлись работники, т. е. тѣ, которые начали работать отъ нижняго входа, и тѣ, которые сверху въ камняхъ работали. Сія встрѣча такъ вѣрно расположена, что они только двумя футами въ вышинѣ ошиблись. По томъ пришли мы къ большому бассейну, куда проводятъ соляную воду изъ источника. Сей бассейнъ, равно какъ и всѣ соляныя мины, изсѣченъ въ камняхъ; онъ въ длину восемьдесятъ футовъ, въ ширину шестьдесятъ, а въ вышину тридцать, и всегда на нѣсколько футовъ наполненъ водою. Если въ

сей

сей подземной залѣ выстрѣлишь изъ пистолета, или громко закришишь, то сдѣлаешься пресильной шумъ. Намъ показали большое колесо, ведущее соляную воду изъ источника въ упомянутой бассейнѣ, откуду она другими трубами проводится низомъ горы въ градирные дома. Сіе колесо въ діаметрѣ восемьдесятъ футовъ, и не далеко отъ онаго сдѣлано большое отверстіе до самой вершины горы, на подобіе печной трубы, вышиною въ шесть сотъ футовъ, — чтобы работникамъ легко было дышать, и чтобы впасть въ сіе подземное мѣсто части колеса. Легко можно вообразить, какъ мы удивились, нечаянно увидѣвъ чрезъ сіе отверстіе ясной свѣтъ, котораго мы почти цѣлой часъ не видали. Отъ входа въ гору до колеса считаютъ около трехъ тысячъ футовъ. По сему можно представить себѣ шовъ невѣроятной трудѣ, съ которымъ рылись до солянаго источника въ самой внутренности горы. Отъ сего колеса надобно еще сойти двѣсти футовъ внизъ, чтобы видѣть начало солянаго источника, текущаго чепырьмя жилами, изъ которыхъ одна другой солонѣе. По шовъ соединяютъ ихъ въ одну трубу, а на-

сосы, приводимые въ движеніе большимъ колесомъ, тянушъ соляную воду вверхъ, и гоняшъ ее въ бассейнъ, о которомъ я говорилъ выше. Отъ колеса къ източнику сходяшъ по тремъ высокимъ лѣсницамъ, копорыя, подобно какъ и во всѣхъ иныхъ минахъ, стоятъ прямо; напротивъ того отъ входа въ гору до колеса идешь какъ бы по ровной землѣ, и находишь на пути разные другіе переулки, но все глухіе. Въ сей же самой горѣ находятся разные источники сладкой воды, которую употребляютъ на ворочаніе большого колеса.

Осмотрѣвъ всѣ сіи подземныя рѣдкости, взошли мы черезъ триста каменныхъ ступеней въ вершину горы, и на другой сторонѣ вышли на свѣтъ. Тамъ показали намъ ручей, текущій на горѣ, подъ которымъ мы два раза прошли въ подземномъ своемъ путешествіи. Съ горы сошли мы ко входу, сѣли опять на лошадей, и въ восемь часовъ возвратились въ Бексъ, гдѣ не много позавтракали, и черезъ часъ опять въ путь отправились.

Черезъ три четверти часа пріѣхали мы опять на берегъ Роны, которая въ семъ мѣстѣ отдѣляетъ Кантонъ Бернъ
отъ

отъ Валлисской земли, и черезъ которую идетъ большой каменной мостъ со сво- домъ. По сую сторону моста сдѣланы во- рота и караульня на весьма узкомъ мѣ- стѣ, гдѣ выставленъ Бернской гербъ; а на другой сторонѣ поставленъ гербъ Валлисской и построена другая карауль- ня. Мы тотчасъ прѣѣхали въ городокъ Св. Мавриція, но не хотѣли тутъ оста- новиться, и торопились поскорѣе доѣхать до Маршиня, чтобы тамъ отобѣдать.

За часъ ѣзды отъ Св. Мавриція видѣли мы одинъ изъ самыхъ прекраснѣй- шихъ водопадовъ въ свѣтѣ. Большой ру- чей свергается съ высокой скалы прямо внизъ, съ великимъ шумомъ и пѣною, такъ что часть воды какъ пыль подни- мается опять вверхъ сажень на тридцать, и въпрямь разносится на осьмую часть мили. Когда солнце свѣтитъ на сію ле- тящую водяную пыль, то глазамъ представляется прекрасная радуга. Мы оставили лошадей своихъ на дорогѣ, что- бы сіе великолѣпное зрѣлище Натуры разсмотрѣть вблизи. Весьма трудно бы- ло пройти черезъ сію водяную пыль, которая почти не давала намъ дышать, такъ что товарищъ мой принужденъ былъ стороною войти на маленькой приго-

I 4

рокъ,

рокъ, подъ которымъ падала вода. А я, не смотря ни на что, прошелъ прямо; но водяная пыль вымочила меня такъ, какъ будто бы я стоялъ четверть часа на сильномъ дождѣ. Однакожь за сей трудной путь былъ я награжденъ весьма щедро. Не могу описать красоты сего водопада; онъ одинъ стоить того, чтобы изъ двѣнадцати миль ѣхать его сморѣть.

Черезъ часъ прѣехали мы на стеклянной заводъ, гдѣ также нѣсколько времени пробыли, чтобы видѣть искусственное соплаженіе разныхъ стеколъ. Потомъ проѣхали черезъ Дранзу, подлѣ которой на лѣвой сторонѣ лежитъ старой замокъ — и такимъ образомъ черезъ полчаса прѣехали мы благополучно въ Маршини.

Тамъ наняли мы себѣ проводника съ двумя лошаками, и въ два часа по полудни отшуду выѣхали. Черезъ четверть часа прѣехали мы къ горѣ Фурхелю, на которую взѣзжали около двухъ часовъ съ половинок. Отшуду увидѣли мы прочую часть долины до самаго Сіона. При сѣздѣ съ сей горы, на что надобно было около часа времени, проѣхали мы черезъ узкой проходъ, гдѣ были вороша и нѣ-
коп-

которыя старыя каменные укрѣпленія, и спустились въ долину, которая будетъ длиною въ полмилю а шириною около пяти сотъ сажень. Деревни Тріенъ лежитъ въ срединѣ ея, и быстрой ручей течетъ черезъ нее во всю длину отъ Югозапада къ Сѣверовостоку. Въ южной сторонѣ сей долины увидѣли мы весьма высокую гору, покрытую множествомъ снѣга, а пониже часть ледяной долины, о которой послѣ говорю буду.

Мы пробыли полчаса въ деревнѣ Тріенъ, и въ половинѣ шестаго часа поѣхали далѣе къ сѣверовосточной сторонѣ долины. Тамъ въ одномъ ручьѣ, текущемъ по долинѣ, нашелъ я такіе камни, на которыхъ выросли разныя деревья, и даже довольно высокія ели, хотя на нихъ не было почти ничего, кромѣ малаго количества земли, свалившейся можетъ быть съ ближнихъ горъ. Дорога, по которой намъ ѣхать надлежало, была весьма камениста, однакожь довольно хороша, въ сравненіи съ тою, которая шла черезъ западную часть горы, гдѣ намъ послѣ ѣхать надлежало. Тутъ были такія крупизны, что мы съ великимъ страхомъ поднимались на утесы. А дорога

была такъ узка, что только одинъ лошакъ могъ по ней итти. На правой сторонѣ находилась крутая и глубокая пропасть, при подошвѣ которой текъ шумящій ручей; а на лѣвой верхняя часть горы, покрывая густымъ непроницаемымъ лѣсомъ. Лошаки наши иногда шли по горѣ какъ по лѣсницѣ, возходя и спускаясь по ступенямъ; но по большей части сія узкая дорога была усыяна гладкими и острыми камнями, на которые они весьма осторожно становились, чтобы не поскользнуться и не упасть въ пропасть. Сверхъ того они привыкли ходить по самому краю дороги, чтобы вьюкомъ не зацѣпиться за возвышенія, находящіяся на другой сторонѣ, и черезъ то не потерять равновѣсія; но самое ихъ механическое знаніе умножало страхъ нашъ. Два часа ѣхали мы по сей опасной дорогѣ. Полчаса сидѣлъ я между страхомъ и надеждою на своемъ лошацѣ; но чѣмъ болѣе смотрѣлъ на то, какъ близко къ краю онъ становился, тѣмъ болѣе страшился отъ одного несчастнаго шага его лишиться жизни — и какъ въ семъ мучительномъ состояніи не могъ я хорошо разсматривать окрестныхъ мѣстъ, то почелъ за лучшее пройти пѣшкомъ всю прочую часть

часть сей ужасной дороги, хотя и былъ весьма утомленъ.

Я видѣлъ разнообразныя камни, и между прочими одинъ вышиною въ сорокъ футовъ, совершенно круглой и пирамидальной. Черезъ часъ пріѣхали или пришли мы на другую сторону горы, гдѣ увидѣли приходъ Тинго, лежащій на высокой, но плодоносной горѣ, и многіе водопады. Внизу открылась небольшая долина, пересѣкаемая ручьемъ, черезъ который сдѣланъ былъ деревянный мостъ. Перебравшись черезъ сей мостъ, поѣхали мы около другой горы къ Сѣверу, черезъ послѣдній Валлисскій проходъ; а черезъ четверть часа пріѣхали опять къ маленькому деревянному мостику и къ Савойской границѣ. Ночь застигала насъ на сей опасной и страшной дорогѣ. Къ счастью нашему миновали мы еще засвѣгло самыя густѣйшія лѣса, которыми горы покрыты; а мѣсяцъ, сіявшій между двухъ высокихъ горъ прямо на насъ, освѣщалъ намъ дорогу, такъ что мы благополучно въ девять часовъ вечера пріѣхали на Савойскую долину, въ село Оссину, будучи весьма утомлены. Черезъ четверть часа по томъ мѣсяцъ скрылся за горы, и сдѣлалось темно;

темно; и такъ намъ надлежало благодарить Небо, что мы уже вышли изъ опасности. Послѣ легкаго ужина спрѣмились мы къ покою. Хозяйка повела насъ по узкому крыльцу въ нашу спальню. Она была деревянная, такъ какъ и весь домъ, и вышиною не болѣе трехъ аршинъ. Въ ней не было ни одного окна; а свѣтъ могъ шуда проходить въ небольшое отверстіе, вышиною фута въ полтора, а шириною въ футъ. Кровать была такъ высока, что лежа на ней могъ я свободно доставать рукою до пола. Постели и самыя подушки были набиты не перьями, а соломой, которой можеть быть цѣлой годъ не перемѣняли.

Таково-то было мѣсто, гдѣ надлежало намъ успокоиться отъ трудовъ прошедшаго дня. При свѣтѣ небольшой лампы взглянулъ я съ сожалѣніемъ на моего пріятеля, которой съ неудовольствіемъ качалъ головою; но что оставалось дѣлать? Мы бросились на сію мягкую постелю, и старались заснуть, — но тщетно.

Намъ хотѣлось выѣхать въ три часа поутру; но сильной дождь остановилъ насъ, такъ что мы не прежде шести

сти

сти часовъ могли оставить оное пріятное жилище. Мы проѣхали прочую часть долины, которая идетъ отъ Югозапада къ Сѣверовостоку, и длиною будетъ въ полмили, а шириною около четверти. На сей долину лежатъ семь или восемь небольшихъ деревень; земля тамъ весьма плодородна, много луговъ, и ручей течетъ во всю длину сей долины.

По томъ поѣхали мы къ Сѣверозападу черезъ гору, и въ восемь часовъ пріѣхали на большую долину, которая простирается отъ Юга и Сѣвера, и на которой находится три прихода. Тутъ достигли мы до цѣли своихъ желаній, до славныхъ ледяныхъ горъ. Мы остановились въ первомъ приходѣ, которой называется Аржантеръ. Желая поговорить съ какимъ нибудь разумнымъ человекомъ, которой могъ бы намъ нѣсколько объяснить сіи чудеса Натуры, пошли мы къ католическому священнику, котораго нашли ходящаго по монастырю, и читающаго свой Брѣвиаріумъ. Получивъ отъ него отвѣтъ на свои вопросы, хотѣли мы съ нимъ проститься и идти на ледяныя горы; но онъ принудилъ насъ идти къ нему въ домъ, гдѣ предложилъ намъ хощи простой, однакожь
весь-

весьма вкусной завтракъ. Во время обѣда пришелъ священникъ той деревни, гдѣ мы ночевали, которой, услышавъ о прибытіи двухъ чужестранцевъ, захошѣлъ съ ними видѣться. Онъ сѣлъ съ нами за столъ; а по томъ пошли мы къ ледяной горѣ, и опшедши къ Возпоку около четверти мили, пришли ко льду. Я думалъ, что на льду будетъ весьма холодно; но какъ же я удивился, нашедши тамъ воздухъ такой же теплой, какъ въ долине! Священники наши увѣряли, что если бы солнце сіяло сильнѣе, то отъ великаго жара не могли бы мы шутъ долго пребыть.

На нижней части ледяной горы нашли мы множество песку, и даже множество камней въ нѣсколько центнеровъ. Я думалъ, что они свалились съ ближнихъ горъ; но мнѣ сказали, что ледяная масса въ нѣкоторыя времена — какъ лѣтомъ, такъ и зимою — бродитъ и выбрасываетъ сіи камни и песокъ; а иногда разступается она съ ужаснымъ шумомъ, что показывающъ большія опверзстія, которыя мы въ сей массѣ видѣли, и которыя были наполнены небольшимъ количествомъ воды. Мы шли вверхъ по горѣ около четверти мили;

но

но какъ далѣе совсѣмъ почти не было песку, и въ разсужденіи разсѣливъ опасно было сходить опять внизъ, то мы пошли назадъ въ деревню. Намъ бы надлежало часа три лѣзть вверху, чтобы взойти на самую вершину горы. Наши добродушные священники опсовѣтовали намъ сіе сдѣлать, говоря, что мы тамъ не нашли бы ничего, кромѣ большой ледяной долины, простирающейся отъ Юга къ Сѣверу, отъ которой въ разныхъ мѣстахъ идущъ внизъ ледяныя горы, между горами и скалами, до самыхъ нижнихъ плодоносныхъ долинъ. Въ той долині, гдѣ мы были, находится четыре ледяныя горы, а пятая идетъ въ шу, чрезъ которую мы на канунъ того дня проѣхали. Сія верхняя ледяная долина окружена еще высочайшими горами и утесами, на которыхъ лежитъ вѣчной снѣгъ. А потѣ снѣгъ, которой зимою падаетъ на ледяныя горы, лѣтомъ таетъ и ручьемъ стекаетъ въ плодоносную долину.

Ледяныя горы ни лѣтомъ, ни зимою не увеличиваются и не уменьшаются; но говорятъ, что онѣ черезъ два года постепенно становятся болѣе, и столько же времени постепенно уменьшаются.

ются. Часто находящѣ во льду наилучшіе хрустали, и когда солнце на нихъ свѣтитѣ, то весь ледѣ отѣ нихъ прекрасно блистаетѣ. Часто большія ледяныя кучи свѣшиваются въ нижнія долины, и бывающѣ подобны остроконечнымѣ башнямѣ; ихѣ называютѣ ледниками (Gletscher, glacières). Вѣтрѣ, дующій со стороны ледяной долины, бываетѣ конечно нѣсколько холоднѣ, однакожь не такѣ, какѣ бы думать надлежало. Ледяныя горы не суть покрытыя льдомѣ горы или скалы, но состоящѣ изѣ одного льду.

[Окончаніе сообщено будетѣ въ слѣдующемѣ листѣ.]

---

*Окончаніе Описанія Путешествія Одного
Ученаго.*

Удовлетворивъ своему любопытству, кошѣли мы взявъ проводника и лошаковъ, оспававшихся въ постояломъ домѣ, и попомъ ѣхавъ обратно; но благодѣтельной нашѣ священникъ никакъ не кошѣлъ насъ оппустить прежде обѣда. И такъ мы исполнили усиленную прозбу его, и еще нѣсколько часовъ наслаждались разумною бесѣдою сего добраго человека. По томъ принесли ему благодарность за всѣ его ласки, и поѣхали назадъ въ Маршини, куда и пріѣхали благополучно, только въ великой усталости; а на другой день опправились на своихъ лошадяхъ черезъ Бексъ и Вевай въ Лозанну, куда возвратились втораго Августа.

Та часть Валлиской земли, копорую мы проѣзжали, весьма плодородна. Она состоишъ изъ ровной долины, копорая шириною будешъ въ полмили, и сходишъ угломъ. Главной городъ, Сіонъ, лежишъ къ Сѣверовостоку на правой сторонѣ; городокъ Св. Мавриція, копорой имѣетъ титулъ Маргграфства, и

Часть XVII. Но. 11. К при

принадлежитъ дому Шабо, находящся на лѣвой кѣ Сѣверозападу; а мѣстечко Мартиныи лежитъ вѣ самомъ углу кѣ Югу. Рона течетъ черезъ сію большую долину отъ Сіона кѣ Св. Маврицію; а Дромза течетъ только со стороны Мартиныи, гдѣ она, вѣ полмили отъ сего городка, впадаетъ вѣ Рону. Сія земля съ обѣихъ сторонъ окружена превеликими скалами, и весьма рѣдко увидишь тамъ плодоносныя деревья; только кѣ Югу и Западу находятся прекрасныя виноградныя сады, поля и луга на горахъ.

БЛАГОДѢТЕЛЬНОСТЬ,

Персидская Повесть (*);

Въ Таврисѣ разпространилась заразная болѣзнь; а между прочими занемогъ ею и Гуссейнъ, и такъ сильно, что сомнѣвались въ его выздоровленіи. Онъ послалъ нарочнаго за мудрецомъ, жившимъ уединенно въ горахъ, и бывшимъ нѣкогда лучшимъ другомъ его. Онъ прибылъ. Гуссейнъ заклиналъ мудреца спасти сына его отъ опасности, съ которою сопряжена жизнь въ стѣнахъ зараженнаго города, и сообщить ему такое наставленіе, которое могло бы впредь устроить его щастіе. Многіе опыты увѣрили его, что большая часть человѣческихъ злополучій происходитъ отъ порочныхъ навыковъ. Онъ показалъ Ибару — такъ назывался мудрецъ — тайное мѣсто, гдѣ хранились сокровища его. Но я не почишаю ихъ главнымъ источникомъ щастія сына моего, говорилъ онъ: мрачная минута, въ которую

К 2

чело-

(*) Переведена изъ Англійскаго Журнала
The Town and Country Magazine.

человѣкъ переходитъ отъ времени въ вѣчность, занимаетъ всѣ мысли его, и одна добродѣтель остается для него сокровищемъ.

Съ радостію взялъ на себя Ибаръ воспитаніе сына стариннаго своего друга. Онъ увѣренъ былъ въ скорой смерти его, видя, что всѣ его прежнія мнѣнія вдругъ перемѣнились, и что онъ презираетъ богатство житейское, которое прежде было ему столь любезно.

Такимъ образомъ въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ вышелъ Абн-Гуссейнъ изъ главнаго города Персидской Провинціи Абербіяна, и, будучи провождаемъ пустыннымъ, пошелъ на вершину горы, гдѣ находилось мирное жилище его.

Персія была наполнена прилѣжными кабинетными Учеными, писавшими множество Теорій воспитанія, которыя было пріятно читать, а не исполнять. Ибаровъ планъ былъ самой простой и немудреной. *Дѣлай добро, и будешь счастливъ* — вотъ правило, которое онъ часто повторялъ и старался вкоренить въ своего питомца.

Ибарово и Абн-Гуссеиново упражненіе состояло въ томъ, чтобы обработывать поле и садъ, рвать стебли сишника, и плести изъ нихъ разныя корзинки. Они ходили въ города и деревни, продавать свои плоды и корзинки. По томъ искали бѣдныхъ людей, и раздавали имъ часть полученныхъ денегъ. Ибаръ называлъ сіе щастливымъ благодѣяніемъ. Абн-Гуссеинъ, живо чувствуя сей родъ щастія, всякой день хотѣлъ работать какъ можно долѣе, чтобы болѣе продать и облегчить нужду большаго числа бѣдныхъ.

Когда Ибаръ столько ушвердилъ характеръ своего питомца, что главныя краски онаго не могли уже скоро стерѣться, то однажды сказалъ ему:

Сынъ мой! естли Провидѣніе когда нибудь наградитъ тебя уже не такимъ малымъ имущесвомъ, какое нынѣ пріобрѣтаемъ мы своимъ искусствомъ и соединенною работою; естли Оно доставитъ тебѣ въ руки большія сокровища: то какимъ образомъ употребишь ихъ въ угодность вышнему Существу?

„Я буду помогать и служить братьямъ моимъ,“

А что ты сдѣлаешь для самого себя?

„Чего мнѣ желать, кромѣ здравія и сладчайшаго удовольствія сказать бѣдному: возьми, будь прилѣженъ, работай руками своими, будь доволенъ и мудръ подобно Ибару?„

Хорошо, любезной сынъ. Завтра, какъ скоро богъ свѣта разпространитъ свои блистательные пурпуровые цвѣты по воздушнымъ полямъ, доставлю тебѣ средства умножить тѣ чистыя радости, къ которымъ стремится душа твоя. Благо бѣднымъ, слабымъ, безпомощнымъ и утѣсненнымъ, которые съ тобою на пути встрѣтятся! Ты можешь сказать имъ: не страшитесь ничего, братья мои! осушите свои слезы: Абн-Гуссейнъ съ вами — очи его ищутъ бѣдныхъ — онъ подаетъ руку падающему, и утѣшаетъ страдающаго.

Уже священныя пѣсни воздушныхъ обитателей неслись во срѣщеніе дневному свѣтилу, и мудрой Ибаръ привелъ своего питомца къ развалинамъ древней могилы. Помощію принесеннаго подѣма при поднѣялъ онъ большой и широкой камень. Абн-Гуссейнъ увидѣлъ тушъ круглое крыль-

крыльцо; оно повело ихъ подъ сводъ, освѣщаемой слабымъ блескомъ свѣта, которой проходилъ черезъ нѣкоторыя отвѣсныя каменной горы, подпираемой симъ сводомъ. Ибаръ открылъ нѣсколько ящиковъ, наполненныхъ золотомъ и драгоценными каменьями, и ошдалъ ихъ своему питомцу, которой, увидѣвъ лежащія въ нихъ сокровища, съ жаромъ воскликнулъ: Мерзостная причина всего несчастія на землѣ нашей! самовластной тиранъ слабыхъ смертныхъ! ужаснись, свирѣпой Ариманъ (*). Куда я проникнуть могу, вездѣ буду уничтожать злонія намѣренія помощниковъ твоихъ, и братья мои прешанутъ проливать слезы.

Ибаръ, сердечно радуясь благородной ревности любезнаго юноши, поздравлялъ себя съ благополучнымъ окончаніемъ его возпишанія. Онъ привелъ Абн-Гуссеина въ Таврисъ, прижалъ его къ своему сердцу, и сказалъ ему: *прости!* хоща юноша усиленно просилъ его не разставаться съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ поль-

---

(*) Персіане называютъ симъ именемъ Причину зла.

зоваться сокровищами. Добродушной старецъ былъ пронупъ его нѣжностію, но твердымъ голосомъ повторилъ: *прости!*

И такъ Абн-Гуссеинъ возвратился въ мѣсто своего рожденія, и началъ жить въ изобиліи. Уже шѣснились къ столу его многіе люди, почиравшіе за великое блаженство услажденіе вкуса; а сіи люди были по большей части болтливые обѣдальщики или стихомарашели. Уже бѣдные со всѣхъ сторонъ окружали домъ его, и всякой день наслаждался онъ удовольствіемъ выводить людей изъ нужды. — Скоро особое обстоятельство, пріятное сердцу его, присоединилось къ сему удовольствію.

Нечаянно — такъ думалъ Абн-Гуссеинъ — узналъ онъ молодую Венеціанку, которая, по словамъ ея, была своимъ отцемъ оставлена въ сей землѣ. Она столько знала Персидской языкъ, что безъ нужды могла имъ изъясняться. Видъ сей женщины, украшаемой въ глазахъ Абн-Гуссеина ея несчастіемъ, ему весьма полюбился. Хотя онъ, по избытку богатства и великодушія своего, совершенно во всемъ помогъ ей, однакожь никакъ

не смѣлъ говорить съ нею о тѣхъ чув-
ствахъ, которыя она произвела въ немъ,
чтобъ не подасть ей повода думать, буд-
то онъ требуетъ запламы за свои благо-
дѣянія. Она сказала ему, что братъ ея
Клавдіо страдаетъ въ неволѣ, служа весь-
ма жестокосердому господину. Клавдіо
мгновенно получилъ свободу, и сѣлъ упра-
вилелемъ въ Гуссейновомъ домѣ. Спи-
нешта — такъ называлась Венеціанская
красавица — живя у Гуссейна, часъ
отъ часу казалась ему прелестнѣе. На-
конецъ любовь выгнала изъ сердца его
нѣжной страхъ вмѣшатель въ свое благо-
дѣяніе порочное вожденіе. Онъ осмѣ-
лился, началъ говорить, воздыхать, —
и Спинешта обѣщала слушать его благо-
склонно; но черезъ нѣсколько дней по-
томъ Клавдіо и мнимая сестра его скры-
лись. Отходящій Караванъ облегчилъ
ихъ побѣгъ и мерзостную неблагодар-
ность; — они унесли у благодѣтеля
своего все то, что взять могли. Абн-
Гуссейнъ долго не могъ опомниться отъ
великаго изумленія, въ которое привелъ
его такой гнусной поступокъ. Тогда
узналъ онъ отъ одного земляка бѣгле-
цовъ, что Клавдіо совсѣмъ не братъ

Спинештѣ, и что она также была невольница, а получила свободу черезъ лукавство, умѣвъ ослабить продавца невольниковъ, которой привезъ ее въ Таврисъ. Абн-Гуссеинъ былъ оскорбленъ, приспѣженъ, пораженъ горестію, и старался разтерзанное сердце свое изцѣлить разными благодѣяніями.

Узнавъ, что купецъ, сосѣдъ его, былъ въ крайней нуждѣ, и что все его имущество будущъ продавать съ великимъ для него убыткомъ, онъ потчасъ пошелъ къ нему, и въ тотъ же день привелъ его въ состояніе удовольствоваться тѣхъ заимодавцевъ, которые наиболѣе старались погубить его.

Абн-Гуссеинъ, котораго Ибаръ выучилъ наилучшимъ образомъ удобривать землю и размножать плоды, захотѣлъ разпространить садъ свой, чшобы симъ упражненіемъ разсѣять свои мысли о Спинештѣ. Подлѣ стѣны дома его была порожняя земля, которую хотѣлось ему купить и обработать. Сіе поле принадлежало тому купцу, которому онъ передъ тѣмъ оказалъ важную услугу. Онъ
при-

пришелъ къ нему, и дружески просилъ его уступить ему свою землю; но не смотря на то, что онъ давалъ ему двойную цѣну, купецъ находилъ разные пустыя причины не исполнить его желанія, и наконецъ Абн-Гуссейнъ долженъ былъ за сію землю уступить ему всю сумму, которую далъ ему въ заемъ, хотя земля во сто разъ меньше того стоила.

Въ самое то время спали пѣшь въ городѣ сапирическія пѣсни на Абн-Гуссейна, и увѣряли, что онъ были сочинены его застольными стихотворцами. Зависть, возбуждаемая великимъ его богатствомъ, поступила еще наглѣе сего. Вдругъ начали говорить, что онъ обогащалъ отъ запрещеннаго торго. Сему ложному слуху столь охотно всѣ вѣрили, что черезъ нѣсколько дней взяли его подъ стражу и пошацили къ Кади, гдѣ почти всѣ сосѣди и друзья его стояли передъ судейскимъ столомъ, и противъ него свидѣльствовали. Онъ не хотѣлъ ничего говорить, а просилъ Кади сдѣлать въ домъ его строгій осмотръ, оставаясь самъ на сіе время въ судейской

ской комнатѣ. Сіе исполнилось, и подлые доносители были посшыжены.

Не могъ онъ веселиться побѣдою своею надъ клеветою, воображая, что его обругали и какъ преступника тащили къ суду, среди кучи народа, осыпаннаго благодареніями его. Онъ лишился обыкновенной своей веселости, и совсѣмъ почти забылъ исполнять свои добродѣтели. Глубокая меланхолія довела его до того, что онъ для всѣхъ безъ разбора зашворялъ двери свои. Коротко сказать, Абн-Гуссеинъ спалъ несчастливъ, и всего несноснѣе казалось ему жить въ Таврисѣ.

Почувствуя однажды сильное умноженіе своей печали, уѣхалъ онъ изъ Тавриса, и посѣтилъ Ибара.

Безразсудной глупецъ! сказалъ онъ Ибару: извѣстны ли тебѣ сердца людей, которыхъ ты велѣлъ мнѣ любить? Знаешь ли, что они неблагодарныя швари, измѣнники и лицемеры? Для чего вселилъ ты въ меня такія къ нимъ чувства, которыхъ они совсѣмъ недостойны?

„Для

„Для твоего блага.“

Для моего блага? А я несчастнѣе всѣхъ сыновъ Аліевыхъ?

„Скажи мнѣ прежде, сынъ мой, что тебѣ приключилось?“

Аби-Гуссейнъ разсказалъ ему, какъ поступили съ нимъ спихомаратели, купецъ, Клавдіо и Спинешша, и какъ обругалъ его Кади.

Юноша! сказалъ Ибаръ: дѣлалъ ли я оцѣнку добродѣтели? Говорилъ ли я, что ты за благодѣянія свои можешь получить достойное награжденіе? Для чего хотѣлъ ты торговать добрыми дѣлами? — Спупай, возвратись въ Таврисъ, и дѣлай добро неблагодарнымъ. Единственное награжденіе добродѣтели есть сама добродѣтель; въпрочемъ ничто на землѣ не можешь наградить ее. Спупай, разсматривай людей для собственнаго своего удовольствія, и не ожидай ничего, а особливо отъ похвалы споловыхъ друзей и риемоспешателей, отъ женскихъ слезъ и мнѣній народныхъ.

Абн-Гуссейнъ возвратился въ Таврисъ, сталъ лучше разбирать людей, продолжалъ дѣлать добро, и наконецъ, живъ долго въ щасливомъ состояніи, перешелъ въ нѣдра Того Существа, Котораго благодѣтельность была предметомъ его подражанія.

ВОЗТОЧНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ (*).

Кто спокоенъ въ сердцѣ, тотъ обла-
даетъ всѣми сокровищами. У кого
ноги въ башмакахъ, тому кажется, что
вся земля покрыта кожею.

Все читалъ, все слышалъ и все сдѣ-
лалъ тотъ, кто бросилъ всю надежду,
и не зависить отъ ожиданій.

Ядовитое дерево, мѣръ, произво-
дитъ два плода, которые такъ сладки,
какъ вода жизненная: Поэзію, вкусомъ
подобную соку безсмертныхъ, и сообще-
ство правдивыхъ людей.

Богатство подобно праху на но-
гахъ — юность подобна быстрой
ручью, текущему съ холма — муже-
ской возрастъ подобенъ водяной каплѣ,
блестящей и скоро исчезающей — чело-
вѣческая жизнь подобна пѣнѣ.

Горестъ и удовольствіе вертятся
какъ колесо — когда на верьху удоволь-
ствіе, берегись; когда горестъ на верьху,
также берегись.

Когда

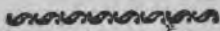
(*) Переведены изъ Англійскаго Журнала
The Universal Magazine.

Когда слонъ съ ношею увязнетъ въ грязь, тогда другой слонъ беретъ на себя ношу его: такъ добрые люди должны помогать другъ другу.

Красота черной Индійской птицы состоитъ въ ея голосѣ, красота жены состоитъ въ вѣрности къ своему мужу — красота несчастнаго есть наука, красота кающагося есть терпѣніе.

На что богатство тому, кто ничего не даетъ, и самъ ничѣмъ не пользуется? На что тому сила, кто не сражается съ непріателемъ? На что тому святой законъ, кто не исполняетъ добродѣтелей? На что тому душа, кто не хочетъ укрощать страстей своихъ?

Когда идетъ дождь, выставляющъ горшокъ; по каплямъ падаетъ дождь, и горшокъ твой полонъ становится: такъ поступай въ разсужденіи знаній, добродѣтели и богатства.

МАЛАБАРСКОЕ ПРАЗДНЕСТВО,

Описанное очевидцемъ (*).

Любопытство побудило меня въ 1775 году быть на праздникъ, которой ежегодно торжествуется на горѣ, называемой *Терунамалли*, или *Святою горою*, въ семидесяти миляхъ отъ крѣпости Св. Давида. Празднество начинается въ Ноябрь, въ день полнолунія, и стеченіе народа бываетъ почти невѣроятное. Прежде всего обходящъ въ процессіи гору черезъ нѣкоторую алею, которая по видимому на то и сдѣлана, и въ которой на равномъ разстояніи находится двадцать чешыре храма; а передъ всякимъ храмомъ сдѣланъ бассейнъ, наполненный чистою водою. По обѣимъ сторонамъ хода стояли Пандараны, въ разныхъ положеніяхъ и платьяхъ, которые держали

Часть XVII. No. 12. Л вѣ

(*) Взято изъ Англійскаго Журнала *The New London Magazine*.

въ рукахъ мѣдные тазы, и безпрестанно кричали мимоидущимъ: подайте милостыню, и пріимите небо! Другіе сидѣли передъ храмами боговъ, проповѣдывали дѣла и славу ихъ, и возбуждали народъ къ благоговѣнію. Прославляя такимъ образомъ величество своихъ идоловъ, и стараясь пипашъ въ народныхъ сердцахъ чувства набожности, они безпрестанно смотрѣли на тазы, которые мало помалу наполнялись мѣдными полушками, шамошнею монетою. Нѣкоторые увязывали длинные свои волосы вокругъ ногъ. Другіе лежали среди дороги на одрахъ, подобно трупамъ, и были засыпаны землею, какъ будто бы готовились на сожженіе; ротъ у нихъ былъ раззинутъ, и всякому подходящему къ нимъ кричали они о милостынѣ. Нѣкоторые были совсѣмъ покрыты землею, такъ что я не понималъ, какъ они дышать могли; но чтобы зрители не почли ихъ кучами песку, то поднимали они вверхъ руки и ноги свои. Многіе лежали на остромъ терновникѣ какъ на постелѣ; другіе плясали вокругъ тазовъ, держа подъ лѣвою мышкою связанные зажженные факелы. такъ что пламя до-
ста-

ставало до лица. Въ другой рукѣ держали они сосудѣ съ масломъ, копорымъ питали огонь, и дѣлали сіе столь изкусно, что огонь не причинялъ имъ никакого вреда. Иные висѣли на веревкахъ между деревьями; а подѣ ними горѣлъ огонь. Другіе стояли на головѣ, и совѣмъ не прогались. На одной изъ небольшихъ Пагодъ висѣло около двѣнадцати колыбелей, наполненныхъ людьми, что составляло чудное зрѣлище.

Народъ, обходя вокругъ холма, покланялся передъ каждою Пагодою, и кропился водою изъ чановъ. Часто всѣ вдругъ покланялись и передъ вершиною горы, копорая, по народному мнѣнію, имѣетъ пять лицъ, означающихъ пять чувствъ или силъ горнаго божества. Особливое почтеніе оказывали они одному памятнику, стоящему подлѣ холма въ образѣ каменной статуи, копорая по ихъ называется *Наделью*, и на копорой богиня *Унаманія* усмиряла гнѣвъ своего супруга, Арунасалы Испурена.

Одинъ странной человекъ обратился на себя все мое вниманіе: руки его бы-

ли выпянуты зверьхъ, пальцы надъ головою крѣпко сложены, составы не имѣли уже никакой гибкости, мускулы ошвердѣли какъ кости, а ногти на пальцахъ проросли черезъ ладони, никогда не разжимавшіяся, такъ что они уподоблялись когтямъ хищнаго звѣря, и по своей кривизнѣ совсѣмъ не казались ногтями живаго человѣка.

Онъ пріѣхалъ изъ земли Марашовъ; отъ роду было ему сорокъ лѣтъ, изъ кошорыхъ дваццать провелъ онъ въ описанномъ положеніи. Онъ не говорилъ тамошнимъ языкомъ. Пандараны переводили мнѣ слова его. Онъ сказалъ, что руки его во время молитвы сами собою поднимались вверхъ, и сложились въ семъ положеніи, въ которомъ онъ, слѣдуя мановенію Вышняго, навсегда ихъ оставилъ. Обыкновенно ѣздилъ онъ на лошади; одинъ изъ его свиты велъ лошадь, а Пандараны пеклись о потребностяхъ его. Куда онъ ни пріѣзжалъ, жители вездѣ осыпали его богатыми дарами. Столь сильно дѣйствіе суевѣрія!

Вечеру въ большой Пагодѣ на Терунамалли данъ былъ сигналъ пушечнымъ

вы-

выстрѣломъ, и вдругъ запылала славная лампада на вершинѣ холма. Какъ скоро народъ увидѣлъ сію лампаду и многія другія, зажженные пустынниками въ пещерахъ, въ самую ту минушу всѣ подняли вверхъ руки свои, и единогласно возкликнули къ Арунасалъ, покланяемому богу. Поднятыя руки такого множества людей въ минушу возпыланія лампы, приведшей ихъ въ возхищеніе, со-спавляли великолѣпное зрѣлище.

Душа, окруженная торжественными предметами, охотно принимаетъ всѣ ихъ впечатлѣнія, отвергаетъ всякую низкую мысль, предается сладостному чарованію тихой меланхоліи, и наслаждается гармоническими чувствами, чувствами любви и кротости. Сіе случилось и со мною — столь сильно пронуша была душа моя, когда явилась лампада, какъ будто бы сверхъестественнымъ огнемъ возпаленная, и освѣтила лучами своими народъ, не отвращавшій глазъ своихъ отъ священнаго пламени! Всеобщія шлодвиженія и крикъ показывали сильное движеніе сердца, наполненнаго чувствами религіи и благоче-

Л 3

стія,

стія, великодушія и благодарности. Но не могъ я долго пребыть въ семъ пріятномъ состояніи; самыя тѣ существа, которыя были причиною онаго, опять лишили меня сей радости. Съ механическимъ равнодушіемъ оставили они видъ благоговѣнія, и слова возвратились къ тѣмъ ребяческимъ забавамъ, которыя составляютъ большую часть ихъ празднества, и которыми занимаются они съ такою же ревностію, съ какою дѣти играютъ новою куклою. Едва ли кто нибудь изъ нихъ обращалъ глаза на тотъ предметъ, которой за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ приводилъ ихъ въ жарчайшій возторгъ.

Упомянутая лампада горитъ трицать шесть часовъ. Люди, зажигающіе и питающіе огонь ея, бывающъ обыкновенно изъ рыбаковъ, и только изъ тѣхъ, которые могутъ ловить рыбу въ рѣкахъ и каналахъ, называемыхъ *Сембаравами*; ибо Малабарскіе Поэты, творцы ихъ Мифологіи, нишутъ, что богъ Арунасала Испуриръ взялъ себѣ жену изъ сего класса людей. Лампада есть большой желѣзной кошель, въ которой кладутъ семдесятъ ку-

кусковъ полошна, каждой въ трипцать аршинъ длиною; сіе полошно поливають масломъ и саломъ, и зажигаютъ. Прежде, когда народъ былъ еще богатѣе и щедрѣе въ такихъ случаяхъ, дѣлались сіи приготовленія въ большомъ ошверстїи, образованномъ самою Натурою въ камнѣ. Издержки для сей церемонїи бывають нынѣ частїю на счѣтъ церковной казны, а частїю употребляются на то произвольные дары, въ храмы приносимые.

Произхожденіе сего праздника описывается различнымъ образомъ. Одни говорящъ, что Унаманїя, жена Арунасалы Испурина — дочь рыбакова, имѣ похищенная — однажды подкралась къ играющему супругу своему, и завязала ему глаза; что въ ту минуту покрылся мракомъ нижній міръ, и всѣ земные боги пришли къ Арунасалѣ жаловаться на тьму; что онъ, оборотясь къ женѣ своей, бранилъ ее какъ виновницу сего приключенія, и сказалъ, что она не можетъ получить прощенія, естли не пойдѣтъ въ нижній міръ, и тамъ не покается; что она повиновалась его повелѣ-

нію, но выбрала себѣ въ мірѣ такое жилище, въ которомъ ставили сѣти красомѣ ея, и нѣкоторое время ея намѣреніе не могло исполниться; что наконецъ пришла она къ Терунамалли, принесла покаяніе, поставила упомянутую спашую, и загладила свое пресупленіе; что удовольствованной Арунасала явился ей на вершинѣ холма въ пламени, и нижній мірѣ освѣтился. Вотъ краткое начертаніе басни¹, наполненной многими и подробными поэтическими изображеніями.

Вѣ заключеніе сего описанія долженъ я сказать нѣчто о пустынникахъ, живущихъ на холмѣ въ пещерахъ. Жители говорятъ съ великимъ удивленіемъ и почтеніемъ о строгой и чудесной жизни ихъ, утверждая, что они довольствуются единственно тою пищею, которую находятъ подлѣ отверзстія своего жилища. Я видѣлъ многихъ изъ сихъ людей, и посѣщалъ двухъ, которые почитали себя такими святыми существами, что сперва не хотѣли было меня и впустить къ себѣ. Но когда я скинулъ башмаки, то они позволили мнѣ войти въ пещеру, и осмошрѣть все, что я видѣть хотѣлъ.

Сии пустынники любящѣ загадки, и говорящѣ, будто они живутѣ шутѣ съ самаго сотворенія горы, родились въ семьѣхъ, и всѣ предки ихъ жили шутѣ же. Въ пещерахъ ихъ нѣтъ поваренной посуды; но внизу есть большой каменной очагъ, прекрасной каналъ и широкое *Баниановое дерево*, гдѣ находится все нужное и удобное для жизни — все то, чего они не могутъ держать въ пещерахъ своихъ.

Еще забылъ я сказать, что когда загорится лампада, то сильное пламя означаетъ, по мнѣнію народа, хорошую, а слабое худую жашву.

О

Г Е Н Р И Х Ъ В Е Л Б И,

Странномъ человѣкѣ,

Которой

СРЕДИ ЛОНДОНА

Велъ пустынноическую жизнь цѣлые

44 года (*).

Доброй и благодѣтельной Генрихъ Велби родился въ Ликолншайрѣ, и получилъ въ наслѣдство 1000 фунтовъ ежегоднаго дохода. По обыкновенію былъ онъ воспитанъ въ Университетѣ, нѣсколько лѣтъ слушалъ коллегіи Правъ, по томъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, возвратился человѣкомъ просвѣщеннымъ, поселился на своей наслѣдственной землѣ, жилъ весьма гостепріимно, обходился съ тѣми людьми, которыхъ любилъ, и произвелъ на свѣтъ прекрасную и добродѣтельную дочь, вышедшую наконецъ за мужъ съ его согласія, и за
такого

(*) Изъ Англійскаго Журнала The Universal Magazine.

такого человека, которой состояніемъ своимъ былъ ни выше, ни ниже ея. Будучи всѣми почиаемъ и любимъ, дожилъ онъ до 40 лѣтъ. Однажды встрѣтился съ нимъ въ полѣ меньшей братъ его, которой былъ съ нимъ въ нѣкоторомъ дѣлѣ разнаго мнѣнія, выхватилъ пистолетъ, и прицѣлился по немъ; но пистолетъ, къ щастію, осѣкся. Генрихъ подумалъ, что братъ хотѣлъ его пострадать; и по тому весьма хладнокровно отнялъ у него пистолетъ. Положилъ его въ карманъ, и спокойно пошелъ домой. Какъ же онъ изумился, нашедши въ немъ пули! Сіе произвело въ душѣ его такое дѣйствіе, что онъ шутъ же на мѣстѣ рѣшился совершенно удалиться отъ свѣта, и до конца жизни своей пребывалъ твердъ въ семъ странномъ рѣшеніи. Онъ купилъ прекрасной домъ въ Гробстрипѣ, ограничилъ число слугъ своихъ, разположилъ домъ по своимъ мыслямъ, и взялъ себѣ три комнаты; въ одной онъ обѣдалъ, въ другой спалъ, въ третей читалъ и писалъ. Сіи комнаты были рядомъ; и по тому, когда спарая служанка ставила на столъ кушанье, уходилъ онъ въ спальню; а когда она оправляла постелью, онъ сидѣлъ въ

въ своемъ кабинетѣ. Во всѣ 44 года не выходилъ онъ изъ сихъ трехъ комнатъ, до того часа, въ которой вынесли его ошпуду на плечахъ человѣческихъ, и во все сіе время никто не видалъ его: ни зять, ни дочь, — ни братъ, ни сестра — ни дядя, ни племянникъ — ни молодой, ни старой — ни богатой, ни бѣдной — кромѣ старой дѣвки, Елисаветы. Она подавала ему свѣчи, управляла постелью, готовила кушанье и прибирала комнаты. Впрочемъ и она рѣдко его видала, и то при чрезвычайныхъ случаяхъ. Сія вѣрная служанка умерла за шесть дней до его смерти. Во все время тихой жизни своей не ѣлъ онъ ни мяса, ни рыбы. Овсяная каша была обыкновеннымъ его кушаньемъ. Иногда лѣтомъ Елисавета дѣлала ему салатъ изъ разныхъ прохладительныхъ травъ. А когда ему хотѣлось полакомиться, то ѣдалъ онъ яичной желтокъ, а бѣлокъ всегда оставлялъ. Изъ хлѣба выѣдалъ одинъ мякишъ, а до корки никогда не допрогивался. Пилъ одно пиво; а вина и водки въ ротъ не бралъ. По временамъ лакомился конфетами; пивалъ и молоко, но только парное, за которымъ Елисавета всегда въ деревню жи-

хаживала. Домашнимъ своимъ давалъ онъ доброй столъ, и весьма изобильной тогда, когда прихаживалъ къ нему въ домъ поспоронній человѣкъ и оставался тушъ обѣдать. Онъ доставалъ всѣ печатныя книги; но естели онъ касались до спорной матеріи, то онъ откладывалъ ихъ на сторону.

Въ Рождество, въ Свѣшное Возкресенье и въ другіе праздники заказывалъ онъ большой обѣдъ, въ которомъ бывали всякія лучшія кушанья. Служанка накрывала въ его комнашъ столъ, ставила на него всѣ блюда и множество бутылокъ вина. Прочитавъ молитву, бралъ онъ чистую салфетку, надѣвалъ длинные бѣлые рукава, разрѣзывалъ мясо, и посылалъ одно блюдо за другимъ къ бѣднымъ, жившимъ вокругъ его дома: одному говядину, другому гуся, третьему каплуна, и проч. И такимъ образомъ столъ его становился пустъ. Тогда, прочитавъ благодарственную молитву, складывалъ онъ салфетку и рукава; а Елисавета снимала со стола скатерть. Въ сіи дни ужинъ бывалъ у него такой же богатой; но самъ онъ ни за что не принимался — ни за обѣдомъ, ни за ужиномъ — а все такимъ образомъ разсылалъ. Не всегда помогалъ онъ

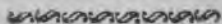
онѢ уличнымѢ нищимѢ, которые безсмыдно приходили къ нему въ домѢ. Но когда изѢ уединенной своей комнашѢ, которая была окнами на улицу, видѢлъ онѢ какого нибудь хромаго, слабаго, больнаго: то всегда высылалѢ ему деньги на лѣкарство или на пищу, — и не копѣйку, а столько, что бѣдной могѢ прожить нѣсколько дней. СверхѢ того освѣдомлялся онѢ, кто изѢ сосѣдей его прилѣженѢ въ своемѢ званіи, кто обремененѢ дѣтьми, и можно ли имѢ трудами и прилѣжностію своею прокормить свое семейство; а есмѢли нѣтъ, то посылалѢ имѢ щедрые подарки, смотря по ихѢ нуждамѢ. ОнѢ умерѢ 29 Октября, 1636, въ ГробстрипскомѢ домѢ своемѢ, будучи осьмидесяти осмилѣтъ, изѢ которыхѢ послѣдніе сорокъ четьре года прозелѢ въ произвольномѢ уединеніи. ОнѢ такѢ обросѢ волосами и бородою, что при смерти своей походилѢ болѣе на лѣснаго пустынника, нежели на жителя одного изѢ первыхѢ городовѢ въ свѣтѢ.

Т Л Ъ Н Н О С Т Ъ (*)

Скоро, скоро летишь время! Шумяшь его быстрых крылья, никогда и ничьимъ незадерживаемыя. Предъ сѣдымъ челомъ его блѣднѣешь величество солнца. Оно низвергаетъ на землю огромныя чертоги Владѣтелей міра и гордые олтари; пирамиды и храмы предъ нимъ въ прахъ разпадаются. За нимъ медленно шествуетъ согнувшаяся старость; позади ея, въ грозной рукѣ смерти, страшно блистаетъ острая коса, и, подобно косимой травѣ, падаютъ роды и покрываютъ печальныя поля безчисленными трупамъ. — — Тщесно бѣжишь ты отъ кровавыхъ мечей разбойниковъ и отъ губительной стрѣлы убійцы — отъ свирѣпыхъ воиновъ, покрытыхъ блистательнымъ оружіемъ — отъ ревущихъ бурь, отъ опасностей моря, отъ кораблекрушенія и медленно умерщвляющаго глада! Рано или поздно, въ покойной комнатѣ или на кровавомъ полѣ брани, поразишь себя смертью стрѣ.

стрѣлою своею. Мановеніе рока окри-
ляетъ ее — стальной лукъ напря-
гается — и се лешитъ она, лешитъ и
убиваетъ! Не защититъ тебя цвѣтущая
юность — не сохранитъ роза, сіяющая
на нѣжныхъ твоихъ ланитахъ. Не пры-
гай рѣзво по цвѣтамъ благоуханнымъ!
се увядають они подъ стопами твоими,
и въ жилахъ твоихъ печетъ уже, мо-
жетъ быть, ядъ пожирающей болѣзни.
Невидимо носится всюду Ангелъ смерти,
скоро вступаетъ въ низкую хижину бѣд-
наго, быстро мчится въ чертоги цар-
скіе и преклоняетъ гордую выю ши-
рановъ; внезапнымъ приходомъ пугаетъ
мудраго, и часто ужасаетъ веселый на-
родъ въ шумъ неосторожныхъ радостей,
подобно полунощному грому. Бодрствуй
и ожидай удара его — не устрашишь
его внезапнаго прихода, и закройся щитомъ
невинности. Тогда не приведетъ
тебя въ трепетъ ревущій шумъ под-
земныхъ жилищъ и паденіе горъ.

НЕРВНОЙ СИСТЕМѢ (*).

Та часть человѣческаго тѣла, кошорая называется *нервною системою*, наиболѣе состоишѣ изѣ великой мягкой массы, называемой мозгомѣ, кошорая наполняешѣ пустошу черепа, и, по соразмѣрности тѣла, занимаетѣ у чело-вѣка болѣе мѣста, нежели у какого ни-будь другаго звѣря.

Мозгѣ кажется самѣ по себѣ самую грубою и неизкусственною матеріею, такѣ что во всемѣ тѣлѣ чело-вѣческомѣ нѣшѣ такого органа, кошорой бы, по видимому, былѣ менѣе способенѣ ко свя-зи съ мысленною силою. Но хотя намѣ и не лзя вообразить, какѣ можешѣ быть сія связь, или какимѣ образомѣ нервы суть органы чувствованія и движенія; однакожѣ мы совершенно увѣрены, что онѣ суть и то и другое. Не бесполезно узнать, для чего мы сіе мнѣіе имѣ-

Часть XVII. No. 13. М емѣ

(*) Взято изѣ Англійскаго Журнала The Universal Magazine.

амѢ и утверждаемѢ; а практическому лѣ-
карю необходимо должно разумѢшь сіе.
МозгѢ есть столица мысли — сіе за-
ключаемѢ мы изѢ слѣдующихѢ причинѢ:

1. Всякой чувствуешѢ, что онѢ вѢ
головѢ нѣчто воображаетѢ, помнишѢ,
разсуждаетѢ и всѢ душевныя силы свои
приводитѢ вѢ дѣйствіе; а пустаго сей
головы вся наполнена мозгомѢ.

2. Подобно какѢ сильное дѣйствіе
рукѢ и ногѢ производитѢ боль вѢ сихѢ
частяхѢ тѣла, такѢ и сильное размыш-
леніе причиняетѢ головную боль.

3. Нервы, принадлежащія кѢ на-
шимѢ четыремѢ чувствамѢ — кѢ обо-
нянію, вкусу, зрѣнію и слуху — идутѢ
непосредственно изѢ мозга. А хотя
другія выходятѢ и изѢ спинного мозга,
однакожь сей мозгѢ имѣетѢ почтѣйшую
связь съ головнымѢ.

4. Что повреждаетѢ нервы какого
нибудь органа, то останавливаетѢ и
дѣйствіе его. ТакимѢ образомѢ отѢ за-
соренія зрительныхѢ нервѢ происходитѢ
совершенная слѣпота, хотя наружныя
части глазѢ и совершенно цѣлы.

Видя,

Видя, что поврежденіе нервѣ, идущихъ изъ головного или спиннаго мозга въ какую нибудь часть тѣла, повреждаетъ чувство и силы сей части, выводимъ мы изъ того натуральное слѣдствіе, что отъ поврежденія мозговой сущности должны повредиться и всѣ дѣйствія онаго. Сіе въ самомъ дѣлѣ такъ бываетъ, и дѣятельность мозга теряется по мѣрѣ поврежденія онаго.

Рана, или болѣзнь, существенно повреждающая организацію мозга, изнѣчаетъ мысленную и чувствительную силу, и человекъ умираетъ. Что мозгъ давитъ или тѣснитъ, то разрушаетъ мысленную силу.

Ударъ, которымъ самой остроумной человекъ бываетъ пораженъ въ голову, дѣлаетъ его глупымъ на всю жизнь.

Натуральная глупость происходитъ обыкновенно отъ худой формы черепа, или отъ ослабленія мозговой сущности; а мозгъ бѣшеныхъ бываетъ всегда чрезмерно тугъ или тяжелъ.

Тихое давленіе мозга уменьшаетъ, а сильное разрушаетъ чувствительную силу всего тѣла.

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ жилъ въ Парижѣ нищій, которой отъ нѣкотораго несчастнаго случая лишился части своего черепа, хотя мозгъ и цѣлъ остался. Когда у него зажила рана, носилъ онъ на отверзстіи черепа жестяной кружокъ, чтобы мозгъ его не повредился отъ какого нибудь случайнаго прикосновенія. Сей бѣдной человѣкъ за малую монету снималъ закрывку, и давалъ себѣ потихоньку давить мозгъ, черезъ положенной на него плашокъ, или иную легкую матерію. Тогда темнилось у него въ глазахъ, и онъ отъ слабости падалъ. Когда жали мозгъ посильнѣе, тогда онъ лишался всѣхъ чувствъ, тяжело дышалъ, и былъ подобенъ такому человѣку, котораго параличъ ударилъ. Какъ скоро переставали давить мозгъ, онъ опять мало помалу ошдыхалъ. А какъ сіи опыты не имѣли для него никакихъ худыхъ слѣдствій, то онъ позволялъ ихъ часто повторять, и они производили всегда одинакое дѣйствіе.

ГЕСНЕРОВА (*)

С М Е Р Т Ь.

Филонъ. Возвратись, любезная Лида! возвратись, брось свои цвѣтныя ленты, разпусти волосы и сплети вѣнокъ кипарисной. Нѣтъ уже пѣвца Кантоновъ нашихъ! . . . Поди, плачь съ своими подругами; и когда луна взойдетъ за сосновымъ лѣсомъ, приходи съ ними на лугъ, подлѣ него лежащій.

Такъ говорилъ Филонъ Лидѣ. Прекрасная пастушка онѣмѣла; слезы оросили голубые глаза ея и покатались по блѣдному ея лицу. Не сказавъ пастуху ни слова, она возвращается и сообщаетъ своимъ подругамъ сіе печальное извѣстіе.

Всѣ вдругъ погружаются въ горесть. Уже не раздаются по рощамъ голоса юныхъ пастушекъ; нѣжная свирѣль молчитъ, и по временамъ слышно одно бле-

М 3

яніе

(*) За неимѣніемъ Нѣмецкаго подлинника, сія прекрасная Идиллія переведена съ Французскаго Меерова перевода изъ *Mercure de France*.

яніе заблудившагося агнца. Сидя на берегу рѣки, раздѣляющей лѣсъ на двѣ части, пастушки въ молчаніи плещутъ кипарисные вѣнки.

День былъ тихъ, а по томъ наспала крошчайшая ночь. Луна, привлеченная симъ торжественнымъ молчаніемъ, взошла весьма рано.

Съ Лидою пошли на лугъ пастухи и пастушки, проходя медленно черезъ алей старыхъ дубовъ. Птички молчали и не смѣли летать. Листья пребывали неподвижны, и ручьи текли безъ журчанія. Сей печальной праздникъ былъ свящъ для всѣхъ существъ.

Филонъ. Всѣ ли вы здѣсь?

Всѣ, отвѣтствовали ему.

Филонъ. Подите за мною въ порядкъ. Возьмемъ сіи гладкіе камни и опнесемъ ихъ подъ старые дубы, покрытые мхомъ — тушъ соорудимъ олтарь.

Всѣ пошли за нимъ въ молчаніи; и скоро совершилось сіе простое зданіе.

Филонъ. Положите кипарисные вѣнки на олтарь; и пусть всякой изъ насъ посвятитъ свой вѣнокъ, какъ ему угодно!

Я посвящаю свой вѣнокъ гармоническому Цѣлцу нашихъ Кантоновъ.

А я, сказалъ Клеонъ, приношу свой вѣнокъ другу нѣжныхъ шутокъ.

Мой вѣнокъ, сказала Эглея, принадлежитъ мудрому и чувствительному Геснеру.

Мой человѣколюбивому судѣ — сказала Теида — доброму гражданину, вѣрному другу, нѣжному опцу, наилучшему супругу.

Лида въ свою очередь подошла къ олтарю и сказала: я посвящаю вѣнокъ свой добродѣтельному . . . . Сказала, и закрывъ волосами лице свое, слезами омоченное, упала на землю передъ жертвенникомъ.

Прочіе то же сдѣлали — всѣ молчали.

Почувствовали легкое потрясеніе во всей окреспности — потрясеніе, бывшее знакомъ того участія, которое брала Природа въ смерти своего любимого Поэта.

Пастухи и пастушки возвратились въ томъ же порядкѣ. Всякой шелъ воздыхать въ сельское свое жилище; всякой, удаляясь отъ сего мѣста, обращалъ глаза, слезами орошенные, на скромную Мавзолею, которую вѣчная скорбь посвятила памяти умершаго.

Одинъ молодой Русской Поэтъ, съ
самыхъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ любившій
Геснера, излилъ чувства свои, въ раз-
сужденіи сего незабвеннаго Пѣвца, слѣ-
дующими стихами:

Алпійскій Теокритъ, сладчайшій Пѣснопѣвецъ!
Еще друзья твои въ печали слезы льютъ —
Еще зеленый мохъ не видѣнъ на могилѣ,
Скрывающей твой прахъ! Въ возторгѣ пѣлъ
ты намъ
Невинность, простоту, пастушескіе нравы,
И пѣснями плѣнилъ всѣ нѣжныя сердца. —
Сію слезу свою, текущую толь быстро,
Я въ жертву приношу тебѣ, Астреинъ другъ!
Сердечную слезу и вздохъ и пѣснь Поэта,
Любившаго тебя, прими, благослови,
О Духъ, блаженный Духъ, здѣсь въ Геснерѣ
блиставшій!

Н Ъ Ч Т О

изъ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРИѦМЕТИКИ.

Естьли положить, что на землѣ живѣтъ около 1000 милліоновъ людей, и что каждая генерация [порожденіе] состоитъ изъ 33 лѣтъ, то въ 33 года умираетъ 1000 милліоновъ людей. Слѣдственно на землѣ умираетъ

Всякой годъ	-	-	30000000.
Всякой день	-	-	82000.
Всякой часъ	-	-	3400.
Всякую минуту	-	-	60.
Всякую секунду	-	-	1.

А какъ число умирающихъ содержится къ числу родящихся какъ 10 къ 12, то родится

Всякой годъ	-	-	36000000.
Всякой день	-	-	98400.
Всякой часъ	-	-	4080.
Всякую минуту	-	-	70.
Всякую секунду	-	-	$1\frac{2}{3}$.

Естьли бы ни одинъ человекъ на землѣ не умиралъ, то жило бы въ 5725 году отъ сотворенія міра 173000 милліоновъ людей. А какъ твердой земли

няхъ і человекъ изъ 40, въ малыхъ городахъ і изъ 32, въ посредственныхъ і изъ 28, а въ самыхъ большихъ 2 изъ 24 или изъ 25. Можно положить, что въ цѣлой землѣ умираетъ і изъ 36. И такъ изъ 1000 живущихъ умираетъ ежегодно 28 человекъ.

Если 100 младенцевъ родится въ одно время, то остается изъ нихъ черезъ 6 лѣтъ 64.

— 16 — 40.

— 26 — 25.

— 36 — 16.

— 46 — 10.

— 56 — 6.

— 60 — 3.

— 70 — 1.

— 80 — 0.

Изъ 1000 младенцевъ, которыхъ кормятъ сами матери, умираетъ по крайней мѣрѣ не болѣе 300; а изъ 1000 младенцевъ, которыхъ кормятъ кормилицы, конечно умретъ 500.

Примѣшили, что отъ натуральной оспы умираетъ болѣе дѣвушекъ, нежели мальчиковъ.

Изъ 100 младенцевъ умираетъ отъ натуральной оспы 8.

Изъ 300 младенцевъ, которымъ прививается оспа, умираетъ только 1.

По изчисленію, сдѣланному въ Англіи, нашлось въ 100000 умершихъ 7 человекъ во 100 лѣтъ, 5 во 101 годѣ, 5 во 102, 4 во 103, 2 во 104, 4 во 105, 2 во 106, и 1 во 107 лѣтъ.

Въ милліонѣ умершихъ было 7 человекъ въ 108 лѣтъ, 3 во 109, 4 во 110, 3 во 111, 3 во 112, 3 во 116, и 1 во 118 лѣтъ.

И такъ по сему содержанію въ 3125 умершихъ находится только 9 во 100 лѣтъ.

Въ Бранденбургскомъ округѣ черезъ 6 лѣтъ сдѣлана перепись умершимъ. Число ихъ простиралось до 351998. Между ими былъ одинъ человекъ въ 114 лѣтъ, 1 во 115, 1 во 120, и 1 во 125.

Нѣкоторые люди жили опмѣнно долго.

Іоаннъ Ровинъ Спашланака-рансбешшерской, изъ Темесварскаго Баннаша въ Венгріи, жилъ въ бракѣ съ женою своею, Сарою Дессонъ, 147 лѣтъ, и умеръ на 172 году. Жена его жила 164 года. Когда онъ умеръ, то самому меньшому сыну его было 90 лѣтъ.

Петръ

Петръ Цоршенъ, крестьянинъ Кевешской изъ сего же Баннапа, умеръ 5 Января 1724 на 185 году. Меньшому сыну его было 97 лѣтъ.

Въ 1670 году умеръ въ Эллершонтъ, въ Англіи, житель Іоаннъ Дженкинсъ на 169 году.

Томасъ Парръ, Шропшайрской крестьянинъ, умеръ въ Лондонъ — куда призвалъ его Король Карлъ I. — на 153 году. На 120 году онъ въ другой разъ женился.

Въ 1648 умеръ въ Миншвалъ Томасъ Данимъ на 153 году.

Февраля 6, 1787, умеръ Іоаннъ Эффингамъ на 144 году.

Въ 1783 году умеръ въ Ишландіи старой Норманъ, Христіанъ Яковъ Дракенбергъ, на 146 году. Онъ родился 1626. Въ 1767 году, Ноября 6, праздновалъ онъ день своего рожденія, будучи совершенно здоровъ душою. Въ самой сей день ходилъ онъ пѣшкомъ въ Розенгальмъ, до котораго отъ его жилища двѣ мили. Въ немъ не примѣшно было никакой слабости, кромѣ слабости зрѣнія.

Въ Лискенскомъ округѣ въ Пруссіи, не далеко отъ Баршенштейна, живетъ Іоаннъ

ІоаннѢ Шидлау (*), которому идетѢ 120 годѢ. Сей старикѢ родился вѢ ШтокгольмѢ, служилѢ при КарлѢ XI, и по томѢ былѢ во всѢхѢ походахѢ при КарлѢ XII. ВѢ ПолтавѢ взяли его вѢ плѢнѢ, и сѢ того времени живетѢ онѢ безпрестанно вѢ Пруссіи.

ВѢ гористыхѢ мѣстахѢ находится старыхѢ людей болѣе, нежели вѢ низкихѢ.

Можно полагатѢ, что человекѢ вездѢ проживетѢ отѢ 60 до 90 и до 100 лѣтѢ, естѢли жизнь его не сократится какими нибудѢ внѣшними случаями.

По сравненію разныхѢ вѣдомостей о умершихѢ сѢ довольно вѣроятностію вычисляется, сколько лѣтѢ можетѢ прожить человекѢ всякаго возраста. На прим. вѣроятно, что новорожденной младенецѢ проживетѢ еще

		34 года, 6 мѣсяц.	
МладенецѢ	1 года	41 годѢ, 9 —	
—	3 лѣтѢ	45 лѣтѢ, 7 —	
—	5 —	46 — 4 —	
—	10 —	44 года, 9 —	
			Чело-

(*) Сіе писано вѢ 1784 году.

Человѣкъ 15 лѣтъ прожив.				41 годѣ, 6 мѣс.
—	20	—	—	38 лѣтъ, 3 —
—	25	—	—	35 — 3 —
—	30	—	—	32 года, 3 —
—	35	—	—	29 лѣтъ, 8 —
—	40	—	—	26 — 6 —
—	45	—	—	23 года,
—	50	—	—	20 лѣтъ, 11 —
—	55	—	—	17 —
—	60	—	—	14 — 2 —
—	65	—	—	11 — 5 —
—	70	—	—	5 — 11 —
—	75	—	—	6 — 8 —
—	80	—	—	4 года, 10 —
—	85	—	—	3 — 3 —
—	90	—	—	2 —

КОНЕЦЪ XVII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XVII Части.

	Стран.
Новый Годъ.	3
Сновидѣніе.	17
Краткое Извѣстіе о нѣкоторыхъ басно- словныхъ птицахъ.	25
Отрывокъ Рѣчи.	44
Мизонъ Женской.	49
Старческой Праздникъ.	106
О исаніе Ост-Индіи.	116
Разсужденіе о Анатоміи.	134
Физическія Изчисленія.	142
Описаніе путешествія одного Учена- го.	145
Благодѣтельность.	163
Восточныя Пословицы.	175
Малабарское Празднество.	177
О Генрихѣ Велбк.	186
Тлѣнность.	191
О Нервной Системѣ.	193
Геснерова смерть.	197
Нѣчто изъ Политической Ариѳметик- ки.	201

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь XVIII.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1789.

СТАТЬИ

изъ

CONTEMPLATION de la NATURE,

Боннетова Сочиненія.

О БОГѢ и ВСЕЛЕННОЙ ВООБЩЕ.

Введеніе.

Возношуся къ *Вѣчной Причинѣ* (*), из-
сѣдываю Ея законы и обожаю
Оную. Взираю на Вселенную окомъ филосо-
фическимъ. Ищу отношеній, дѣлающихъ
Часть XVIII. No. 14. А 2 изъ

(*) *Raison Eternelle* на языкѣ Боннетовомъ
не значить вѣчной разумъ, какъ-то
п р е в е л ь Нѣмецкой Переводчикъ, Г Про-
фессоръ Тидтусъ. Въ концѣ первой
главы

изъ сей огромной цѣпи одно Цѣлое. Оспанавливаюсь разсматривать нѣкоторыя кольца ея; и будучи пораженъ знаками могущества, премудрости и высочества, осмѣливаюсь начерчивать оныя, стараясь ихъ не ослабить.

Г Л А В А I.

Первая Причина.

Самосуществованіе, всемогущество и безпредѣльно премудрая воля, суть великія совершенства *Первой Причины*.

Вселенная сущеспвенно происходитъ отъ сей *Причины*. Тщетно будемъ искать другой всему, что существуетъ. Вездѣ примѣчаемъ *порядокъ* и *цѣли*; но сей порядокъ и сіи цѣли суть дѣйствія: что же есть ихъ начало?

Почитать Вселенную вѣчною есть то же, что полагать безконечной порядокъ существъ конечныхъ.

При-

главы говоритъ Боннетъ: il est hors de l'Univers Une Raison Eternelle de son existence. Здѣсь Raison не можетъ значить *разумъ*, а великой Философъ не употребляетъ одного слова въ столь разныхъ значеніяхъ. —

Прибѣгать къ вѣчному движенію есть то же, что полагать вѣчное дѣйствіе.

Утверждать, что разумъ произведенъ матеріею и движеніемъ, есть то же, что почитать *Оптику* Ньютонову сочиненіемъ слѣпорожденного человѣка.

И такъ скажемъ: когда Вселенная существуетъ, то есть въ Вселенной *Вѣчная Причина* ея существованія.

Г Л А В А II.

Т в о р е н і е.

Какой разумъ изслѣдуетъ глубины сей бездны? Какая мысль можетъ изъяснить *Могущество, воззывающее въ бытіе несуществующія вещи, подобно какъ бы онѣ существовали?* Богъ хочетъ, чтобы Вселенная была: Вселенная существуетъ.

Сія Божественная сила, сія непостижимая мощь, можетъ ли быть сообщаема? И естьли она можетъ быть сообщасма, то какіе же суть законы сего сообщенія?

Глаголъ Воплощенный, Первороденный между шварями! когда сія сила могла быть сообщена, то Ты получилъ ее, и *вѣки были сотворены Тобою!*

ГЛАВА III.

Единство и доброта Вселенной.

Единство чертежа Вселенной ведетъ насъ къ единству Разума, его изобрѣшшаго. Гармонія Вселенной, или отношенія, находящіяся между разными частями сего огромнаго зданія, доказываютъ, что *Причина* онаго *одна*. Дѣйствіе сей *Причины* также *одно*; Вселенная есть сіе дѣйствіе.

Она заключаетъ въ себѣ все то, что есть и быть могло. *Возможное* значитъ здѣсь не то, что само по себѣ или въ мысляхъ возможно; но то, что возможно въ отношеніи къ совокупнымъ свойствамъ *Верховной Причины*. Предметъ Могущества былъ предметъ и Премудрости.

Могущественная Воля произвела въ дѣйство все то, что быть могло. Единое дѣйствіе сей *Вѣли* произвело Вселенную: то же дѣйствіе и содержитъ ее. *Богъ* есть то, что Онъ былъ и будетъ; чего хотѣлъ, того и нынѣ хочетъ.

Разумъ, Который вдругъ объемлетъ всѣ связи возможностей, изкони видѣлъ *Истинное Добро*, и никогда не соотвѣ-
щался.

ваяся. ОнѢ дѣйствовалъ; ОнѢ употребилъ свою самовластную свободу, и Вселенная получила бышіе.

И такъ міръ имѣетъ все совершенство, какое только могъ онѢ получить отъ *Причины*, въ Которой одно изъ первыхъ свойствъ есть *Премудрость*, и въ Которой *Благость* есть также *Премудрость*.

И такъ нѣтъ совершеннаго зла во Вселенной; ибо она не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы не могло быть дѣйствіемъ или причиною какого ни есть добра, которое бы не существовало безъ того, что мы *эломъ* называемъ. Если бы все было одно отъ другаго отдѣлено, не было бы гармоніи. Когда бы что нибудь было упущено, тогда бы въ цѣпи оспалась пуста, а отъ всеобщаго сцѣпленія произошли подчиненность существъ и отношенія ихъ къ пространству и времени. Зубецъ въ машинѣ можетъ ли жаловаться, что онѢ не главное колесо? Когда же сіе колесо будетъ зубцомъ, оно также станетъ жаловаться; и чтобы уничтожить такіа несмысленныя жалобы, надобно бы уничтожить всю машину.

Ты говоришь, для чего человекъ не такъ совершенъ, какъ Ангелъ? Безъ сомнѣнія хочешь ты сказать, для чего человекъ не Ангелъ. Спроси также, для чего олень не человекъ. Но для существованія оленя потребны были травы, кошорыя питающъ его: и такъ не уже ли захочешь, чтобы и сіи травы сдѣлались маленькими человекками? Ихъ сохраненіе и размноженіе зависѣло отъ земли, воды, воздуха, огня: осмѣлился ли бы ты наконецъ, упорствуя въ своемъ мнѣніи, спросить, для чего части, составляющія стихіи, не *маленькіе люди*?

Почувствуй свое заблужденіе и признай, что каждое существо имѣетъ совершенство, сообразное цѣли его. Оно бы не могло достигнуть оной, если бы перестало быть тѣмъ, что есть. Перемѣня свою натуру, перемѣнило бы оно и мѣсто, кошорое во всеобщей Іерархіи безъ сомнѣнія было бы опять дано другому существу, ему подобному, или гармоніи надлежало бы рушиться.

И такъ не станемъ судить о существахъ единственно по нимъ самимъ; но будемъ цѣнить ихъ по отношенію къ тому мѣсту, кошорое надлежало имъ
занимать

заняшъ вѣ Системѣ. Нѣкоторыя слѣдствія ихъ натуры можно назвать *эломъ*; но чѣобы сего зла не было, надлежало бы сіи существа оставишъ вѣ небышій, или сотворишъ другую Вселенную. Отъ взаимнаго дѣйствія твердыхъ и жидкихъ частей происходитъ *жизнь*; но самое сіе дѣйствіе вѣ продолженіи есть натуральная причина *смерти*. И такъ безсмертіе требовало бы другаго плана; ибо Планета наша не годилась для существъ безсмертныхъ.

Совокупность всѣхъ родовъ *относительныхъ* совершенствъ составляетъ дѣйствительное совершенство того Цѣлаго, о кошоромъ Богъ сказалъ: *добро есть*.

Сія огромная Система тварей событствующихъ и послѣдственныхъ есть *одно* какъ вѣ слѣдствіи, такъ и вѣ соусшроеніи или вѣ связи. Первое кольцо цѣпи связано съ самымъ послѣднимъ промежуточными кольцами. Настоящія приключенія готовяшъ самыя отдаленнѣйшія. Сѣмя, развернувшееся во чревѣ Сарры, готовило существованіе великаго народа и спасеніе міра.

Г Л А В А IV.

*Разсмотрѣніе Вселенной въ главныхъ
ея частяхъ.*

Когда темная ночь разстилаетъ свое покрывало по лазуревому пространству, тогда твердь небесная являетъ глазамъ нашимъ свое величество. Блестящія пункты, которыми она усыпана, суть солнца, повѣшенныя *Всемогущимъ* въ семъ пространствѣ, чтобы освѣщать и согрѣвать міры, вокругъ ихъ вертящіеся.

Небеса повѣдаютъ славу Создателя, и твердь возвѣщаетъ дѣло рукъ Его. Сей высокой Духъ, изъясняющійся столь величественно, жилъ еще не въ тѣ времена, въ которыя всѣ видимыя небесныя свѣтила признали солнцами. Онъ предупредилъ время, и первой возпѣлъ величественной Гимнъ, которой будущіе просвѣщеннѣйшіе вѣки должны были пѣть въ похвалу Господа міровъ.

Цѣлое сихъ великихъ тѣлъ раздѣляется на разныя Системы, которыхъ число можетъ быть превозходитъ число песчинокъ, извергаемыхъ на берега морей.

Каждая Система имѣетъ въ средоточіи своемъ звѣзду, или солнце, блестящее собственнымъ своимъ свѣтомъ, кругомъ котораго вертятся разнаго рода темные глобусы, отбрасывающіе съ большимъ или меньшимъ блескомъ принятой отъ онаго свѣтъ, отъ чего становятся онѣ намъ видимы.

Глобусы, которые кажутся блуждающими въ небесномъ воинствѣ, суть Планеты, изъ которыхъ главные имѣютъ солнце обыкновеннымъ центромъ своего періодическаго обращенія; а другія, называемыя Планетами втораго класса, вертятся кругомъ одной главной, за которую онѣ слѣдуютъ какъ спутники въ годовомъ ея обращеніи.

Венера и Земля имѣютъ по спутнику (*); нѣкогда безъ сомнѣнія найдутъ спутника и у Марса.

Юпи-

(*) Много сомнѣвались въ существованіи Венерины спутника. Все то, что сказано о томъ разными Наблюдателями, почитали за мечту или обманъ Оптики. Кто потрудились прочесть спашью о Венерѣ въ Прибавленіи Парижской Энциклопедіи, томъ ХVІІ: тошъ конечно не будетъ

Юпитеръ имѣетъ четыре спутника,
Сатурнъ пять и еще кольцо или свѣш-
лую

дешъ сомнѣваться въ бытіи сего спутника. Увидяшъ тамъ наблюденіе великаго Кассини, сдѣланное въ 1686 году, Господина Шорта въ 1740; Господина Моншаня въ 1761, Ла Гранжа въ томъ же году, и Г. де Монтбарона въ 1765. Первые три Наблюдателя, о которыхъ говорю, видѣли сего спутника въ образѣ полумѣсяца. Г. Шортъ былъ столь обрадованъ своимъ открытіемъ, что вырѣзалъ на своей печати сей девизъ: *tandem apparuit* (наконецъ явилось). Славной Ламбертъ, сравнивая всѣ сіи наблюденія одно съ другимъ, показалъ намъ ихъ согласіе. *Essai d'une Théorie du Satellite de Venus; nouveaux Memoires de l'Academie de Berlin*, 1773. По изчисленію онаго Астронома, обращеніе сего спутника вокругъ Венеры свершается дней въ одиннацать. Онъ думалъ, что его можно видѣть въ кругѣ соднца 1 Іюня 1777 году, ибо тогда Венера должна была проходить весьма близко отъ солнца; однако же не видали его. Г. де Меранъ, которой, кажется, совсѣмъ не сомнѣвался въ существованіи сего малаго свѣтила, назначилъ при-
чины

лую атмосферу (*), которая, кажется, производитъ дѣйствіе множества маленькихъ лунъ.

Сія

чины рѣдкости его явленія. *Memoires de l'Acad. de Paris, 1762.*

- (*) Великое зрѣлище для глазъ Астронома представляетъ Сатурнъ, окруженный пятью лунами и кольцомъ своимъ. Известны фазы сего чудеснаго кольца; но оно не есть простая атмосфера, какъ какъ я сказалъ здѣсь, не зная того совершенно. По основательнымъ причинамъ можно думать, что оно есть твердое и темное тѣло. Когда солнце освѣщаетъ ту поверхность кольца, которая нашей землѣ противоположна, тогда кольцо становится намъ невидимо. И такъ если бы оно было ни что иное, какъ атмосфера, то намъ надлежало бы тогда видѣть нѣкоторой свѣтъ, а особливо по малой толщинѣ сего кольца; ибо послѣднія примѣчанія въ разсужденіи его сокрытій и явленій съ довольною вѣроятностію доказываютъ, что оно толщиною менѣе трехъ Французскихъ миль. Въ добавокъ къ сему неутомимой Господинъ Мессіе примѣтилъ въ такомъ же обстоятельстве по рукояткамъ сего кольца разбѣянные свѣтлыя

Сія Планета, до которой отъ солнца будетъ почти шриста милліоновъ Французскихъ миль, получала бы отъ него весьма слабой свѣтъ, естли бы ея спутники и кольцо не умножали онаго, отбрасывая его отъ себя.

Намъ извѣстны семнатцать Планетъ, составляющихъ нашу солнечную Систему; однакожь мы не увѣрены, чтобы ихъ не было болѣе. Число ихъ гораздо умножилось по изобрѣшеніи телескоповъ. Когда инструменты будутъ совершеннѣе, а Примѣчатели прилѣжнѣе и щастливѣе, тогда можетъ быть число Планетъ еще умножится. Спутникъ Венеринъ, усмотрѣн-

---

ныя точки; свѣтъ оныхъ былъ живъ, бѣлъ, блестящъ и сходенъ со свѣтомъ самыхъ малыхъ звѣздъ, видимыхъ посредствомъ лучшихъ инструментовъ. Онъ примѣнилъ, что нѣкоторыя точки менѣе другихъ свѣтятъ; иныя же, казалось, отъ сосѣдственныхъ совѣтъ отдѣлялись. Все сіе, кажется, доказываетъ, что кольцо Сатурново есть тѣло темное, котораго поверхность, подобно поверхности луны, неровная, производя въ свѣтѣ квадратурахъ такіа же существенныя дѣйствія.

шрѣнной въ послѣднемъ вѣкѣ, и не давно опять найденной, предвѣщаетъ Астрономіи новыя открытія.

Не только предоставлено было новой Астрономіи обогатить наше небо новыми Планетами, но ей дано было и разпространить границы нашей солнечной Системы. Кометы, которыя — по ихъ обманчивымъ видамъ, по хвосту и волосамъ; по ихъ стремленію, иногда противоположному стремленію Планетъ, и весьма часто различному; и по ихъ явленіямъ и сокрытіямъ — почитались Метеорами, зажженными въ воздухъ разгнѣваннымъ божествомъ, спали тѣлами планетными, которыхъ длинныя пуши изчисляють наши Астрономы, предсказывая наиотдаленнѣйшія ихъ возвращенія, и опредѣляя ихъ мѣста, явленія и удаленія. Болѣе 30 (*) такихъ тѣлъ считается въ Системѣ нашего солнца; и нѣкоторыя изъ оныхъ обіекають около сего свѣтила такіе большіе круги, что имъ надобно мно-

---

(.) Когда я сіе писалъ, тогда считалось такое число Cometъ; но нынѣ сочи ихъ 63.

множество лѣтъ, или самыхъ вѣковъ, для свершенія своего пуши (*).

(Продолженіе будетъ впредь).

(*) Теорія Кометъ не такъ еще совершенна, чтобы Астрономъ могъ на множество лѣтъ вычислить пуши ихъ, наблюдая ихъ только въ одно явленіе. Но совершенно извѣстны періодическія времена трехъ Кометъ. Комета 1264 и 1566 году свершаетъ свое теченіе въ 292 года; Комета 1532 и 1661 году во 129 лѣтъ; а являвшаяся въ 1456, 1531, 1607, 1682, 1759, свершаетъ свой періодъ въ 75 лѣтъ. Великой Галлей полагалъ, что славная Комета 1680 году была самая та же, кошорую видѣли при смерти Юлія Цезаря, и въ 532 и въ 1106 году; и что обращеніе ея свершается по сему въ 574 года. По изчисленіямъ славнаго Эйлера періодъ прекрасной Кометы, явившейся въ Августѣ 1769 году, долженъ быть отъ 449 до 519 лѣтъ, полагая, что въ примѣчаніяхъ своихъ онъ только одною минутою ошибся.

Спаши изъ Contemplation de la Nature.

Продолженіе.

Новой же Астрономіи надлежало научить насъ, что звѣздъ есть подлинно безчисленное множество, и что созвѣздія, въ которыхъ Древніе полагали самое меньшее число оныхъ, содержатъ ихъ нѣсколько тысячъ. Небо Талесовъ и Гиппарховъ было весьма бѣдно въ сравненіи съ небомъ Гуйгенсовъ, Кассиніевъ и Галлеевъ.

Діаметръ великаго круга, которой обтекаетъ наша Планета, состоитъ болѣе, нежели изъ шестидесяти милліоновъ Французскихъ миль (*); и сія обширная окружность исчезаетъ и дѣлается единымъ пунктомъ, когда Астрономъ хочетъ употребить ее на измѣреніе разстоянія неподвижныхъ звѣздъ.

Часть XVIII. No. 15. Б Какъ

(*) Среднее отдаленіе солнца отъ земли, изчисленное по послѣднему прохожденію Венеры черезъ солнечной кругъ, состоитъ изъ 34,761,680 Французскихъ миль, что составляетъ въ діаметръ большаго круга 69,523,360 миль.

Какъ же велика существенная масса сихъ сіяющихъ точекъ, когда онѣ еще примѣтны въ такомъ ужасномъ отдаленіи? Солнце около милліона разъ болѣе земли (*), и во сто десять разъ болѣе всѣхъ Планетъ вмѣстѣ. Если звѣзды суть солнца, какъ-то увѣряешь насъ блистаніе оныхъ, то онѣ могутъ своею величиною превосходить наше солнце, или по крайней мѣрѣ съ нимъ равняться.

Гордый, малознающій смертный! возведи теперь глаза свои на небо, и оп-
вѣтствуй мнѣ: если бы исключить нѣ-
которыя изъ сихъ свѣтилъ, висящихъ
на звѣздномъ сводѣ, то ночи твои тем-
нѣе ли бы отъ того были? Не говори же,
что звѣзды для тебя одного сотворены,
что для тебя одного твердь небесная
сіяетъ симъ величественнымъ блескомъ.
Безразсудный! ты конечно былъ не пер-
вымъ предметомъ благодѣяній Создателя,
когда Онъ поставилъ Сиріуса и мѣрилъ
его сферы.

Между

(*) Солнце въ 1435000 разъ болѣе земли
и въ 571 разъ болѣе всѣхъ Планетъ
вмѣстѣ. Между тѣмъ великосць сію

Между тѣмъ, какъ Планеты совершаютъ около солнца сіи періодическія теченія, которыя опредѣляютъ ихъ годы, вертятся онѣ еще на собственной своей оси, что опредѣляетъ ихъ дни и ночи (*).

Б 2

Но

не надобно смѣшивать съ массою или количествомъ матеріи. Масса солнца въ 580 разъ болѣе массы всѣхъ Планетъ вмѣстѣ.

(*) Не знаютъ еще, вертятся ли Меркурій и Сатурнъ на своей оси; но аналогія или подобность заставляетъ сіе думать. Венера переворачивается на своей оси почти въ 23 часа, Земля въ 24, Марсъ въ 25, Юпитеръ почти въ 10.

Что принадлежитъ до періодическаго или годоваго обращенія Планетъ, то время пути ихъ тѣмъ долѣе, чѣмъ далѣе онѣ отъ центра своей Системы. Меркурій, меньшая изъ главныхъ Планетъ, отстоящій отъ солнца не болѣе тринадцати милліоновъ Французскихъ миль, обращается около сего свѣтила въ три мѣсяца: слѣдовательно его годъ есть только четверть нашего года. Отстояніе Венеры отъ солнца болѣе

Но какъ сіи великія шѣла висятъ
въ ономъ пространствѣ? Какая тайная
сила

---

25 милліоновъ миль; она совершаетъ
свое обращеніе въ 8 мѣсяцовъ. Марсъ
стоитъ отъ солнца около 53 мил-
ліоновъ миль, и обращается около
двухъ лѣтъ; Юпитеръ стоитъ отъ
сего свѣтила 180 милліоновъ миль, и
обращеніе свое оканчиваетъ почти въ
12 лѣтъ. Наконецъ Сатурнъ, наиш-
даленнѣйшая изъ главчыхъ Планетъ,
ибо состояніе его отъ общаго центра
всѣхъ обращеній будетъ болѣе 300
милліоновъ миль, оканчиваетъ путь свой
почти въ 30 лѣтъ; и такъ Сатурновъ
годъ состоитъ почти изъ 30 нашихъ
годовъ. Но что суть годы сей великой
Планеты въ сравненіи съ годами Ко-
метъ, которыя совершаютъ свой обо-
ротъ въ нѣсколько вѣковъ? Планетныя
періодическія обращенія производятся
отъ Запада къ Востоку, и пути ихъ
составляютъ почти совершенные круги,
которыя всѣ идутъ почти въ одинакой
плоскости. Спутники также кружатъ-
ся отъ Запада къ Востоку около глав-
ной Планеты. Сіе одинакое стремленіе
довольно доказываетъ истинному Фи-
лософу, что все сіе не есть дѣйствіе
слѣпаго случая.

сила держитъ ихъ въ своихъ кругахъ, и водитъ съ шолікою правильностію и гармонією? *Тяжесть*, сія могущественная сила, естъ всеобщая причина, или принципія сего равновѣсія и сихъ движеній. Она проникаетъ до внутрєнности всѣхъ тѣла. Чрезъ сію силу влекутся онѣ одно къ другому, въ относительной соразмѣрности къ ихъ разстоянію и массѣ (*).

Такимъ образомъ Планеты стремятся къ общему центру Системы, и наконецъ низверглись бы въ него, когда бы *Создатель*, творя ихъ, не сообщилъ имъ *мчательнаго движенія* (mouvement projectile), или удаляющейсѣ отъ средоточія силы, посредствомъ которой онѣ всегда отъ центра удаляются.

Б 3

Каж-

(*) Таковъ естъ оный великій Божественный законъ, правящій всѣмъ пространнымъ твореніемъ, и открытый намъ *Великимъ Творцемъ* чрезъ онаго несравненнаго человѣка, долженствовавшаго бытъ основателемъ небесной Физики. Силою сего закона всѣ шары дѣйствуютъ другъ на друга въ прямой пропорціи своей массы и въ обратной пропорціи своего разстоянія.

Каждая Планета, повинаясь закону сихъ двухъ силъ, описываетъ кривую линію, производимую оными. Въ одномъ изъ средоточій сей болѣе или менѣе протянутой Эллипсы поставлено солнце или одна изъ главныхъ Планетъ. Такимъ-то образомъ та же сила, по которой разполагается паденіе камня, дѣлается плодотворною причиною небесныхъ движеній: удивительная Механика, которой простота и сила всегда доказываютъ намъ *глубокую премудрость Создателя!*

Земля, которая столь пространна въ глазахъ муравьевъ, на ней обитающихъ, и которая имѣетъ въ окружности девять тысячъ Французскихъ миль, почти въ тысячу разъ менѣе Юпитера, которой безъ помощи трубы кажется глазамъ одною блестящею точкою (*).

Два

(*) Юпитеръ въ 1479 разъ больше Земли, Сатурнъ въ 1030, Марсъ въ тридесятихъ, Венера въ одиннадцать вторыхъ-надесять, Меркурій въ семь сотыхъ. Последнее прохожденіе Венеры черезъ кругъ солнца, 5 Іюня 1769 года, помогло Астрономамъ назначить сіи мѣры съ такою точностію или опредѣленностію, которой прежде не было.

Два Общества Академистовъ, новые Аргонавты, въ сіи послѣднія времена прославились рѣшительнымъ назначеніемъ фигуры нашей Планеты, доказавъ, что она есть сферондическое шѣло, пологое къ Полюсамъ, и возвышенное къ Экватору (*); но Нютонъ еще болѣе прославился (**), открывъ сіе въ своемъ кабинетѣ единственно силою разума. Сія фигура есть также дѣйствіе тяжести, совскупленной съ силою отвлекающею отъ центра, и сіи двѣ силы, дѣйствуя въ каждомъ свѣпилѣ въ особливо пропорціи, разнообразяшъ ихъ фигуры, и дѣлающъ изъ нихъ Сфероиды болѣе или менѣе плоскія, такъ какъ и круги ихъ сжато-вѣдятся отъ того болѣе или менѣе продолговаты.

Шаръ земной, наружно раздѣленной на твердыя земли и моря, которыхъ

Б 4

по.

(*) И такъ фигура земли очень похожа на фигуру померанца. Меньшой діаметръ находится въ такомъ содержаніи къ большому, какъ 178 къ 179.

(**) Гюйгенсъ дѣлитъ сію славу съ великимъ Нютономъ. Онъ вывелъ плоскость земли къ Полюсамъ изъ Теоріи отъ центра отвлекающихъ силъ.

поверхность почти ровна, внутренно образованъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой глубины, изъ слоевъ, которые всѣ почти лежатъ между собою параллельно, и которые состоятъ изъ разнородной матеріи, болѣе или менѣе плотной, и болѣе или менѣе зернистой (*).

Поверхность земель показываетъ великія неровности. Индѣ видишь обширныя равнины, пересѣкаемыя пригорками и долинами; индѣ великія цѣпи горъ, возносящихъ до облаковъ ледяные верхи свои, между которыми суть глубокія долины (**). Изъ нѣдръ горъ истекаютъ рѣки,

(*) Слои земли вообще параллельны между собою и съ горизонтомъ, или почти параллельны, что можно видѣть на скалахъ и горахъ; но иногда случается, что сіи параллельные слои, вмѣсто того, чтобъ имъ лежаться горизонтально, гнутся или кривятся въ разныя стороны, такъ какъ бы сильныя потрясенія перемѣнили ихъ первое направленіе.

(**) Горы, называемыя *Кордиллеразами*, считаются самыми большими на землѣ; онѣ при тысячахъ сажень выше Южнаго моря. Савой-

рѣки, которыя, орошая разныя земли,
Б 5 и

Савойская *бѣлая* гора послѣ Кордиллерозовъ есть также одно изъ величайшихъ возвышеній нашей Планеты; она 2400 сажень выше Средиземнаго моря. Тенерифская гора, Пико, столь славная своею возвышенностію, ниже сей *бѣлой* горы; ибо она вышиною не болѣе тысячи девяти сотъ сажень.

Нынѣ во всемъ видѣнъ духъ методы, для того что онъ связанъ съ духомъ наблюденія, отъ котораго ничто укрывшся не можетъ. Новые наши Геологи раздѣляютъ горы на три класса: на первыя или на *коренныя* горы, на *второклассныя* и на *трехклассныя*. Не по одной вышинѣ раздѣляются онѣ на сіи классы; но болѣе по натурѣ вещества, изъ коего онѣ составлены, и по разположенію онаго.

Первоклассныя горы всегда составлены изъ *спекляныхъ* матерій, и обыкновенно изъ *гранитовъ*. Сии матеріи лежатъ не слоями, такъ какъ въ горахъ нижнихъ классовъ; а не менѣе сего опмѣняетъ ихъ и то, что онѣ не имѣютъ въ себѣ ничего изъ произведеній моря. Наивеличайшія горы нашей Планеты находятся между сими первоклассными;

и разширеніемъ своего теченія производя
въ

сными; онѣ суть старшія дочери, и рожденіе ихъ безъ сомнѣнія предшествовало царству органическому. Из сей-то древней и величественной вершинѣ гордыхъ горъ, въ самъ-то вѣчномъ уединеніи Время начерщало своею мѣдною рукою Календарь Натуры, въ копоромъ цѣлые вѣки шамъ какъ дни назначены; ибо Натура, дочь Вѣчности, считаешь только вѣками и тысячами вѣковъ.

Горы втораго класса, весьма опличныя отъ горъ перваго, составлены изъ известныхъ матерій, которыя лежатъ параллельными слоями, и почти горизонтально. Сія параллельность и сіе положеніе слоевъ горъ второклассныхъ открываетъ уже тайну ихъ произхожденія, показывая довольно ясно, что оныя суть произведеніе воды. Но всего болѣе разрѣшаетъ сомнѣніе то, что въ нихъ находятъ множество морскихъ тѣлъ. Проницательное и внимательное око Геолога видитъ въ сихъ тѣлахъ довольно постоянный порядокъ, доказывающій, что онѣ зашли туда не отъ обрушенія земли и не отъ случайныхъ наводненій. Большая часть
сихъ

въ разныхъ мѣстахъ пруды и озера,
влива-

сихъ матерій принадлежитъ къ классу раковинъ, и окаменѣлыя раковины, которыхъ находится великое множество въ слояхъ горъ, лежатъ такъ же, какъ подобныя имъ живыя раковины лежатъ на днѣ морей.

Горы претяго класса не столь правильны въ своемъ составѣ. Онѣ, кажется, составлены только изъ скопившагося песку, песочныхъ и круглыхъ кремнистыхъ камней, и проч. Нѣтъ въ нихъ сихъ великихъ кучъ морскихъ тѣлъ, разположенныхъ параллельными слоями, которыя находятся въ горахъ второго класса; но часто бывають въ нихъ по разнымъ мѣстамъ остатки животныхъ и земныхъ произрастаний, смѣшенные съ нѣкоторыми морскими тѣлами. Здѣсь-то сушь Архивы сего Помопы, описаннаго древнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ Историкомъ; Помопы, котораго слѣды видимъ еще и понынѣ въ памятникахъ многихъ народовъ.

Горы, которыхъ польза столь разнообразна, и которыя украшаютъ нашу Планету, не случайно по поверхности земной разсѣяны. Положеніе каждой горы имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ по-

вливаются въ море, и возвращаютъ
ему

положенію прочихъ горъ, которое Примѣчатель открываетъ, и которое являетъ ему тайные законы ихъ образованія. Вообще всѣ главныя цѣпи горъ идутъ къ общему центру. Предъ сею главною горою, раздѣляющею облака своимъ высокимъ верхомъ, всѣ цѣпи горъ болѣе и болѣе унижаются. Отъ главныхъ цѣпей идутъ цѣпи втораго класса, которыя также производятъ другія меньшія цѣпи.

Что же скажу о Вулканахъ, о сихъ ужасныхъ огнедышущихъ рѣкахъ, которые выбрасываютъ въ воздухъ величайшія кучи камней, металлическихъ пѣны и золу, и которыхъ боковыя опверзстія, причиняемыя силою огня, изрыгаютъ рѣки разтопленнаго стекла, или лавы, разливающіяся иногда мили на двѣ шириною, протекающія цѣлыя страны, изыребляющія города, опустошающія поля, дѣлающія ихъ бесплодными на многіе вѣки, и разпространяющія вездѣ изумленіе и ужасъ? Осмѣлюсь ли я описать величественную и страшную Этну, раждающую новыя горы, и изрыгающую съ ними вмѣстѣ великія рѣки пылающаго вещества, ко-
шорыя

ему то, чего оно чрезъ пары лишилось. (*).

ВѢ

порыя дѣлаютъ новые мысы, и принуждаютъ море перемѣнять мѣсто своего теченія?

- (*) Нашура, увѣнчавая вѣчнымъ льдомъ обнаженные верхи горъ, изготовила неизчерпаемыя водохранилища, должныя всегда снабжать водою большія рѣки, которыя отъ того могутъ выдерживать нандолговременнѣйшія засухи. На сіи огромные ледники, висящіе, такъ сказать, въ вышнихъ слояхъ атмосферы, совсѣмъ не дѣйствуютъ тѣ причины, которыя согревають нижніе слои, и которыя ускорили бы таяніе льда въ жаркое время года. Такимъ образомъ сей ледъ таетъ только медленно и постепенно; миллионы небольшихъ ручейковъ стекають мало помалу съ поверхности льда, разогрѣваемаго солнцемъ, соединяются въ большіе ручьи и низвергаются съ камней на камни, стремяся питать рѣки и оплодотворять поля. Напротивъ того въ холодные дни не внѣшніе слои ледниковъ обильно снабжаютъ рѣки водою, но внутренніе или подземные. Собственная теплота земли дѣйствуетъ всегда

Въ морѣ видимъ мы острова, во всѣхъ сторонахъ разсѣянные, мѣли, подводные камни, теченія, пучины, волненія, и сіе регулярное и удивительное движеніе, которое въ сутки два раза подымаетъ и опускаетъ воду.

Вездѣ земли и моря населены растѣніями и животными, коихъ роды, безконечно разнообразны, каждому мѣсту особливо свойственны. Люди, раздѣленные на народы, селенія и семейства, занимаютъ поверхность шара. Они перемѣняютъ и обогащаютъ землю разными трудами своими, и дѣлаютъ себѣ жилища отъ одного Полюса до другаго; жилища, соответствующія ихъ нравамъ, духу, свойствамъ земли, климату, и проч. Удивительная, прозрачная эластическая сущность окружаетъ землю со всѣхъ сторонъ до нѣкоторой высоты. Сія сущность есть Атмосфера, обиталище: вѣтровъ, огромное хранилище паровъ и изпареній, которые, собираясь иногда

въ

на сіи слои и извлекаетъ вездѣ маленькіе ручейки, которые черезъ тысячу подземныхъ каналовъ протекаютъ въ рѣчные источники, и предупреждаютъ ихъ изтощеніе.

въ толстыя или тонкія облака, украшающѣ небо наше своими фигурами и цвѣтами, или удивляющѣ насѣ своимѣ огнемѣ и блистаніемѣ; иногда же, разрѣшаясь въ росу, въ туманѣ, въ дождѣ, въ снѣгѣ, въ градѣ и проч, возвращающѣ землѣ то, что изѣ нее выпянуто было.

Луна, изѣ всѣхѣ Планетѣ ближайшая къ землѣ (*), лучше другихѣ и извѣстна намѣ. Шарѣ ея около сорока пяти разѣ меньше нашего (**), и всегда показывается намѣ одинакую плоскость, ибо она перевертывается на своей оси точно во столько времени, во сколько обходитѣ кругомѣ земли, которой она служитѣ спутникомѣ (***).

Луна имѣетѣ свои фазы, свое постепенное и періодическое приращеніе и уменьшеніе свѣта, смотря по тому положенію

(*) Луна отстоитѣ отѣ земли только на 86 тысячѣ миль.

(**) Около пятидесяти разѣ.

(***) Почти всегда одинакую плоскость; ея качаніе (*mouvement de balancement*) требуетѣ слова почти, которое я здѣсь прибавилѣ. Круговращеніе сего спутника совершается въ 27 дней.

ложенію, въ которомъ находишся она къ солнцу, ее освѣщающему, и къ землѣ, на которую отбрасываетъ она свѣтъ солнечной.

Кругъ луны раздѣляется наружно на блестящія и темныя части. Первыя, кажется, сходствуютъ съ землею нашего шара, а другія съ нашими морями.

Примѣчаютъ въ блистающихъ частяхъ, что нѣкоторыя изъ нихъ свѣтлѣе прочихъ, и бросаютъ въ сторону отъ себя тѣнь, измѣряемую и наблюдаемую въ разсужденіи ея хода. Сіи мѣста суть горы, которыя выше нашихъ по величинѣ луны, и которыхъ верьхи позлащаются солнцемъ, въ то время, какъ луна въ четверти находишся. Когда свѣтъ по немногу сходитъ къ подошвамъ горъ, тогда кажутся онѣ всѣ освѣщенными. Иныя горы стоятъ однѣ, иныя же составляютъ долгія цѣпи.

(Продолженіе будетъ впредь).

Спашьи изъ Contemplation de la Nature.

Продолженіе.

Въ нѣкоторыхъ свѣтящихся мѣстахъ примѣчаютъ родъ колодезей, гдѣ, кажется, царствуетъ глубокая тьма. Дно нѣкоторыхъ изъ сихъ колодезей, кажется, бываетъ иногда изрещено свѣтящимся чертами.

Темныя мѣста Луны вообще кажутся весьма ровными, и въ такомъ видѣ, въ какомъ бы представились наши моря, если бы посмотришь на нихъ изъ Луны; однако же примѣчаютъ въ нихъ и нѣкоторыя неровности, мѣста не столь темныя, которыя могутъ быть островами или мѣлями. Но не станемъ разпространять слишкомъ далеко сихъ сравненій. Когда Творецъ Натуры здѣсь на землѣ отличилъ всѣ существа одно отъ другаго, и даже самыя малѣйшія: то сколь же разнообразны должны быть шѣ черты, которыми Онъ отличилъ одинъ міръ отъ другаго (*).

Часть XVIII. Но. 16.

В

Вене-

(*) Изъ сего разсужденія можно ясно видѣть, что намѣреніе мое было возпре-

Венера, такъ какъ и Луна, имѣетъ свои фазы, яшна, горы. Отъ самыхъ сихъ горъ, которыя еще гораздо выше и многочисленнѣе горъ Луны, и которыя весьма способны къ отбрасыванію солнечнаго свѣта, наиболѣе происходитъ сіяніе Венеры.

Тече-

пятствовать Чиншелю тщася увѣришься въ существованіи сихъ лунныхъ морей; а разсужденіе сіе опинется и ко всѣмъ заключеніямъ, который мы весьма скоро дѣлаемъ по своей землѣ о другихъ Планетахъ. Логика славнаго Гуйгенса была въ семъ случаѣ не счень строга, что можно видѣть въ его Трактатѣ о мірахъ. Весьма не вѣроянно, чтобы въ Лунѣ были моря; ибо отъ нее никакихъ паровъ не подымается. Сверхъ сего иногда видятъ дно сихъ мнимыхъ морей, чего бы никогда не случилось, естли бы сіи пятна точно были скопище воды. Славной Англійской Астрономъ почиталъ ихъ пещерами. Усовершенствованіе ахроматическихъ стеколъ со временемъ можетъ быть утвердитъ мысли Астрономовъ въ разсужденіи сего предмета, такъ какъ и въ разсужденіи другихъ особливыхъ предметовъ въ тѣлахъ небесныхъ.

Телескопъ открываетъ намъ еще пятна въ Марсѣ и Юпитерѣ. Пятна сего послѣдняго составляютъ широкія полосы, имѣющія великое движеніе, почти такое, какое сдѣлалъ бы океанъ, разлившись по землѣ и опять вошедши въ берега.

Меркурій и Сатурнъ мало намъ извѣстны: первой для того, что онъ весьма близокъ къ солнцу, а другой для того, что весьма отдаленъ отъ онаго.

И въ самомъ солнцѣ видятъ пятна, которыя, кажется, имѣютъ правильныя движенія; величина же ихъ не только равняется, но часто и превосходитъ величину большихъ Планетъ (*).

В 2

Cie

(*) Пятенъ въ солнцѣ иногда бываетъ великое множество. Ихъ явленія, мѣсто и время видимости, весьма не одинаковы. Постояннѣйшія изъ нихъ открыли Астрономамъ важную истину, что солнце, сія ужасная масса свѣта и огня, почти въ 25 дней переворачивается на своей оси.

Въ разсужденіи солнечныхъ пятенъ такъ же много чаяній, какъ и въ разсужденіи лунныхъ; но и тѣ и другія равно

Сіе небесное тѣло окружено еще *атмосферою*, которая простирается по крайней мѣрѣ до нашей Планеты, и бываетъ видима по захожденіи солнца (*), такъ какъ бѣловашое и прозрачное облако, на подобіе копья; она разпространяется вкось по Зодіаку, и по тому названа *зодіаичнымъ сіяніемъ*.

Матерія сей атмосферы, будучи сильно привлекаема землею, и гонима къ Полюсамъ отвлекающею отъ центра силою,

равно неосновательны. Астрономы другихъ Планетъ лучше ли понимаютъ тѣ виды, въ которыхъ представляется глазамъ ихъ наша Планета? Извѣстны ли имъ наши моря, облака, снѣгъ, сѣверное сіяніе и проч.? О видахъ нашей Планеты судятъ они такъ же, какъ мы судимъ о видахъ ихъ Планетъ. Одинъ ученой Англичанинъ, весьма занимавшійся солнечными пятнами, почиалъ ихъ рвами. Онъ сообщилъ и методу измѣрять глубину сихъ рвовъ; и такимъ образомъ полагалъ, что пятно, примѣченное въ солнцѣ въ Декабрѣ 1769 года, глубиною было по крайней мѣрѣ полторы тысячи Французскихъ миль.

(*) Въ концѣ зимы и въ началѣ весны, или осенью передъ зарею.

лою, стремится въ верхніе слои воздуха; и не отъ нее ли происходитъ сѣверное сіяніе (*), котораго странно перемѣ-
шенныя столпы, свѣпые лучи, разно-
цвѣтныя дуги, освѣщаютъ и украшаютъ
долгія ночи жителей Полюса?

Г Л А В А V.

Множество Міровъ.

Естьли бы шары, которыхъ величина
равняется, или даже и превосходитъ
величину нашей Планеты; естьли бы
шары, вертящіеся, подобно землѣ, кру-
гомъ

В 3

(**) Вотъ изящная гипотеза разумнаго и
почтеннаго Мерана, которой доказалъ
ея согласіе съ астрономическими при-
мѣчаніями, служившими ему основаніемъ.
Вмѣсто сей гипотезы приняли нынѣ дру-
гую, основанную на ученіи электриче-
ской силы, и утверждающъ, что сѣ-
верное сіяніе есть ничто иное, какъ
электрическое явленіе. Наши Электри-
заторы поступаютъ еще далѣе: они
спраются подражать Натурѣ въ сво-
ихъ кабинетахъ, и производятъ сами
сѣверное сіяніе въ шарахъ, извлекая изъ
нихъ воздухъ.

гомъ солнца и на своей оси; естли бы шары, которые суть общіе центры обращенія одной или нѣсколькихъ лунъ; естли бы шары, въ которыхъ примѣчаемъ разныя вещи, подобныя видимому на землѣ нашей; естли бы сіи шары, говорю я, были необитаемы: то какое бы могло быть ихъ назначеніе, ихъ цѣль (*)?

Сколь

(.) Я удивляюсь, что человекъ съ великими дарованіями могъ въ наши времена отвѣтствовать на сей вопросъ: не знаю. Не менѣе удивляюсь и тѣмъ сомнѣніямъ, которыя самой же сей человекъ находитъ въ разсужденіи множества міровъ, основываясь на трудности представить себѣ, чтобы можно было существовать жителямъ въ Планетахъ, неимѣющихъ атмосферъ, или въ такой премѣнной Планетѣ, какъ Юпитеръ, или въ такихъ, которыя, подобно Кометамъ, подвержены высочайшимъ градусамъ холода и жара, какъ будто бы Творецъ міровъ въ своей премудрости не имѣлъ тысячи способовъ согласить свойства обитателей со свойствами разныхъ Планетъ, не исключая и ихъ, которыя, такъ какъ Кометы, кажущаяся

Сколь ничтожною и недостойною
божественнаго величества Творца на-
шего

В 4

ся намъ самыми невыгоднѣйшими. Все затрудненіе состоитъ въ томъ, что у насъ всегда воображаютъ такихъ людей и животныхъ, какихъ мы здѣсь на землѣ видимъ. Но для чего непременно полагать въ другихъ Планетахъ тѣсно людей и животныхъ земли нашей? Ежели бы мы никогда не видали водяныхъ животныхъ, то развѣ бы легче было понять намъ — намъ, живущимъ воздуха — какъ воды могутъ быть обитаемы? Лучше станемъ судить по великому разнообразію, царствующему между жителями нашего шара, о томъ, которое Верховный Разумъ могъ сообщить жителямъ разныхъ планетныхъ міровъ. Сколько еще еней находится между человекомъ и Полипомъ! Могли ли бы мы угадать бытіе столькаго множества живыхъ существъ, которыхъ форма и сложеніе столь много отъ извѣстнѣйшихъ намъ образцовъ отличается? Могли ли мы думать о сихъ малѣйшихъ животныхъ, по виду столь нѣжныхъ, которыя вытерпѣваютъ жаръ кипящей воды; и о тѣхъ не менѣе нѣжныхъ животныхъ, которыя выно-
сятъ

шего показалась бы Вселенная; естъли бы она заключалась въ узкихъ предѣлахъ сей

сятъ холодъ, гораздо сильнѣйшій холода жесточайшей зимы нашей? Могли бы мы наконецъ думать о сихъ чудеснѣйшихъ маленькихъ животныхъ, которыя, лежа въ множество дѣтъ въ пыли, и не показывая ни малаго знака жизни и движенія, могутъ быть по произволению оживотворены помощію одной капли воды? — Сколь ограниченны наши знанія! — И мы хотимъ еще по симъ ничтожнымъ понятіямъ судить о неизмѣримости и разнообразіи дѣлъ Всемогущаго!

Я довольствуюсь сими всеобщими разсужденіями, и не почитаю за должное доказывать, какъ Юпитеръ, не смотря на великое движеніе его поясовъ, и какъ Кометы, не смотря на разное отдаленіе пущей ихъ отъ центра, могутъ быть обитаемы. Когда есть Примѣчатели въ Лунѣ, въ сей малой Планетѣ, въ которой, кажется, царствуетъ такая поспоянная тишина — хотѣлъ было сказать, вѣчное спокойствіе — и естъли сіи Примѣчатели разсуждаютъ о нашей землѣ, такъ какъ судитъ о Юпитерѣ тошъ Филосефъ,

сей малой кучи грязи, по кошорой мы пресмыкаемся! Возвысимъ нашъ разумъ, разширяя предѣлы Вселенной. Звѣзды, видимыя въ телескопъ, суть безчисленны; ихъ блистаніе доказываетъ, что онѣ сіяютъ свѣтомъ собственнымъ: и понеже

В 5

онѣ

сѣбѣ, о кошоромъ я говорилъ: то они конечно не подозрѣваютъ, чшобы наша Планета, кошорой видъ кажется имъ столь перемѣнчивъ, была обитаема; ибо наши облака легко могутъ предспавить глазамъ ихъ виды, подобныя видамъ поясовъ Юпитеровыхъ.

Надобно удивляться Древнимъ, кошорые, не имѣя нашихъ астрономическихъ познаній, по остроумію своему вѣрили множеству міровъ. Извѣстно, что школа Пиеагорова и Эпикурова утверждала сіе философическое мнѣніе; и не лзя безъ удивленія читать въ Плутархѣ сіе примѣчаніа достойнаго и изреченіе Пиеагорейца, кошорое противоплагаю я нашимъ новымъ противникамъ населенія Планетъ: Полагають, что во всемъ пространствѣ только одинъ міръ находится, столь же безразсудно, какъ утверждать, что на пространномъ полѣ не можетъ вырасти болѣе одного колоса.

онѣ еще видимы въ такомъ отдаленіи, ко порое несравненно болѣе отдаленія Сатурнова, то мы можемъ заключить, что онѣ въ сущь солнца (*). Еслили бы изъ неподвижной звѣзды посмотрѣть на наше солнце, то оно не показалось бы болѣе звѣзды. И такъ есть безчисленное множество солнцевъ; и какую бы пользу приносили онѣ, еслили бы не было существъ, пользующихся ихъ свѣтомъ и теплою? И такъ не естественно ли думать, что онѣ освѣщаютъ другіе міры, которые скрываются отъ насъ по своему великому отдаленію, и которые, такъ какъ нашъ міръ, имѣютъ свои произведенія и своихъ жителей?

Воображеніе изнемогаетъ, представляя себѣ огромность творенія. Оно ищетъ землю, и не примѣчаетъ ее; оно теряется въ сей великой громадѣ тѣлъ небесныхъ, такъ какъ пылинка въ высокой горѣ. Кто же можетъ утверждать, что-
бы

(*) Нѣкоторые новѣйшіе Астрономы думаютъ, что самая ближайшая къ намъ неподвижная звѣзда отстоитъ отъ земли въ пять сотъ тысячъ разъ далѣе, нежели земля отъ солнца.

бы не было въ центрѣ каждаго изъ сихъ міровъ особой Системы, которая имѣетъ свое солнце, свои Планеты, своихъ спутниковъ, своихъ жителей? Кто скажетъ, чтобы въ центрѣ каждой изъ сихъ малыхъ Планетъ не было еще соразмѣрной Системы? Наконецъ кто знаетъ тотъ пунктъ, гдѣ кончится сіе постепенное уменьшеніе?

Но возпаримъ выше, и несяся на величественныхъ крылахъ *Откровенія*, пролетимъ сіи міриады міровъ, и приближимся къ небу, гдѣ обитаетъ *Богъ*.

Возможетъ ли червь описать васъ, васъ, сіяющія *преддворія Славы И бесней*, вѣчныя жилища *Духовъ Блаженныхъ*, *Святая Святыхъ* творенія, *Свѣтъ Неприступный*, величественный престолъ *Сущаго (*)*!

ГЛА-

(*) Чтобы составить себѣ самое высшее понятіе о пространствѣ и населеніи мірозданія, должно прочесть съ размышленіемъ удивительную *Систему Мира* глубокомысленнаго Ламберта, которую скорѣе можно почесть твореніемъ какого нибудь небеснаго Духа, нежели сочиненіемъ земнаго жителя. Прошу
много

ГЛАВА VI.

Всеобщее раздѣленіе Существъ.

Чистые Духи, неведущественныя и разумныя существа; тѣла, разтянутыя

моего Читателя разсмотрѣть посредствомъ сего чудеснаго телескопа удивительное великолѣпіе Вселенной. Сколь же велико будетъ его возхищеніе, когда онъ увидитъ тысячи — что я говорю! — милліоны Кометъ, вертящихся около нашего солнца, въ кругахъ болѣе и болѣе разиоцентричныхъ, во всякихъ дирекціяхъ и наклонностяхъ! Но какъ же умножится его удивленіе, когда онъ увидитъ, что наше солнце и сіи тысячи солнцевъ, называемыхъ звѣздами, сами кружатся около центральнаго и темнаго тѣла, правящаго, по превосходству своей массы, всѣми сими солнцами и многочисленными ихъ Планетами и Кометами, и паки подчиненнаго центральному могущественнѣйшему тѣлу, котораго оно есть только спутникъ! . . . . . Только спутникъ. . . . . Здѣсь разумъ теряетъ силу удивляться, и прежнее удивленіе превращается въ оцѣпенѣлое изумленіе.

О!

шья и твердыя сущности; существа
сложныя, составленныя изъ соединенія
сущ-

О! какъ такое зрѣлище могло предста-
виться глазамъ простаго смертнаго! Не
былъ ли онъ Ангелъ, принявшій на се-
бя образъ человѣческой, или не возхи-
тился ли до шретьяго небз? . . . . .
И сіе центральное шѣло, копорому дру-
гое центральное же шѣло служить нѣ-
которымъ образомъ только спутни-
комъ, само управляется центральнымъ
могущественнѣйшимъ шѣломъ, а сіе
другимъ еще превозходнѣйшимъ, и всѣ
сіи милліоны Кометъ, Планетъ, солн-
цевъ, центральныхъ шѣлъ, одно дру-
гому подчиненныхъ и связанныхъ един-
ственнымъ закономъ, наконецъ подчи-
нены самому могущественнѣйшему цен-
тральному шѣлу, центру центровъ,
всеобщему центру шворенія.

И такъ въ нынѣшніа времена мы
уже узнали, что Вселенная есть точнѣ
огромная машина, составленная изъ без-
численнаго множества разной величины
и плотности частей, которыя, будучи
вложены одна въ другую, или сдѣпле-
ны одна съ другою всеобщимъ зако-
номъ, шѣмъ же закономъ сдѣплены и
съ главнымъ кодексомъ, съ первымъ дви-
гате-

сущности невещественной и сущности тѣлесной — вотъ три главные класса существъ, нами видимыхъ или постигаемыхъ во Вселенной.

ГЛА-

гагелемъ, котораго неудобопонятная дѣятельность проникаетъ изъ массы въ массу, изъ большой въ малую, сквозь мириады Сферъ, до отдаленнѣйшихъ концовъ Вселенной.

И всѣ сіи планетныя тѣла, и всѣ сіи солнца, и всѣ сіи центральныя тѣла, и центръ центровъ, населены безчисленными множествами безчисленно разнообразныхъ существъ чувствующихъ и разумныхъ, разглашающихъ по всѣмъ Сферамъ священное *Имя Госовы*, и ревностно хвалящихъ величіе дѣлъ Его и неизчерпаемыя сокровища Его силы и премудрости.

И такъ, что въ самомалѣйшемъ видѣ представляется глазамъ нашимъ на земномъ шрѣ, то несравненно въ большемъ видѣ представляется намъ въ странахъ небесныхъ. Какъ одна капля жидкости на одной движущимися шариками, такъ Система солнечная наполнена Кометами, которая безъ сомнѣнія не суть обширныя пустыни. Разнообразныя круги
сихъ

ГЛАВА VII.

Всеобщая связь или гармонія Вселенной.

Все во Вселенной приведено въ систематической порядокъ; во всемъ союзъ, отношеніе, связь, сцѣпленіе. Нѣтъ ничего такого, что бы не было непосредственнымъ дѣйствіемъ чего ни есть предшествовавшего, что бы не опредѣляло бывша какъ ни есть вещи послѣдующей.

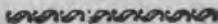
Идея

сихъ планетныхъ шѣлъ, продолжая ихъ болѣе или менѣе, склоняя во всѣ стороны, и проводя между почти совершенно круглыми планетными пушями, *Верховная Премудрость* не оставила конечно ни одного пущаго мѣста въ солнечныхъ Системахъ, и населеніе мірзданія столько разпространил съ, сколько оно могло разпространиться по плану шворенія. Разположеніе сихъ великихъ шѣлъ было столь хорошо вычислено по пространству, времени и взаимнымъ тяжестямъ, что всѣ небесныя движенія производятся въ совершенномъ порядкѣ, отступленія (écart) бывають самыя малѣйшія, и вездѣ находятяся соразмѣрныя замѣны.

Идея входитъ въ составъ разума міра, подобно какъ атома входитъ въ составъ міра физическаго. Если бы сія идея, или сія атома, не была взята за основаніе, тогда послѣдовалъ бы иной порядокъ вещей, которой произвелъ бы другія связи; а нынѣшняя Система была бы принуждена уступить мѣсто свое иной Системѣ. Ибо сія идея, или сія атома, связана съ другими идеями или атомами, а чрезъ сіи съ гораздо большими частями Цѣлаго. Если же кто скажетъ, что онѣ ни съ чѣмъ не имѣютъ связи, то спрошу, что будетъ причиною ихъ существованія?

(Продолженіе будетъ впредь.)

Спашыи изъ Contemplation de la Nature.

Продолженіе.

Читатель хочетъ, чтобы я доказалъ сіе ошупительнѣе. Идея представляется душѣ нашей не иначе, какъ въ слѣдствіе движенія, въ мозгу произшедшаго — извѣстно, что всѣ наши идеи имѣютъ первое свое начало отъ чувствъ — сіе движеніе и само зависѣло отъ другаго движенія, связаннаго еще съ другими предшествовавшими; и рядъ всѣхъ сихъ движеній составляетъ цѣпь твоей разумной жизни, которая по сему есть ни что иное, какъ слѣдствіе мѣста, занимаемаго тобою въ лѣзвѣицѣ существъ мыслящихъ.

Какъ! скажетъ Пирронъ: сей маленькой камень, которой вижу на берегу журчащаго ручья, связанъ со всею Натурою? Конечно; ручей оторвалъ его отъ бугра ближней горы — и пошому существованіе сего камня было сопряжено съ существованіемъ ручья и горы. Образование горы, бугра, теченіе ручья, его дирекція или направленіе — все сіе опредѣлено тысячью особливыхъ обстоятельствъ, которыя всѣ связаны со всеобщю Теорією нашего шара.

Но по крайней мѣрѣ, возразитъ Пирронъ, существованіе камня бесплодно; и я не вижу, какія дѣйствія могутъ произойти отъ того. Будучи претворенъ въ известъ, перейдетъ онъ въ сущность растѣнія, изъ растѣнія въ живое, или войдетъ можетъ быть въ кабинетъ любопытнаго человѣка, которой черезъ него узнаетъ истинное происхожденіе камней; а сіе открытіе поведетъ его къ другимъ важнѣйшимъ, которыя усовершенствуютъ общую Физику. Первой кусокъ янтаря, въ которомъ узнали электрическую силу, не былъ ли первымъ кольцомъ сей прекрасной цѣпи опытовъ, въ которой на другомъ концѣ нашли мы причину грома? Какая же видимая связь между кускомъ янтаря и громомъ? Можно ли было мудрецамъ древности угадать всѣ среднія кольца сей цѣпи? Сколько же есть такихъ колецъ, которыхъ мы не знаемъ!

Не станемъ въ томъ сомнѣваться. *Вышній Разумъ* столь тѣсно связалъ всѣ части Своего творенія, что нѣтъ ни одной, которая бы не имѣла сношеній со всею Системою. Грибъ и сырной червь такъ же входящъ въ сію Систему, какъ кедръ и слонъ.

Всѣ сіи малыя произведенія Натуры, почитаемыя немыслящими людьми совсѣмъ безполезными, никакъ не суть пылинки на колесахъ машины міра; нѣтъ, онѣ сами суть маленькія колесца, вставленныя въ колеса большія.

И такъ различныя существа, особливо свойственныя каждому міру, могутъ быть почитаемы за столько же особенныхъ Системъ, присоединенныхъ къ главной Системѣ разными отношеніями; а сія Система сама прицѣплена къ другимъ пространнѣйшимъ Системамъ, которыя въ совокупности составляютъ всеобщую Систему.

И такъ нѣтъ ничего *отдѣльнаго* (*d'isolé*). Каждое существо имѣетъ собственную свою дѣятельность, а сфера сей дѣятельности опредѣлена пою степенью, которую надлежало ему занять во Вселенной. Сырной червь есть самой малой двигатель, содѣйствующій съ другими двигателями, которыхъ дѣятельность разпространяется на большее разстояніе. Такимъ образомъ сферы болѣе и болѣе разпространяются, и сія чудесная прогрессія постепенно возвышается, отъ вихря амбры до вихря солнечнаго,

отъ сферы сырнато червячка до сферы Ангела.

Стихіи дѣйствуютъ взаимно одна на другую, по нѣкошорымъ законамъ, производящимъ отъ ихъ отношеній; а сіи отношенія связываютъ ихъ съ минералами, растѣніями, животными и съ человекомъ; сей человекъ, такъ какъ главной стволъ дерева, разпускаетъ вѣтви свои по всему шару.

Роды и единицы (Individus) имѣютъ отношеніе къ величинѣ и твердоспи земли. Величина и твердоспъ земли имѣетъ отношеніе къ мѣсту, которое она занимаетъ въ планетной Системѣ.

Солнце дѣйствуетъ тяжеспію своею на Планеты, а Планеты на солнце и одна на другую. Всѣ купно дѣйствуютъ на ближайшія Системы, а сіи на отдаленнѣйшія, и всы Вселенной пребываютъ въ равновѣсіи, будучи держимы *Рукою Иэконн Сущаго*.

Физическое связывается съ нравственнымъ, нравственное съ физическимъ. То и другое имѣютъ послѣднимъ своимъ предметомъ блаженство существъ разумныхъ.

Уже ли разумъ не познаетъ отношеній глаза ко свѣту, уха къ воздуху, языка къ словамъ?

Душа человѣческая, соединенная съ органическимъ тѣломъ, посредствомъ сего тѣла имѣетъ сообщеніе со всею Натурою.

Отъ сихъ всеобщихъ началъ происходитъ сдѣленіе причинъ съ дѣйствіями, и дѣйствій съ причинами.

Отъ сего происходитъ еще и сей неразрушимый союзъ, которой дѣлаетъ изъ прошедшаго, настоящаго, будущаго и вѣчности единое бытіе, одно нераздѣльное Цѣлое.

Отъ сношеній, которыя находятся между всѣми частями міра, и по которымъ онъ всѣ стремится ко всеобщему предмету, происходитъ гармонія сего міра.

Отношенія, связующія всѣ міры, составляютъ гармонію Вселенной.

Красота міра основывается на гармонической разнообразности существъ, его составляющихъ, на числѣ, на пространствѣ, на качествахъ ихъ дѣйствій, и на сложности щастія, отъ того произтекающаго.

ШЕВАЛЬЕ де ЛОРДА,

ИЛИ

Героизмъ Мужества и Человѣколюбія (*).

Всякой день — о чемъ уже я говорилъ съ прискорбіемъ — повѣствуютъ намъ съ возторгомъ о великихъ дѣяніяхъ, почерпнутыхъ изъ Греческой и Римской Истории, а нѣкоторой родъ неблагоударнаго молчанія въ наши времена предастъ забвенію память удивительныхъ дѣлъ, которыя, можетъ быть, превозходятъ и всѣ древнія. Отъ чего же происходитъ сіе столь несправедливое предразсужденіе? Отъ того, что зависть отвергаетъ всѣ предметы сравненія, могущіе ее зашмить, и весьма къ ней близкіе; отъ того, что человѣкъ рождается завистливъ, и что гордость его старается отдалить отъ себя достоинства, которое онъ принужденъ признавать въ сердцѣ своемъ. По крайней мѣрѣ не чувствуетъ онъ того стыда, въ которой привело бы его настоящее превозход-

---

(*) Изъ *Délassemens de l'Homme sensible.*

ходство; отдаленность прошедшаго ослабляетъ блескъ, несносной для его зрѣнія, оскорбляющей его самолюбіе. Душа, питающаяся правилами истинны и добродѣтели, возносится выше сихъ низкихъ слабостей, сродныхъ человѣческому роду; и не только не удаляетъ отъ себя образъ, могущій пронуть ея самолюбіе, но еще съ удовольствіемъ приближаетъ его къ себѣ, и возноситъ его, такъ сказать, на подножіе Славы. Какой честной человѣкъ изъ нашей націи не захочетъ спасти отъ забвенія изящное дѣйствіе Шевалье д'Асса, и кто съ такимъ же удовольствіемъ не воздастъ хвалы славному дѣлу Шевалье де Лорда?

Сей почтенія достойной Офицеръ находился въ прошедшую войну на одномъ фрегатѣ, въ которой, послѣ долговременнаго сраженія, со всѣхъ сторонъ потекла вода. Опасность умножалась, и фрегатъ сталъ опускаться ко дну. Шевалье не находилъ тогда иного средства ко спасенію, какъ броситься въ море, — и бросается. Подлѣ него плылъ матрозъ. Сей великодушной человѣкъ, бывъ свидѣтелемъ опасности, въ которой находился Шевалье, подплылъ къ нему ближе. — „Я вамъ не дамъ погибнуть, господинъ

Офицеръ, говорилъ матрозъ: море мнѣ знакомѣе вашего; положитесь на мою опытность и мое усердіе; мы конечно выдемъ изъ бѣды. „ . . . Сказалъ, и вѣ шу же минушу вскинулъ себѣ на плеча Г. Лорда.

Берегъ былъ отъ нихъ далѣе мили. Казалось, что погода хотѣла непременно преодолѣть ихъ усиліе; море волновалось; бѣдной матрозъ, будучи столько обремененъ, изтощалъ всѣ силы свои. „ Положитесь на меня, говорилъ онъ Офицеру: мы побѣдимъ бурю; мы доплывемъ до берегу. Смотрите, держитесь только крѣпче; не свалитесь съ меня. „

Сей доброй человѣкъ надѣялся на свое мужество и благородное рвеніе спасти Офицера. Онъ старался бороться со злобнымъ рокомъ, которой силился лишить его славы великодушнаго дѣла. Наконецъ онъ ослабѣлъ. Г. Лорда примѣтилъ сіе. — Скажи мнѣ, другъ мой, спросилъ Шевалье, и скажи правду: можешь ли ты плыть далѣе? Матрозъ не отвѣчалъ ничего; старался собрать всѣ силы свои, и все еще плылъ, — но по томъ остановился. „ Ахъ! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: силы мои — силы мои, кажет-

кажется, изтопились . . . Боже мой! уже ли мы погибнемъ!,, — Шевалье перервалъ рѣчь его: а можешь ли ты одинъ спастись? Матрозъ опять не отвѣчалъ ни слова, и снова силился плыть, — но тщетно. Говори, говори! продолжалъ Шевалье. „Можетъ быть, отвѣчалъ матрозъ — внутреннее ощущеніе принудило его сказать сіе — но,, . . . Шевалье болѣе ничего не слушалъ; тотчасъ пустилъ его — хотя матрозъ и старался его удержатъ — ошдѣлился отъ него, и боролся нѣсколько времени съ волнами. Матрозъ къ нему приблизился; но Г. *Лорда* оттолкнулъ его и — въ волнахъ сокрылся.

Матросъ благополучно доплылъ до берега. Онъ еще и по нынѣ со слезами рассказываетъ сіе жалкое произшествіе. Да будутъ же листы мои памятникомъ онаго! Да включится сіе дѣйствіе въ число дѣлъ истиннаго мужества и человѣколюбія!

И С Т О Р І Я

С Л Ъ П А Г О,

Получившаго зрѣніе.

Зрѣніе есть такое чувство, которое требуетъ многихъ знаній и заключеній души, естли хотимъ имѣть надлежащее понятіе о видимыхъ нами вещахъ. Но какъ мы отъ младенчества къ оному привыкаемъ, и нужное къ тому знаніе приобретаемъ мало помалу, то зрѣніе становится наконецъ для насъ столь легкимъ дѣйствіемъ, что мы совсемъ не чувствуемъ заключеній, дѣлаемыхъ при томъ душою нашею. Но сколько опытовъ потребно къ наукѣ совершенно видѣть, сіе показываетъ намъ лучше всего Исторія тѣхъ людей, которые во всю свою жизнь были слѣпы, и по томъ вдругъ получили зрѣніе. Мы расскажемъ теперь исторію одного Англичанина, ослѣпнувшаго въ самыхъ дѣтскихъ лѣтахъ отъ бѣльмо, которое на четырнадцатомъ году у него прорѣзали, послѣ чего онъ сталъ опять совершенно видѣть.

Бѣль-

Бѣльмо не совсѣмъ ослабило сего ребенка, такъ что онъ чувствовалъ еще блескъ лучей солнечныхъ, и при ясномъ свѣтѣ могъ нѣкоторымъ образомъ различать цвѣты. Когда у него бѣльмо прорѣзали, и онъ сталъ видѣть, то никакъ не могъ представить себѣ, чтобы видимыя имъ вещи были такъ удалены отъ глазъ его; ибо онъ воображалъ, что всѣ предметы прикасались къ его глазамъ, подобно какъ рука его прикасалась къ осязаемой имъ вещи. Всего лучше нравились ему шѣ вещи, которыя были гладки и регулярны, хотя и не могъ онъ судить о ихъ образѣ, ниже опредѣлить того, что въ предметѣ было ему пріятно. Фигуры вещей были ему совсѣмъ неизвѣстны; никакого предмета не могъ онъ отличать отъ другаго, сколь бы они ни различались видомъ и величиною. Но когда ему указывали шѣ вещи, которыя прежде были ему извѣстны по осязанію, то обыкновенно разсматривалъ онъ ихъ съ великимъ вниманіемъ, чтобы послѣ знать оныя. Но ему надлежало узнавать множество предметовъ вдругъ; и пошому онъ опять многое забывалъ, и, по собственнымъ словамъ его, въ первые дни узнавалъ и опять забы-

забывалъ тысячи вещей. Забывая нѣ-
сколько разъ, какое животное называ-
лось собакою, и какое кошкою, стыдил-
ся онъ о томъ спрашивать. Однажды,
схвативъ кошку, которую зналъ по ося-
занію, смотрѣлъ на нее долго и при-
стально, и, пустивъ ее, сказалъ: хоро-
шо — я уже тебя буду знать. Весьма
дивился онъ тому, что самые любезнѣй-
шіе ему предметы не казались глазамъ
его самыми пріятнѣйшими; ибо онъ ду-
малъ, что тѣ люди, которые были ему
всѣхъ милѣе, покажутся ему лучшими,
и что пріятнѣйшія для его вкуса вещи
будутъ и для его зрѣнія пріятнѣйшими.
Надѣялись, что онъ конечно угадаетъ
предметы, изображенные на картинахъ;
но въ семъ ошиблись: ибо уже черезъ два
мѣсяца послѣ его совершеннаго прозрѣ-
нія узналъ онъ, что сіи картины пред-
ставляютъ разныя тѣла, почитая пре-
жде сіи изображенія за однѣ плоскости,
разпещренные разными красками. Но
сіе открытіе привело его въ новое изум-
леніе; ибо онъ думалъ, что изображеніе
предметовъ можно такъ же осязать,
какъ и самые предметы. Онъ весьма
удивлялся, что тѣ вещи, которыя отъ
свѣта и тѣней своихъ кажутся круглы-
ми

ми и неровными, въ осязаніи бывають такъ же плоски, какъ и прочія; и по-тому спрашивалъ, которое чувство обманывается: осязаніе, или зрѣніе?

Когда показали ему миніатюрной портретъ его отца, которой мать его носила на часовой цѣпочкѣ, и сказали, что сей портретъ изображаетъ: то онъ тотчасъ нашелъ сходство, но не могъ понять, какъ можно большое лицо изобразить на такомъ маломъ пространствѣ. *Этому бы я такъ же не повѣрилъ, сказалъ онъ, какъ и тому, чтобы четверть хлѣба можно было всыпать въ четверникъ.*

Сперва не могъ онъ вдругъ обозрѣвать многихъ предметовъ, и видимые имъ почиталъ весьма великими; но увидѣвъ большія вещи, представлялъ себѣ меньшими, которыя прежде видѣлъ. Знаю, говорилъ онъ, что комната, въ которой живу, составляетъ только часть дома; но не могу себѣ представить, чтобы цѣлой домъ казался болѣе моей комнаты. Будучи еще слѣпъ, не ожидалъ онъ отъ зрѣнія великой пользы, кромѣ возможности читать и писать, и по тому не хотѣлъ подвергнуться опасной операціи. Онъ не думалъ найсти большаго удовольствія въ томъ,

шомъ, чшобы ходить по разнымъ мѣстамъ; а былъ доволенъ и шѣмъ, что могъ свободно гулять по своему саду. Онъ зналъ эту выгоду слѣпоты своей, что въ шемнотѣ могъ ходигъ гораздо лучше всѣхъ видящхъ людей; а сей способности не скоро лишился онъ и по своемъ прозрѣніи, и никогда не требовалъ свѣта, еспьли ему надобно было ночью итти куда нибудь въ своемъ домѣ. Всякой новой предметъ приносилъ ему новую радость; и удовольствіе его было такъ велико, что онъ не находилъ словъ къ изъясненію онаго. Оператора почиталъ онъ своимъ благодарѣтелемъ, и долго не могъ его видѣть безъ радостныхъ слезъ и другихъ знаковъ любви. Когда Операторъ за чѣмъ нибудь не могъ приити къ нему въ назначенное время, то онъ отъ великой горести проливалъ слезы.

Черезъ годъ послѣ щастливой операціи привели его на Эссонскіе холмы. Тутъ открылись ему разные виды, которые привели его въ восхищеніе. Возможность обозрѣвать вдругъ множество отдаленныхъ предметовъ называлъ онъ *новымъ родомъ эрвнія*.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ МЕЛАНХОЛИКА.

Зима свирѣпая исчезла,
Исчезли мразы, иней, снѣгѣ;
И мракѣ, все въ мірѣ покрывавшій,
Какѣ дымѣ разсѣялся, исчезѣ.

Не слышимѣ рева вѣтровѣ бурныхѣ,
Страшившихѣ странника въ пути;
Не видимѣ тучѣ тяжелыхѣ, черныхѣ,
Текущихѣ съ Сѣвера на Югѣ.

Весна съ улыбкою приходитѣ;
За нею слѣдомѣ мирѣ течетѣ.
На персяхѣ нѣжныя Природы
Играетѣ, рѣзвится Зефирѣ.

Дождѣ тихій съ неба къ намѣ ліется
И все твореніе живитѣ;
Вѣ поляхѣ всѣ травы зеленѣютѣ,
И лугѣ цвѣтами весь покрывѣ.

Уже фіялка разпустилась,
Смиренно подѣ кустомѣ цвѣшетѣ,
Амброзіей питаетѣ воздухѣ;
Не ждя похвалѣ, благодѣтворитѣ.

На вѣтвяхѣ птички воспѣваютѣ
Хвалу всещедрому Творцу;
Любовѣ ихѣ пѣсни соглашаетѣ,
Любовѣ сердца ихѣ веселишѣ.

Овечки крошкія гуляють
И щиплють травку на лугахъ;
Въ сердцахъ любовь къ Творцу питають —
Безъ словъ Его благодарять.

Пастухъ играетъ на свирѣли,
Лежа безопасно на травѣ;
Пишась духомъ благовоннымъ,
Онъ хвалитъ красоту весны.

Вездѣ, вездѣ сіяетъ радость,
Вездѣ веселіе одно;
Но я, печалью опягченный,
Брожу уныло по лѣсамъ.

Въ лугахъ печаль со мною бродитъ.
Смотря въ ручей, я слезы лью;
Слезами воду возмущаю,
Волную вздохами ее. —

Творецъ премудрый, милосердый!
Когда придетъ весна моя,
Зима печали удалится,
Разсѣется душевный мракъ?

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

СЕЛЬСКАЯ ДРАМА
съ пѣснями
въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПАЛЕМОНЪ, старой пастухъ.

ЛИЗИАСЪ, молодой Спаршанецъ.

ЭВФЕМОНЪ, Аркадской пастухъ.

ДАФНА, Лизіасова невѣста.

ЭВЕРГЕТА, жена Эвфемснова.

ЛАВРА, }
ДОРИСЪ, } дочери Эвфемоновы.

Дѣйствіе въ Аркадіи.

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лизіасъ, Дафна.

Лизіасъ.

Конечно мы съ тобою
Въ Аркадію пришли;
Любезнѣйшая Дафна!
Здѣсь вѣчная весна
Въ долинахъ зеленѣетъ;
Здѣсь крошкой вѣтерокъ
Колеблетъ воздухъ свѣжій,
Безъ терна цвѣтъ растетъ,
И небо чисто, ясно.
Конечно мы съ тобой,
Любезнѣйшая Дафна,
Въ Аркадію пришли.

Дафна.

Ахъ, Лизіасъ! мы вѣрно
Въ Аркадію теперь.
Здѣсь все покойно, мирно.
Гармонія пѣвцевъ,
Поющихъ на кусточкахъ,

Въ возторгѣ приводишѣ насѣ.
Они, не зная страха,
На встрѣчу къ намѣ летяшѣ.
Ахѣ, Лизіасѣ! мы вѣрно
Вѣ Аркадіи теперь.

В м ѣ с т ѣ.

Будьте вы благословенны,
Вы, долины и луга,
Гдѣ вовѣки обитаютѣ
Добродѣтель и покой!
Примите насѣ, долины,
Примите нѣжно насѣ,
И укройте съ лаской юность!
Мы пришли сюда искать
Щастья, вольности, покоя.
Намѣ любовь, кончая жизнь,
Щастья здѣсь искать велѣла,
Щастья, мира, тишины.

Д а ф н а.

Добродѣтельная Аканта, сказавѣ,
что я только вѣ Аркадіи могу быть
щастлива, конечно насѣ не обманула.
Какое великолѣпное зрѣлище открывае-
ся со всѣхѣ сторонѣ! Вездѣ блистаетѣ
Натура избраннѣйшими своими сокрови-
щами, и для каждаго чувства пригото-
вляетѣ богатое пиршество. Мнѣ кажет-
ся,

ся, что я дышу здѣсь гораздо чистѣйшимъ воздухомъ. Совсѣмъ необыкновенныя чувства разливаются у меня въ сердцѣ; возшоргъ, сладостное упоеніе . . . . Ахъ, добродѣтельной юноша! какъ я тебѣ благодарна, что ты исполнилъ мое желаніе и привелъ меня сюда!

Лизіасъ.

Но исполнишь ли теперь и мое желаніе, любезная Дафна? Вѣдь ты помнишь, что мы общала?

Дафна.

Руку мою? Не правда ли? — Ахъ, другъ мой! могу ли чѣмъ нибудь мало-важнѣйшимъ наградить тебя за то, что ты оставилъ для меня свое отечество?

Лизіасъ.

А сердце твое? — Ахъ, Дафна! можешь ли ты наградить меня чѣмъ нибудь важнѣйшимъ?

Дафна.

Сердце давно уже отдано тебѣ за твои добродѣтели. Развѣ ты этова не знаешь?

Лиэіасъ.

Для чего же — никогда еще не осмѣливался я хорошенько спросить тебя о томъ — для чего ты въ самой Спар-тѣ не хотѣла мнѣ вмѣстѣ съ сердцемъ дать руки своей?

Дафна.

Для испытанія твоей любви ко мнѣ.

Лиэіасъ.

Развѣ бы я не пошелъ уже съ тобою на край свѣта, когда бы ты увѣнчала любовь мою? Не уже ли ты этова боялась?

Дафна.

Нѣтъ, я боялась отсрочки. Скажи мнѣ юноша, какъ бы я, спавъ твоею, могла тебя въ чемъ нибудь не послушаться?

Лиэіасъ.

А какъ же бы и я могъ тебя не послушаться и не исполнить твоего желанія, какъ бы скоро узналъ его? — Вѣдь я знаю, что мать твоя Аканта хотѣла этова.

Даф-

Д а ф н а.

Мать моя, говоришь ты? Такъ знай же, что Аканша была мнѣ не мать.

Лизіасъ.

Не мать?

Д а ф н а.

Нѣтъ, однакожь я обязана была любить ее, какъ мать свою; потому что она возишывала меня съ такою нѣжною попечительностію, съ такимъ неусыпнымъ стараніемъ — —

Лизіасъ.

Да кто же она была? и откуда?

Д а ф н а.

Изъ Аркадіи. Въ послѣднее нападеніе Спартанцевъ на безоружныя Аркадіскія долины была она уведена отсюда вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Она вышла за мужъ за похитителя своего, болѣе по принужденію, нежели по избранію; а по прошествіи пятнадцати лѣтъ смерть мужа ея освободила ее отъ брачныхъ узъ.

Лизіасъ.

Какое чудо! А я всегда почиталъ тебя Аканшиною дочерью.

Д а ф н а.

И я такъ думала; потому что съ самаго того времени, какъ начала себя чувствовать, не помню ни одной женщины, которая бы меня такъ любила, какъ она, и которую бы могла я почесть своею матерью. Иногда носится въ моихъ мысляхъ какой-то образъ, которой приводитъ сердце мое въ несказанное сладостное движеніе, и въ такомъ случаѣ кажется мнѣ, будто я его когда-то видала, можетъ быть въ самыхъ первыхъ лѣтахъ дѣтства; но подлинно не знаю, что это такое: одна ли мечта сновидѣнія, или память моя старается опять возобновить существенной образъ, заглаженной временемъ. — Но будемъ говорить объ Акантѣ. Поздо уже настало время свободы ея. Будучи снѣдаема тайною горестію, она должна была оставить ту сладкую надежду, которая ободряла ее во время неволи — надежду увидѣть опять любезныя свои долины; а это ускорило конецъ ея.

Ляэіасъ.

И такъ она не долго жила по смерти мужа своего?

Д а ф н а.

Только десять горестныхъ мѣсяцевъ. День отъ дня слабость ея увеличивалась; и въ самой шотъ часъ, какъ свѣшильникъ жизни ея готовъ былъ погаснуть, она подозвала меня къ постелѣ своей, и перерывающимся голосомъ сказала мнѣ: Дафна! я приняла на себя имя матери твоей только для того, чтобы мужъ мой любилъ тебя; ты дочь любезнѣйшей моей пріятельницы. — По шотъ говорила она:

Естьли боги присудили
Быть здѣсь щасливой тебѣ,
То въ Аркадіи ты можешь
Щастье, миръ, покой найти.
Тамъ опять найди то можешь,
Что теряешь здѣсь во мнѣ.

Она хотѣла говорить болѣе, но смерть отняла у нее языкъ, и покрыла мракомъ глаза ея, которые она нѣсколько разъ съ шоскою на меня устремляла. Молча пожала она руку мою, и скончалась.

Л и з і а с ъ

И во всю жизнь свою не говорила тебѣ ничего такого, почему бы мож-

но было догадаться, кто были родители швон, и гдѣ тебѣ искать ихъ?

Д а ф н а.

Ничего. Она говаривала только объ одномъ отечествѣ своемъ; и сердце ея сколько имъ занималось, что Аркадія была у нее всегда на языкѣ. Тамъ только, говорила она, только въ этой радостной странѣ можно еще найти истинное благополучіе.

Богатой тамъ всегда умѣренъ,
Доволенъ бѣдной, и въ трудахъ
Тамъ всякой веселъ и покоенъ.
Тамъ вѣрны, нѣжны всѣ въ любви.
Тамъ старый молодъ, бодръ вселивемъ;
А юный нравомъ, духомъ старъ.
Тамъ нѣтъ вражды, коварства, злобы.
Злаемое время тамъ тешетъ.

Коротко сказать, въ Аркадіи царствуетъ простота, невинность и радость. — Такими прелестными изображеніями сердце мое планилось, и я внутренно рѣшилась не выходить за мужъ ни за какого юношу безъ того, чтобы онъ не далъ мнѣ слова проводить меня въ щасливую Аркадію. Тебѣ извѣстно, что

что съ моей стороны не было иного
условія, когда ты за меня спалъ сва-
ташься.

Лизіасъ.

Оно исполнено, любезная Дафна!
Для тебя оставилъ я свое опечесиво,
Спарту.

Дафна.

Однакожь ты не раскаиваешься?

Лизіасъ.

Ахъ! когда бы добродѣтель
Нашихъ предковъ и опцевъ
И понынѣ напрягала
Мышцы нашихъ согражданъ,
Въ нѣгѣ, въ розкоши ослабшихъ;
Ахъ! когда бы гражданинъ
И теперь еще Героемъ,
Патріотомъ умиралъ:
Я тогда бы могъ стыдиться,
Могъ разкаяться, шужить.

Но когда порокъ въ тирановъ
И въ рабовъ ихъ превратилъ;
И когда любовь къ корысти,
Злоба, буншы, заговоръ,
Вольность въ узы заключають:
Ахъ! могу ли я тогда
Пожалѣть, оставя Спарту,
И разкаяться въ душѣ?

Но

Но могъ ли бы я и въ самыхъ счастливейшихъ обстоятельствахъ разкаяться въ томъ, когда ты будешь моею наградою? — Ты, любезная Дафна! — Но когда же — когда?

Да ф н а.

Всякую минуту. При первомъ олтарѣ, посвященномъ Пану, поклянусь я быть твоею. Для счастья любви нашей потребно благословеніе боговъ.

Лизіасъ.

Правда, что для успѣха каждаго дѣла потребно благословеніе боговъ. И конечно они благословятъ любовь нашу. Ты прекрасна, и еще болѣе, нежели прекрасна — ты добродѣтельна. Ахъ, какъ я счастливъ!

Да ф н а.

Какъ и я счастлива! пошому что и ты добродѣтеленъ.

Лизіасъ.

Но не ищи ли намъ къ этимъ счастливымъ жителямъ, и не познакомишься ли съ жителями, чтобы они указали намъ мѣсто олтарей своихъ?

Да ф -

Д а ф н а.

Съ радостію. Естли они шакъ добры, какъ Аканта говорила, то имъ надобно радоваться нашему благополучію; потому что добрые люди всегда веселятся радостію другихъ, и гостепріимство, сказывающъ, ни гдѣ шакъ не наблюдается, какъ здѣсь.

Л и з і а с ъ.

Однакожь будемъ нѣсколько поосторожныѣе.

Д а ф н а.

А что?

Л и з і а с ъ.

Пятнаццать лѣтъ, говоришь ты, Аканта не была въ Аркадіи. Морозъ можешъ въ одну ночь побить самыя прекраснѣйшіе цвѣты, а заразительной порокъ можешъ въ малое время перемѣнить народные нравы. Подумай о моемъ опечиствѣ — о Снарта! зачѣмъ называю тебя такимъ именемъ!

Д а ф н а.

Не бойся ничего; я полагаюсь на предчувствіе сердца своего — на тайное движеніе, шуда меня влекущее.

Л и з і а с ъ.

Лизіасъ.

По крайней мѣрѣ позволь мнѣ ипши напередъ, и поискашь когонибудь изъ жителей. Можетъ быть угадаю по виду и словамъ его, какого приѣма намъ здѣсь ожидать надобно. Между тѣмъ ты можешь укрыться здѣсь въ лѣсу. Я пойду только за эпочъ кустарникъ, которой закрываетъ отъ насъ часть хижинъ.

Дафна.

Хорошо. Только поскорѣе приходи назадъ.

Лизіасъ.

Какъ голубь, которой лепитъ назадъ къ своей голубкѣ.

(Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е II.

Дафна одна.

Добродушной Лизіасъ! — Какъ онъ старается о моемъ щастіи! Любовь дѣлаетъ его боязливымъ; а между тѣмъ онъ забываетъ, что безъ него могло бы
мнѣ

мнѣ быть еще страшнѣе. Однакожь въ
этой спокойной долині не чего бояться.

Гдѣ нравы просты, тихи, крошки;
Гдѣ въ сельскихъ хижинахъ живутъ,
И любящъ воздухомъ питаются;
Гдѣ пища состоишь въ плодахъ,
И гдѣ руно одеждой служишь:
Невинность безопасна тамъ.

Но гдѣ во мраморныхъ чертогахъ
Со скукой праздность жизнь влачитъ;
Гдѣ червь Индійскій есть одежда;
Куда изъ Тира пурпуръ шлютъ;
Гдѣ алчность къ злату горы роетъ:
Невинность тамъ спрашисъ всего!

Кажется — кажется, что въ ку-
стахъ слышу я шумъ. — Тише! —
Шорохъ приближается. — Я спрячусь
за дерево, и посмотрю, кто это.

(Прячется за кустъ)

(Продолженіе будетъ впредь)

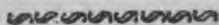
ВЗДОХЪ.

Мѣсяцъ возходишь, мѣсяцъ прекрасный,
Тихій, любезный спутникъ земли;
Сребряный, ясный свѣтъ изливаетъ,
Нѣжно блистаетъ въ чистыхъ водахъ.

Въ щасіи, въ мирѣ, въ тихомъ весельѣ,
Я наслаждался свѣтомъ твоимъ,
Мѣсяцъ прекрасный! здѣсь, въ Альциндоромъ
Въ рощѣ дубовой ночью сидѣвъ.

Чувства изъ груди въ грудь преливались,
Нѣжныя чувства дружбы, любви.
Нѣтъ Альциндора! . . . Тыся надъ гробомъ
Юнаго друга помно шумашъ.

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е III.

*Лавра и Дорисъ, неся въ ру-
кахъ корзинки
съ цвѣтами.*

Л а в р а.

Цвѣточикъ милъ въ лугахъ,
Когда росую утра
Бываетъ окропленъ;
Когда днемъ юнымъ, яснымъ,
Бываетъ позлащенъ.
Но онъ тогда милѣе,
Когда въ полдневный жаръ,
Головку разпусшивши,
Пестрѣетъ какъ звѣзда.

(Смотритъ на цвѣточикъ.)

Д о р и с ъ.

Но онъ еще милѣе,
Когда престанетъ лучъ
Блестящаго свѣшила
Палишь его огнемъ;
Когда прохладный воздухъ
Бальзамомъ напоенъ;
Когда зефиры дышущъ,

И пурпуръ на него
Дыханьемъ навѣваютьъ.

Посмотри, какъ прекрасно все вокругъ насъ блискаешь! Какъ все хорошо пахнетъ! — Мнѣ право кажется, что ввечеру, когда заходитъ солнце, всѣ виды бывающъ прекраснѣе, нежели поутру.

Л а в р а.

А я лучше люблю утро. Когда вдругъ всѣ поля, покрышыя мракомъ, въ числѣйшемъ свѣтѣ представляются глазамъ нашимъ; когда дремавшая Природа пробудится и снова придетъ въ движеніе, и все, на что ни взглянешь, оживетъ и возрадуется; когда весь хоръ маленькихъ сладкогласныхъ ппичекъ, сидящихъ по кусточкамъ, пристанетъ къ крошкой пѣсни парящаго жаворонка — —

Д о р и с ъ.

А когда послѣ жаркаго дня приблизится сладостной вечеръ и прольетъ на все нѣжную прохладу; когда подъ тихой шепотъ осинника и шопола и подъ журчаніе ручья запоетъ соловей громкую вечернюю пѣснь свою; когда спада просянувшись внизъ по пригорку, благовонными шравами усѣянному — —

Л а -

Л а в р а.

Такъ мы обѣ правы, миленькая сестрица. Каждое время въ сушкахъ имѣетъ свои пріятности; всякое любезно и сладостно, и наполняешь сердце благодареніемъ и радостію.

Д о р и с ъ.

Правда, правда, любезная Лавра. Поутру буду я съ тобою хвалить утро, а ввечеру хвали со мною вечеръ — такъ вошъ мы и согласны. — Да послушай, сестрица — довольно ли у насъ цвѣтовъ?

Л а в р а.

И очень, очень довольно. Посмотри, сколько у меня. Старичокъ нашъ могъ бы ими покрыть всѣ кипарисы вокругъ монумента — всѣ, сверху до низу.

Д о р и с ъ.

Когда цвѣты сплешешь въ вѣнки поплотнѣе, такъ ихъ много пойдетъ. А мнѣ хочется, чтобы и для насъ скольконибудь осталось.

Л а в р а.

Да естли бы ихъ и недоспало, такъ бы намъ не о чемъ было шужить.

Вѣдь здѣсь вездѣ растутъ цвѣты; мы ихъ ногами топчемъ. — Только скажу тебѣ за тайну, что нынѣ мнѣ очень тяжело рвать цвѣты, хотя это упражненіе для меня очень пріятно въ другое время.

Д о р и с ъ.

Отъ чего же?

Л а в р а.

Вѣдь ты знаешь, на что цвѣты надобны нашему Палемону?

Д о р и с ъ.

Конечно на возпомянаніе прежней пошери своей.

Л а в р а.

Не перерываетъ ли оно на нѣсколь-ко минутъ всегдашней радости нашей? По крайней мѣрѣ придетъ шумъ въ голову какая нибудь печальная мысль; а эшова я не люблю.

Любезны мнѣ миршы,
Торжественный блескъ,
Веселы свирѣли,
И танцы и плескъ,
И пиршество Пана,
И праздники жертвъ;

И жизнь всю въ забавахъ
Хочу провождать,
Не зная печали.
Какъ ввѣкъ небеса
Въ Аркадіи чисты,
Такъ Лаврины дни
Да будутъ прекрасны,
И чисты, и ясны,
И веселы ввѣкъ!

Д о р и с ъ.

Однакожь, любезная Лавра,

Развѣ солнце не прекрасно
И тогда, какъ облака
Флеромъ солнце покрываютъ?
И Природа красоту
Развѣ шрамитъ въ тѣ минуты,
Какъ торжественная ночь
Тьмой Природу покрываетъ?
Вѣдь для свѣта тѣнь нужна.

*(Дафна потихоньку выходитъ
и показывается Лаврѣ).*

*Л а в р а (бросаясь къ
сестрѣ).*

Ахъ, Дорисъ! посмотри, посмотри!

Д о р и с ъ.

О боги! кто это! — Какое чудное платье!

(Дорисъ и Лавра обнимаются и пристально смотрятъ на Дафну).

Л а в р а (тихонько).

Она такъ прекрасна, что я могла бы почестъ ее за богиню.

Я В Л Е Н І Е IV.

Л а в р а, Д о р и с ъ, Д а ф н а.

Д а ф н а (вслушавшись въ слова Лаврины).

Нѣтъ, нѣтъ, любезныя дѣти! я такая же смертная, какъ и вы. Я другъ вашъ, и почту себя щастливою, если вы захошите быть моими друзьями.

Л а в р а.

Какъ эпова не хотѣть! Видъ твой показываетъ, что ты не хуже самой лучшей пастушки нашей.

Д о -

Д о р и с ъ.

И мы бы конечно почли тебя своею, естли бы на тебѣ было не такое плашье.

Д а ф н а.

Я не ваша; однакожь желаю принадлежать вамъ, естли вы захотите принять меня.

Л а в р а.

Съ радостію, съ радостію! Пойдемъ въ наши хижины; и все, что у насъ есть, будешь твое.

Д о р и с ъ.

Все, все. Спада наши будутъ тебя кормить и одѣвать; ты будешь питаться лучшими плодами, которые, для нашего наслажденія, растутъ у насъ на прекрасныхъ деревьяхъ.

Д а ф н а.

Прелестныя дѣвушки! позвольте мнѣ насъ обнять и прижать къ сердцу! (*Проебя.*) Вижу теперь, что добродѣтельная Аканша правду говорила. — Удивленіе и радость — —

Л а в р а.

Удивленіе! Чему ты удивляешься? Старики наши говорятъ, что чужестран-

цы, которымъ мы нравимся, конечно пріятны богамъ, любящимъ свободу и простоту. Народъ долженъ радоваться, когда умножается число честныхъ людей, которые всѣми силами стараются быть добродѣтельными, и чрезъ то побуждаютъ насъ къ добру. Слава богамъ, что будетъ больше прилѣжныхъ людей, обрабатывающихъ долины наши! Опъ эпова онъ еще болѣе украсится.

Д о р и с ъ.

Можемъ ли мы думать, что благодѣтельная Природа только для насъ произвела плоды и спада, и только для насъ украшаетъ луга благовонными цвѣтами?

П о п е р е ж ѣ н н о.

Дорисъ. Когда у насъ цвѣтами
Покроются поля,

Лавра. Когда у насъ плодами
Покроются лѣса,

Дорисъ. Пріятно ли мнѣ будетъ
Всегда одной ихъ рвать?

Лавра. Пріятно ли мнѣ будетъ
Одной плоды срывать?

Вмѣстѣ. На что, на что намъ все богатство,
Когда дѣлишь его не лзя?

Д а е

Д а ф н а (сперва одна, а
по томъ всѣ три
вмѣстѣ.)

Блаженъ, блаженъ, кто въ щастьѣ ближ-
нихъ

Находитъ щастіе свое!

Вездѣ, во всемъ, всегда онъ щастливъ;

Всегда доволенъ, радъ, блаженъ!

Я В Л Е Н І Е V.

Прежнія, Лизіасъ, Эвфемонъ.

Л а в р а (увидѣвъ Лизіаса
и Эвфемона)

О боги! Дорисъ! посмотри, посмо-
три! вотъ опять новое явленіе!

Д о р и с ъ.

Ахъ! эшотъ молодой пастухъ —
однакожь онъ не пастухъ; онъ совсѣмъ
не таковъ, какъ пастухи наши — вѣр-
но пришелъ — съ нашимъ другомъ
(указывая на *Дафну*) — вѣдь ты хо-
чешь быть другомъ нашимъ? Однакожь
у тебя должно быть и другое имя.

— 95 —

Д а ф н а.

Дафна — я Дафна, а онъ (указывая на Лизіаса) Лизіасъ, мой спутникъ.

Лавра и Дорисъ вмѣстѣ.
Лизіасъ!

Эвфемонъ.

И такъ это твоя любезная, которая съ твоею ищетъ у насъ прибѣжища? — Здравствуй, прекрасная дѣвушка! Ты найдешь здѣсь все, чего желаешь.

Д а ф н а.

Благодарю тебя за твою любовь. Эти милыя дѣти подали мнѣ радостную надежду на хорошій пріемъ.

Л а в р а.

Ахъ, батюшка! какъ ласково, какъ пріятно обошлась она съ нами!

Д о р и с ъ.

Она обнимала насъ — —

Л а в р а.

Прижимала къ своему сердцу — —

Д о р и с ъ.

И называла своими друзьями.

Л и -

Лизіасъ.

Такъ ты отецъ эпихъ любезныхъ дѣвушекъ?

Эвфемонъ.

Такъ, другъ мой. — (*Дѣтямъ.*) Не забыли ли вы, что вамъ приказалъ почтенной Палемонъ?

Лавра.

Ахъ, нѣтъ! Только нечаянная встрѣча съ прекрасною Дафною — кажется, зовутъ ее Дафною — задержала насъ здѣсь.

Дорисъ.

Посмотри, батюшка — цвѣты уже нарваны.

Эвфемонъ.

Да еще не сплешены въ вѣнки; а вамъ можетъ быть нынѣ же надобно будетъ съ своими подругами нарвать больше цвѣтовъ, Завтра при возхожденіи солнца ваши дѣвическія руки украсятъ нашъ брачной олтарь.

Лавра (сестрѣ своей.)

Мнѣ это пришло на мысль въ ту же минушу, какъ я его увидѣла — —

До-

Д о р и с ъ.

И се подлѣ него. 'Ахъ! пойдѣмъ по-
скорѣе. Какъ же обрадуются наши па-
стухи и пастушки!

Л а в р а.

Мнѣ нетерпѣливо хочется сказать
имъ о томъ.

Д о р и с ъ.

Однакожь намъ надобно напередъ
сплести свои вѣнки.

(Обѣ поспѣшно уходятъ.)

(Продолженіе будетъ впредь.)

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЕ СТИХИ

А *   А *   П *

Зефиръ прохладный вѣстѣ,
 И Флору оставляя,
 Зефиръ со мной играетъ,
 Меня ушѣшить хочешъ;
 Печаль мою развѣять
 Намѣренъ непременно.
 Зефиръ! напрасно мыслишь
 Меня развеселиши,
 Мнѣ плакать не давая!
 Ты въ сердце не проникнешъ;
 Моя же горестъ въ сердцѣ.
 Но естли ты намѣренъ
 Мнѣ службу сослужиши,
 Лети, Зефиръ прекрасный,
 Къ тому, которой любишь
 Меня любовью нѣжной;
 Лети въ деревню къ другу;
 Найдя его подъ тѣнью
 Лежащаго покойно,
 Вѣй въ слухъ его тихонько,
 Что ты теперь услышишь.

„Разставшия съ тобою,
 Чего не думалъ сдѣлать?
 Разсматривалъ я присму,
 Желая то увидѣть,
 Что Ньютонову душу

Толикѣ занимало —
 Чшо Ньютоново око
 Въ возшоргѣ созерцало.
 Но ахѣ! мнѣ надлежало
 Тотчасѣ себѣ признахся,
 Чшо Ньютонова дара
 Совсѣмѣ я не имѣю;
 Чшо мнѣ не лѣзя проникнуть
 Въ составѣ чудесный свѣта,
 Дробить лучей седмичныхѣ
 Великаго свѣшила. —
 Я Ньютона оставилѣ.

Читая Философовѣ
 Я вздумалѣ Философомѣ
 Прослыхѣ въ Ученомѣ Свѣтѣ;
 Схвахивѣ перо, бумагу,
 Хошѣлѣ писать я много
 О томѣ, какѣ человекѣ
 Себя щаспливымѣ сдѣлать,
 И мудрымѣ быхѣ въ сей жизни.
 Но ахѣ! мнѣ надлежало
 Тотчасѣ себѣ признахся,
 Чшо духѣ сихѣ Философовѣ
 Во мнѣ не обихаетѣ;
 Чшо я того не знаю,
 О чемѣ писать намѣренѣ. —
 Вздохнухѣ, перо я бросилѣ.

Шатахся по рощамѣ,
 Внимая Филомелѣ,

Я Томсономъ быть вздумалъ,
И пѣшь злѣшое лѣшю;
Но ахъ! мнѣ надлежало
Тотчасъ себѣ признашся,
Что Томсонова гласа
Совсѣмъ я не имѣю —
Что пѣснь моя несносна. —
Вздохнувъ, молчашъ я долженъ.

Теперь брожу я въ полѣ,
Грущу и плачу горько,
Почувствую, какъ мало
Талантовъ я имѣю. — „

Зѣфиръ, Зѣфиръ прекрасный!
Лети въ деревню къ другу;
Найдя его подъ тѣнью
Лежащаго покойно,
Ввѣй въ слухъ его тихонько,
Что ты теперь услышалъ.

Г Р О З А.

Великъ Господь! вѣщаютъ громы,
Гремя, преща, пряся всю твердь.
Великъ Господь! вѣщаютъ бури,
Волнуя, пѣня Океанъ.

Дубъ древній, съ шумомъ потрясаясь,
Вѣщаетъ намъ: великъ Господь!
Ударомъ грома раздробляясь,
Гласитъ еще: великъ Господь!

Злодѣй, законы презиравшій,
Мяшежъ Природы всей узрѣвъ,
Блѣднѣетъ, падаетъ, взываетъ:
Великъ Господь и страшенъ злымъ!

Душа благая, врагъ пороковъ!
Внимая громамъ, шуму бурь, —
Съ улыбкой на небо взирая,
Вѣщаешь ты: коль благъ Господь!

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е VI.

Лизіасъ, Эвфемонъ, Дафна.

Лизіасъ.

Слышишь, любезная Дафна, что
эпосъ доброй пастухъ беретъ радостное
участіе въ исполненіи моего желанія, же-
ланія соединиться съ тобою, добродѣ-
тельная Дафна!

Дафна.

Въ сердцѣ своемъ благодарю его за
такое привѣтливое дружелюбіе, и языкъ
мой не можетъ изъяснить чувствуемой
мною благодарности.

Эвфемонъ.

Боги пламенно желаютъ
Щастья смертныхъ чадъ земли,
И хотятъ, чтобъ человеки
Знали щастіе свое.
Естьлижъ имъ уподобляться
Кто захочетъ изъ людей,
То святая добродѣтель
Есть единый путь къ тому.

Лизіасъ.

Ахъ! естли бы всѣ такъ думали, то за чѣмъ бы было намъ искать щастія въ такой опдаленности?

Эвфемонъ.

Здѣсь вы конечно найдете щастіе, естли ищите его въ тихомъ спокойствіи и въ тѣхъ дарахъ, копорыми благодѣтельной Панъ награждаетъ наши легкіе труды. Часы дня употребляемъ мы на сельскія работы, чтобы упомившись наслаждаться ночью пріятнѣйшимъ сномъ. Общественное согласіе и гармонія соединяющъ всѣхъ насъ твердымъ союзомъ. Отъ умѣренной пищи бываемъ мы здоровы, покойны, веселы.

Лизіасъ. (подавая Дафнѣ руку.)

Ахъ! какое щастіе ожидаетъ насъ здѣсь!

Эвфемонъ.

Но естли ищите его въ искусствен-ныхъ сценахъ жизни, гдѣ пышность въ обманчивыхъ мечтахъ ослѣпляетъ глаза блескомъ — въ розкошной, драгоцѣнной пищѣ, или въ шумныхъ забавахъ:

шо

то вы конечно обманетесь, и ничего по желанію своему не найдете здѣсь.

Д а ф н а.

Мы всего этого убѣгаемъ. Я видѣла издали розкошь и пышность, видѣла и презрѣла. Та, которая меня возпищивала, показала мнѣ всѣ опасныя слѣдствія ихъ, и увѣщевала меня искать счастья въ такой землѣ, гдѣ добродѣтель исполняющъ безъ гражданскаго закона, и гдѣ невинность доставляетъ чистыя радости, которыя не влекутъ за собою разкаянія — коротко скажешь, здѣсь въ Аркадіи.

Л и з і а с ъ.

Я уже сказывалъ тебѣ, добродушной пастухъ, что это было причиною долговременной отсрочки моего благополучія, которое никакъ бы не могло совершиться, если бы я не исполнилъ ея воли и не привелъ бы ее сюда, положась на ея обѣщаніе, что здѣсь увѣнчается мое желаніе.

Э в ф е ж о н ъ.

Оно увѣнчается, и день вашего союза будетъ радостнымъ днемъ для всей

Аркадіи. Мы не пропускаемъ случаевъ къ веселію, почиая за благоразуміе пользоваться жизнію, пока еще невинность и умѣренность бывающъ душою нашихъ забавъ; по тому что веселая улыбка на устахъ добродѣтели есть конечно пріятная жертва богамъ. И пошъ день бываетъ для насъ днемъ радостнѣйшимъ, въ которой можемъ мы споспѣшествовать щастію добрыхъ людей, пріятныхъ Небу.

Д а ф н а.

Мы надѣмся на милость боговъ, пришедши сюда единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ тишинѣ подражать вашимъ добродѣтелямъ. Конечно сами безсмертные вели насъ съ Лизіасомъ; потому что мы никогда не теряли дороги, и перешли такое великое разстояніе безъ большой опасности и утомленія.

Э в ф е м о н ъ.

Однакожь вамъ конечно нужно отдохновеніе. Пойдемте же со мною. Тамъ, за тѣнью этихъ высокихъ деревъ, гдѣ извивается маленькой ручеекъ, стоишь моя хижина; она обросла ясиномъ и козымъ лищемъ. Сперва прохладитесь сокомъ

сокомъ плодовъ, а по томъ представляю васъ друзьямъ своимъ.

Лизіасъ.

О естли бы они всѣ были подобны тебѣ!

Д а ф н а.

И милымъ дочерямъ швоимъ!

Эвфемонъ.

Перестаньте! Иначе буду думать, что васъ заразила лесь тѣхъ городовъ, откуда вы пришли къ намъ; а истина есть у насъ первое правило. — Когда отдохнете, то поведу васъ къ нашему старому Палемону, чтобы онъ далъ вамъ свое благословеніе.

Лизіасъ.

Палемону? — Да кто онъ?

Эвфемонъ.

Нашъ общій отецъ и другъ, одинъ изъ первыхъ пастуховъ нашихъ и господинъ многочисленныхъ стадъ. Съ нѣкошораго времени онъ совсѣмъ почти удаленъ отъ нашего небольшого общества, и построилъ себѣ гротъ въ этомъ лѣсу, гдѣ оплакиваетъ нѣкошорую важ-

ную потерю свою, которая отвратила его отъ радостей жизни, и преждевременно покрыла сѣдиною голову его.

Д а ф н а.

Кажется, что дочери твои объ немъ упоминали.

Э в ф е м о н ъ.

Можетъ быть; потому что мы всѣ любимъ его, какъ отца. Благоразуміе, опытность и добродѣтели его вселили въ насъ такое къ нему почтеніе, что въ долинахъ нашихъ не дѣлается ничего безъ его совѣта и вѣдома. Иногда призываетъ онъ къ себѣ дѣтей нашихъ, и сообщаетъ имъ добрыя наставленія въ пріятныхъ сказкахъ. Всякой боится впастъ въ порокъ, чтобы не потерять любви его. Никто изъ юношей и дѣвушекъ нашихъ не хочетъ любить безъ того, чтобы не посовѣщиваться съ нимъ о своемъ выборѣ, и не изпросить на свой союзъ его отеческаго благословенія. Онъ всегда предводительствуетъ нами, когда мы приносимъ жертву Пану, и кажется, что за молитву его оказываетъ намъ Небо свое благоволеніе.

Д а ф н а.

Поведи насъ къ нему, добродушной
настухъ, чѣобы онъ и за насъ помо-
лился, и чѣобы его благословеніе ошасп-
ливило союзъ нашъ. Не знаю, какое
сладостное чувство во мнѣ возбуждается!
При имени его бьется у меня сердце и
кровь волнуется. Пусть онъ совокупитъ
руки тѣхъ, кошорыхъ сердца любовію
совокупились! Ахъ, Лизіасъ! пусть онъ
ошдасъ насъ другъ другу!

Еще пріятнѣе мнѣ будетъ
Союзъ съ тобою, нѣжный другъ,
Когда рука свяшаго мужа
Его навѣки утвердитъ.
Ошца и матери не зная,
Не зная, какъ отецъ и мать
Свое дитя ласкаютъ, нѣжатъ,
Почту его своимъ ошцемъ,
И нѣжно поцѣлую руку
Того, кто насъ благословишь.

Л и з і а с ъ. (Эвфемону.)

Онъ конечно эшо сдѣластъ, когда
узнастъ ея доброе, чистое, невинное
сердце, достойное Аркадіи.

Э в ф е м о н ъ.

Конечно; лучъ свѣта освѣщаетъ тогда горестную душу его, когда онъ видитъ людей щасливыхъ, и самъ можетъ ихъ щасливыми дѣлать.

(Уходятъ).

Я В Л Е Н І Е VII.

Открывается лѣсъ и гробница, на которой лежитъ молодая Нимфа. Внизу большими буквами написано:

И Я БЫЛА ВЪ АРКАДІИ.

Не далеко отъ сего мѣста видна пещера, изъ которой выходитъ Палемонъ — сперва кругомъ осматривается, и наконецъ идетъ потихоньку.

Какъ пріятно сіяетъ солнце на западъ! Какъ прекрасно позлащаетъ оно слабѣющими лучами своими уединенную мою хижину! — Печальное воспоминаіе!

Въ сей день я нѣкогда лишился
Всего, что было мило мнѣ, —
Тебя, любезнѣйшая Дафна!

Въ послѣдній разъ тогда твой взоръ
Пріятный, кроткій обращался
Съ улыбкой нѣжной на меня.

И вдругъ рука Спартанцевъ злобныхъ
Тебя изторгнула навѣкъ
Изъ нѣжныхъ, пламенныхъ объятій
Отца, которой слезъ своихъ
Еще не осушалъ о смерти
Любезной матери твоей!

Но время не могло изторгнуть
Тебя изъ сердца моего.
Въ немъ вѣчно будешь жить твой
образъ;
Онъ тамъ глубоко впечатлѣнъ.

(Указывая на монументъ.)

Всегда сей памятникъ я буду
Слезами горести кропишь.

Нынѣ, нынѣ минуло уже пятнац-
цать лѣтъ тому, какъ ты, милой Анг-
гелъ — и точно въ этотъ часъ — вмѣ-
стѣ съ нашею вѣрною пріятельницею,
которой умирающая мать твоя поручила
нѣжное свое дѣшство, досталась въ до-
Ж 5 бычу

бычу злодѣямъ. Тщесно буду надѣяться гдѣ нибудь найши тебя, или узнать, что ты жива! — Но такъ богамъ угодно, и непоспѣваемой совѣтъ ихъ всегда бываетъ премудръ! — Можетъ быть предвидѣли они, что сердце мое слишкомъ бы прилѣпилось къ этой милой дочери; что я великою своею любовію изнѣжилъ бы ее, и въ изнѣженномъ младенцѣ воспиталъ бы ядовитое растѣніе для прекрасныхъ и здравыхъ долинъ Аркадскихъ — непослушную дочь, дурную супругу и безпечную мать — а наконецъ въ родительскомъ возторгѣ забылъ бы и самихъ боговъ. Кто можетъ поручиться за человѣческое сердце, когда оно предастся страсти? — Теперь уже конечно уединенныя тѣни, мудрое размышленіе и долговременные опыты научили меня истинѣ; и естъли бы я нашелъ тебя нынѣ, когда уже укротился всякой мятежъ вожделѣній въ душѣ моей, когда жизнь моя течетъ тихо, подобно этому ручью, и когда спокойно ожидаю отзыва — естъли бы нынѣ нашелъ тебя... Но начто такія мечты! Несбыточные сны, бывъ ничто иное, какъ мечта, возбуждающъ шолько горестъ. Лучше предамся сладостной меланхоліи, столь при-

пріятной моему сердцу — увѣнчаю цвѣ-
тами пустую гробницу, мною сдѣлан-
ную, чтобы нѣжные Зефиры развѣвали
вокругъ ихъ бальзамической духъ; и ко-
гда придутъ ко мнѣ въ уединенное мое
жилище юные Аркадскіе пастухи и пас-
тушки, буду ихъ готовитьъ къ раз-
нымъ случаямъ человѣческой жизни, отъ
которыхъ не спасается и самое чистѣй-
шее человѣческое щастіе. — Что же
нейдутъ ко мнѣ любимыя мои пастушки,
дочери Эвфемоновы, которымъ я пору-
чилъ нарвать цвѣтовъ, начто онѣ всегда
съ радостію вызывались? Не уже ли при-
ключилось имъ что нибудь непріятное? —
На всякой случай и самъ я могу на-
рвать — — Тише! кто-то идетъ по
кустамъ. — Посмотрѣть — (Идетъ
туда, гдѣ слышнѣ шорохъ) — А! эшо
онѣ.

(Продолженіе будетъ впродъ)

НА СМЕРТЬ ДѢВИЦЫ * *

Вчера здѣсь роза разцвѣтала,
Собою красила весь лугъ;
Но нынѣ роза въ зной увяла —
Краса ея исчезла вдругъ.

Куда, Элиза, ты сокрылась
Толь скоро отъ друзей твоихъ?
Вчера ты съ нами веселилась,
Бывъ въ цвѣтѣ Майскихъ дней своихъ.

Но вдругъ, Элиза, увядаешь —
Болѣзни зной пожегъ твой цвѣтъ —
Глаза со вздохомъ закрываешь. . . .
Я слезы лью — Элизы нѣтъ!

Любивъ здѣсь въ жизни добродѣтель,
Ты ея красила себя:
Теперь нашъ Богъ и благодѣтель
Осыплетъ благами тебя.

Друзья умершей! не печальтесь;
Она въ объятіяхъ Отца.
Отprite слезы, утѣшайтесь!
Ея блаженство безъ конца.

ГОСПОДИНУ Д * * НА БОЛѢЗНЬ ЕГО.

Болѣзнь есть часть живущихъ въ мірѣ;
Страдаетъ шомъ, кто въ немъ живетъ.
Въ странѣ подлунной все шомится;
Въ юдоли сей покоя нѣтъ.

Но шѣмъ мы можемъ утѣшаться,
Что намъ не вѣкъ въ семъ мірѣ жишь;
Что скоро, скоро мы престанемъ
Сшрадать, стенать и слезы лишь.

Въ страны блаженства вознесемъ,
Гдѣ нѣтъ болѣзни, смерти нѣтъ.
Тогда, мой другъ, тогда узнаемъ,
Почто страдали столько лѣтъ.

Тогда мы, свѣтомъ озаряся,
Падемъ, поклонимся Творцу;
Въ возторгъ слезы проливая,
Возкликнемъ къ нашему Отцу:

„Ты благъ, премудръ, могущъ чудесно!
„Ты все во благо превратилъ,
„Что намъ великимъ зломъ казалось; —
„Ты насъ къ блаженству сотворилъ!„

ИДАСЪ и МИКОНЪ, ГЕСНЕРОВА ИДИЛЛІЯ.

Здравствуй, Миконъ, любезной пѣвецъ!
Лишь только тебя увижу, сердце во
мнѣ отъ радости вострепечетъ. Съ то-
го времени, какъ ты у колодца на ка-
мнѣ спѣлъ мнѣ весеннюю пѣсню, я тебя
нигдѣ не видалъ.

Миконъ. Я радъ, Идасъ, что уви-
дѣлся съ тобою. Ты мастеръ играть
на свирѣляхъ. Выберемъ теперь про-
хладное мѣсто, и сядемъ въ тѣни.

Идасъ. Взойдемъ на эшотъ при-
горокъ, гдѣ посадилъ Палемонъ большой
дубъ; онъ тѣнь свою разстилаетъ далес-
ко, а прохладнымъ вѣтеркамъ шамъ
умолку нѣтъ. Козы мои между тѣмъ
пусть лазаютъ по крутой горѣ и щип-
лютъ листья съ кустовъ. Не богатъ
ли эшотъ большой дубъ гибкими вѣтвя-
ми, и не прохладно ли подъ его тѣнью?
Сядемъ здѣсь подлѣ шиповника. Пусть
тихіе вѣтерки играютъ нашими волосами.
Миконъ! эшо мѣсто для меня свято! —
Палемонъ! эшотъ дубъ будетъ все-
гда священнымъ памятникомъ твоей че-
стности! У Палемона было сшадю не ве-
лико.

лико. Онъ принесъ въ жертву Пану много овецъ. Услышь, Панъ, мое желаніе! говорилъ онъ: дай размножиться моему спаду, чтобъ я могъ его раздѣлить съ бѣднымъ моимъ сосѣдомъ. Панъ въ одинъ годъ вдвое умножилъ его спадо; а Палемонъ отдалъ половину своего спада бѣдному сосѣду. Послѣ того приносилъ онъ Пану жертву на этомъ холмѣ, и сажая дубъ, говорилъ: „Клянусь, Панъ, передъ тобою, что всегда буду свящать этотъ день, въ которой исполнилось мое желаніе. Разросши дубъ, мною здѣсь посаженной! Да почтется онъ мнѣ святымъ памятникомъ! Тогда ежегодно подъ тѣнью его буду тебѣ приносить жертвы. — Миконъ! спѣшь ли тебѣ пѣсню, которую я всегда пою подъ этимъ дубомъ?

Миконъ. Ежели ты мнѣ споешь свою пѣсню, то я подарю тебѣ эту девятигласную свирѣль. Палочки всѣ самъ я выбиралъ и нарѣзалъ на берегу, и сладилъ ихъ душистымъ воскомъ.

Идасъ поетъ:

„Гибкія, сводъ надо мною сплещающія вѣтви! отъ вашей тѣни прихожу я въ священной возторгъ. Въ вашей, вѣтви! прохлада слышу, кажется, подлѣ себя

себя шорохъ невидимаго божесшва. Вы, козочки и овечки! поберегите, ахъ! поберегите, и не щиплите молодого плюща съ бѣлаго сшебля! пусть онъ взовьется и сплестетъ зеленые вѣйки около бѣлаго сшебля. Тебя, высокое дерево, не повредятъ ни стрѣлы громовыя, ни бурные вѣтры; шибъ должно остаться памятникъ честности. Вершина его выше всего; всякой паспухъ издали видитъ ее, и кажетъ сыну своему, увѣщая его быть добродѣтельнымъ. Нѣжная мать, увидя ее, рассказываетъ повѣсть о Палемонѣ любопытному младенцу, сидящему у нее на колѣняхъ. Такихъ памятниковъ честности, вы паспухи, насадите побольше, чшобы намъ нѣкогда, ходя по сумрачнымъ рощамъ, наполняться священнымъ возпоргомъ.,,

Идасъ пропѣлъ, и давно уже замолчалъ; а Миконъ, казалось, все еще слушалъ. Ахъ, Идасъ! меня возхищаетъ рососою кропящее ушро, радости приближающейся весны меня возхищаютъ, а всего болѣе дѣла правдиваго.

Симъ Миконъ рѣчь свою кончилъ, и отдалъ ему девятигласную свирѣль.

~~~~~~~~~

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е VIII.

*Палемонъ, Дорисъ, Лавра (объ-
пыхавшись.)*

Палемонъ.

Гдѣ вы по сю пору были, любезныя дѣшп! Бывало вамъ лишь шолько слово скажешь, такъ уже и все сдѣлано. А я вѣдь, кажется, поручилъ вамъ пріятное дѣло.

Лавра.

Ахъ, любезной Палемонъ! — не сердись — не сердись! — Видишь — они нарваны — —

Дорисъ.

И вѣ вѣнки сплешены — шолько —

Палемонъ.

Прежде ошдохните, милыя моя.

Лавра.

Только мы были задержаны — —

Дорисъ.

И прошивъ воли опоздали; потому что на дорогъ увидѣли мы чудное явленіе — —

Палемонъ.

Не дурное ли?

Лавра.

О нѣтъ! пріятное — —

Дорисъ.

Самое пріятнѣйшее, потому что оно возбудило въ насъ величайшее любопытство.

Палемонъ.

Неисполненіе должности — а что мы сдѣлашь общали, то есть уже должностъ наша — неисполненіе должности, любезныя дѣти, не всегда извиняется побужденіемъ любопытства. Но какъ объясненіе не важно — —

Лавра.

Ахъ! мы чувствуемъ, что не хорошо сдѣлали. Вѣдь ты для насъ всего дороже!

Дорисъ.

Да какъ было удержаться? Двое молодыхъ чужестранныхъ; пастухъ — одна-

однакожь не въ такомъ плашьѣ, какъ мы — —

Л а в р а.

Съ молодою Нимфою — — — — —
не совсѣмъ такою, какъ мы — — — — —

П а л е м о н ъ.

Пасхухъ съ Нимфою? Правда, что это чудное явленіе; потому что люди, живущіе въ большихъ городахъ, и возпищенные въ изобиліи и шумѣ, убѣгающіе шихихъ, уединенныхъ долинъ, гдѣ надобно прилѣжною работою доспавать себѣ умѣренную и простую пищу, гдѣ не терпится праздность, и гдѣ уважаются одни невинные и чистые нравы. — Не слыжали ли вы, откуда они пришли?

Д о р и с ъ.

Кажется, что они, когда мы плели вѣнки, говорили о Спаршѣ.

П а л е м о н ъ (съ нѣкоторымъ движеніемъ.)

О Спаршѣ? Они изъ Спарты? Такъ надобно стараться поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ. Они конечно обманщики, раз-

бойники. Беретись ихъ , беретись,
милая дѣши!

(Съ горестію обращивается къ
монументу.)

Л а в р а.

Нѣтъ, нѣтъ, любезной Палемонъ!
Они не обманщики, не разбойники —

Д о р и с ъ.

Онъ такъ добрѣ, какъ Аркадской
пасухѣ; а она такъ невинна, какъ Ар-
кадская паспушка. Тебѣ надобно толь-
ко увидѣть ихъ — —

Л а в р а.

И слышать ихъ слова. — Она
мила, прекрасна!

Какъ пурпурѣ въ часѣ вечерній
Собою краситъ облака,
Такъ лиліи и розы
Сіяютъ на лицѣ ея.

Д о р и с ъ.

Глаза ея подобны
Лазури утреннихъ небесъ.
Въ ея открытыхъ взорахъ
Видна вся внутренность души.

Ла

Л а в р а.

Не чудно бы мнѣ было,
Когда бы пчелки на уста
Ея толпой слетѣлись,
И спали меду въ нихъ искашь.

Д о р и с ъ.

Такъ волны не сребрятся
У берега пѣнистыхъ озеръ,
Какъ волосы сребрятся
На шеѣ въ кудряхъ у нее.

Л а в р а.

А ростъ ея — —

Д о р и с ъ.

А походка ея — —

Л а в р а.

И все, что она дѣлаетъ — —

Д о р и с ъ.

И все, что говоришь — —

Л а в р а.

А онъ — онъ такъ хорошъ —
такъ прекрасенъ, какъ молодой кедръ.

Д о р и с ъ.

Крошкѣ, какъ улыбающійся мѣ-
сяцъ — —

Палемонъ.

Хорошо, хорошо! Только молодымъ дѣвушкамъ не надлежало бы съ такою прилѣжностію разсматривать пріятности молодыхъ пастуховъ, и описывать ихъ съ такимъ краснорѣчіемъ. А то — —

Дорисъ.

А то подумають, что мы влюблены въ нихъ, и стануть надъ нами смѣяться.

Лавра.

А смѣялась ли ты надъ молодою пастушкою, что она любитъ юношу?

Дорисъ.

Это совсѣмъ другое; она большая — и развѣ ты не слыхала, что батюшка говорилъ о свадебныхъ вѣнкахъ, которые намъ скоро надобно будетъ для нихъ снестти?

Палемонъ.

О свадебныхъ вѣнкахъ? — Отецъ вашъ? — Это меня увѣряетъ, что ихъ не надобно бояться, и что они не только прекрасны, но и добродѣтельны.

Лавра.

Конечно, конечно добродѣтельны! Они хотятъ, чтобы мы ихъ приняли.

До-

Дорисъ.

И пришли сюда съ шѣмъ, чтобы у насъ навсегда остаться.

Лавра.

И хотятъ здѣсь праздновать бракъ свой.

Дорисъ.

И придутъ къ тебѣ просить благословенія.

Палемонъ.

Моего благословенія? Да кто имъ обо мнѣ сказалъ?

Лавра.

Вѣрно батюшка.

Палемонъ (въ безпокойствѣ.)

Однакожь они конечно не нынѣ придутъ ко мнѣ?

Дорисъ.

Нынѣ, нынѣ — теперъ же.

Лавра.

Они отдыхающъ, потому что отъ дальней дороги очень устали; а прохладясь плодами, тотчасъ сюда придутъ.

Палемонъ (подумавъ)

Нѣтъ, нѣтъ! Они помѣшали бы мнѣ въ сладостной меланхоліи совершать па-

мять любезной дочери моей. Они хотѣ́тъ передъ олшарями нашими заключить союзъ любви — можешъ быть радостныя сердца ихъ наполнились бы печальными предчувствіями, когда бы они, пришедши ко мнѣ за благословеніемъ, увидѣли здѣсь памятникъ осиротѣвшей родительской нѣжности, и нашли меня подлѣ печальныхъ кипарисовъ. Лучше мнѣ предупредить ихъ.

Л а в р а.

Они уже можешъ быть идушъ.

Д о р и с ъ.

А можешъ быть и близко.

П а л е м о н ъ.

По крайней мѣрѣ надобно, чтобы мы съ ними не здѣсь. увидѣлись. Опнесице свои корзинки въ мою хижину, побѣгите и скажите, что я приду. Я пойду стороною къ нимъ на встрѣчу и ворочу ихъ. — Подите, дѣши, подите!

(Пастушки относятъ свои корзинки въ пещеру, и уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е IX.

П а л е м о н ъ.

Какъ непріятно, когда мѣшаютъ печалиться! — Что вздумалось Эвфемону теперь, въ самое это время — — Въдѣ ему извѣстно — — Однакожь онъ, по своему добродушію, можетъ бытъ хочетъ этимъ выгнать изъ души моей меланхолическія мысли нынѣшняго вечера. Ахъ! онъ не знаетъ, что въ самомъ уныніи есть несказанная сладость! — Да они изъ Спарты! А ему извѣстно, что это имя возмущаетъ душу мою! Однакожь я чувствую въ сердцѣ своемъ великое движеніе — мнѣ бы хотѣлось видѣть ихъ. — А они изъ Спарты! — Чудно! я охуждаю любопытство въ молодыхъ пастушкахъ, а самъ --- самъ чувствую неизвѣстное побужденіе — — Пойду, пойду. Только напередъ обвѣшаю цвѣтами пустую гробницу моей Дафны. Пусть этотъ ежегодной обрядъ пребудетъ доказательствомъ, что я помню ее! Вотъ единственной даръ, которой она можетъ получить отъ родительской нѣжности!

(Идетъ, приноситъ корзинку съ цвѣтами, и убѣнчиваетъ ими монументъ. Между тѣмъ поетъ:)

Ахъ, какъ въ вѣнкахъ прекрасны розы!
Но скоро меркнетъ алый цвѣтъ,
И скоро розы опадаютъ.
Когда же завтра я спрошу:
Гдѣ роза, цвѣтъ прекрасный, гордый,
Краса долинъ, полей, луговъ:
То роза жалобно мнѣ скажетъ:
И я въ Аркадіи цвѣла!

(*Помолчаъ.*)

И ты въ Аркадіи была,
Моя любезнѣйшая Дафна!
Въ пучекъ видѣлъ я твой цвѣтъ.
Ахъ, естлибъ я теперь увидѣлъ
Тебя, любезнѣйшая дочь!
Теперь бы въ полномъ, въ пышномъ
цвѣтъ
Сіяла Дафна какъ звѣзда.
Въ пучекъ видѣлъ я цвѣтъ Дафнинъ —
Она въ Аркадіи была!

А теперь нѣтъ тебя! — А естли
ты еще жива — то какъ? гдѣ? — Мо-
жетъ быть живешь ты въ неволѣ;

И естли цѣпи носишь,
То цѣпи облегчай
Надеждою на Небо!
Онъ легки тогда,

Когда

Когда душа свободна,
Невинна и мудра.

А естли духъ твой чистый
Взираетъ на меня
Со свода голубаго,
То радуйся, моя
Любезнѣйшая Дафна!
Я скоро буду шамъ.

Сошла почти нить жизни,
И смерть близка ко мнѣ.
Отверзшая могила
Готовится принять
Въ свои покойны нѣдра
Меня и скорбь мою.

(*Послѣ горестнаго молчанія.*) Одна-
кожь — я долго медлю. Въ горести
своей совсѣмъ забылъ, что гости наши
меня дожидаются. Пойду скорѣе, чтобы
скорѣе возвратишься сюда — къ своей
меланхоли. — Кажется, что кто-то
идетъ. — Спрячусь.

(*Прячется за гробницу.*)

Я В Л Е Н І Е X.

Дафна, Лавра, Дорисъ.

Д а ф н а.

Только на минуту останусь здѣсь, любезныя дѣши! Вѣдь вы говорите, что сго здѣсь нѣтъ, и что онѣ хотѣлъ спороною вышти къ намѣ на встрѣчу? — А мнѣ хочется видѣть по крайней мѣрѣ жилище его.

Л а в р а.

Однакожь, прекрасная Нимфа, что ты тамъ смотришь? — Онѣ эшо запретилъ; а нѣтъ на свѣтѣ такого чело-вѣка, котораго приказанія уважали бы мы болѣе Палемонова слова.

Д о р и с ъ.

Естьли и другъ твой, Лизіасъ, сюда же придетъ, такъ мы совсѣмъ пропали. Ахъ! одинъ важной взоръ укоризны — —

Д а ф н а.

Такъ подите же и не пускайте его сюда.

Л а в р а.

А гдѣ онѣ?

Д а

Д а ф н а.

Онѣ намѣренѣ былѣ сплести мнѣ брачной вѣнокѣ. Отецѣ вашѣ хотѣлѣ вести его вѣ розовой кустарникѣ, и ушелѣ сѣ нимѣ незадолго передѣ вашимѣ приходомѣ.

Д о р и с ъ.

Такѣ мы пойдемѣ кѣ нимѣ на встрѣчу, а ты приходи за нами. Эта дорожка вѣ правую сторону приведетѣ тебя туда.

Д а ф н а.

Хорошо, хорошо. — (*Указывая на пещеру.*) Такѣ это жилище добродѣтельного старца?

Л а в р а.

Да.

Д а ф н а.

Для чего же не хотѣлѣ онѣ насѣ принять здѣсь?

Д о р и с ъ.

Нынѣ онѣ совершаетѣ память любезнаго младенца.

Л а в р а.

И не хочетѣ, чтобы ему мѣшали заниматься горестными мыслями.

Д о р и с ъ.

А болѣе всего не хочетѣ того, чтобы его привѣтствіе было для васѣ печаль-

чально. — Однакожь намъ надобно ийти. А ты еще не хочешь ийти съ нами, любезная Нимфа?

Д а ф н а.

Только на минушу — —

Л а в р а.

Нѣтъ, пойдѣмъ, Дорисъ. Естьли они прежде придутъ, то что скажетъ Палемонъ?

Д о р и с ъ.

А что онъ скажетъ, естьли ее найдѣтъ здѣсь?

Д а ф н а.

О! естьли онъ шакъ добръ, то конечно извинитъ мое любопытство, и простишь, что я васъ не послушалась. А я сама себя обвинять буду.

Л а в р а.

Такъ поскорѣ приходи. Вѣдь здѣсь тебѣ не чего больше смотрѣть!

Д о р и с ъ.

А естьли хочешь посмотрѣть гробницу дочери его — —

Д а ф н а (съ нѣкоторымъ ужасомъ.)

Гробницу дочери его?

Л а -

Л а в р а.

ЕонѢ она! видишь ли?

Д о р и с ъ.

АхѢ! онѢ уже обвѣшалѢ ее нашими
цвѣтами!

(Уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е Х І.

Д а ф н а одна.

(Подходитъ къ памятнику, осматриваетъ
его съ великимъ вниманіемъ, и по
нѣкоторомъ молчаніи читаетъ вслухъ
слова:)

И Я БЫЛА ВЪ АРКАДІИ; —
И Я БЫЛА ВЪ АРКАДІИ —
ВЪ Аркадіи! и конечно лишилась жизни
во цвѣтѣ лѣтѣ своихъ? и покоишься въ
этой гробницѣ! и доброй опецѣ, нѣжная
мать себя оплакиваешь! — А здѣсь
Аркадія! а я думала, что на Аркадской
землѣ не произрастаетъ никакого чело-
вѣческаго злополучія! А вмѣсто того и
здѣсь живутъ заразы и болѣзни и скор-
би — или какое иное несчастіе тебя,
нѣжная дочь, преждевременно у роди-
телей похишло? — Среди прекрасныхъ
долинъ,

долинѣ, среди прелестныхъ луговъ — —
О какъ я обманулась! Суешная надежда!
какъ ты обольстила меня!

Въ мирныхъ рощахъ и долинахъ
Кипарисы я нашла,
Вмѣсто розъ и миртовъ нѣжныхъ.
Вмѣсто брачныхъ олшарей,
Гдѣбъ союзу совершиться,
Видю гробъ я предъ собой.

Такъ и здѣсь бываетъ горестъ
Послѣ радости, утѣхъ?
Терны такъ же колютъ сердце?
И на радостныхъ поляхъ
Только памятникъ печали
Представляется глазамъ?

Такъ только для эшова пришла я
сюда изъ такой отдаленности, оставила
Спарту, и бѣднаго Лизіаса увела изъ
отечества? — Гдѣ непрерывное благо-
получіе, которое мнѣ Аканта выхваляла?
Гдѣ потъ цвѣшущій душевной миръ, ко-
торого мы искали? — Ахъ! какъ мо-
гла она предаваться такой суешной, не-
основательной надеждѣ!

(Продолженіе будетъ впродѣ.)

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е XII.

Дафна; Палемонъ.

Палемонъ (выходя изъ за-
мокумниа.)

(Про себя.) Правда ли, что я слышалъ? — (Смотритъ ей въ глаза.) Ахъ! какой прекрасной сбразъ!

(Дафна ужасается и
хочетъ бѣжать.)

Куда, любезная дѣвица! куда? — Не бойся меня! — Останься здѣсь!

Д а ф н а.

Прости, почтенной старецъ, прости, что я потревожила тебя въ священномъ твоёмъ уединеніи! По крайней мѣрѣ милыя мои пастушки въ томъ не виноваты. Прости ихъ! Онѣ мнѣ сказывали, что ты не хотѣлъ здѣсь съ нами видѣться, и просили меня ийти назадъ; но — непреодолимое влеченіе — — —

П а л е м о н ъ (смотря на нее пристально.)

Я это слышалъ. Не для себя, а для васъ не хотѣлъ я здѣсь съ вами видѣться. Ты видишь, что въ этомъ мѣстѣ неприлично принимаешь шакихъ пріятныхъ гостей, какъ ты. Здѣсь жилище престарѣлой горести; а въ Аркадіи много лучшихъ мѣстъ для угощенія добрыхъ людей.

Д а ф н а.

О! я вижу, что самой радостнѣйшій видъ неба и земли не спасаетъ отъ гроба, въ которой навсегда сокрывается надежда и счастье; и что самой лучший человекъ можетъ погребсти своихъ ближнихъ. — Однакожь взоръ твой улаживаетъ мое сердце, берущее участіе въ твоей горести. Не знаю сама — какое тайное утѣшеніе — какая несказанная радость — —

П а л е м о н ъ.

А твой взоръ — — Скажи мнѣ, скажи! — Или меня обмануло воображеніе, или — — Не говорила ли ты о Спарте, объ Акантѣ? Такъ ли я слышалъ?

Д а ф н а.

Конечно говорила; потому что я пришла изъ Спаршы, гдѣ меня Аканша —

П а л е м о н ъ (поспѣшно.)

Аканша? Ты ее знала? Она еще жива?

Д а ф н а.

Ахъ, нѣтъ! Она умерла въ моихъ объятіяхъ. Я полюбила въ ней лучшаго друга, и память ея никогда не изпребиши изъ моего сердца. — Последняя воля ея была та, чтобы я шла въ Аркадію, гдѣ она жила счастливѣе, нежели въ Спаршѣ.

П а л е м о н ъ.

И такъ ты конечно Аканшиня дочь?

Д а ф н а.

Нѣтъ, добродѣтельной старецъ! Я любила ее какъ мать свою, и нѣсколько лѣтъ матерью почитала; но при кончинѣ своей она вывела меня изъ сладостнаго заблужденія, и открыла мнѣ, что я дочь лучшей ея пріятельницы, которая меня въ дѣшствѣ ей поручила. Смерть не дала ей болѣе говорить — и я осталась бы безпомощною сиротою,

И д

ссыли

если бы одинъ добродѣтельной Спар-
танской юноша не — —

П а л е м о н ъ (внѣ себя.)

Панъ всемогущій! это она! она! она!

Д а ф н а.

Ахъ! что съ тобою сдѣлалось? —
Ты трепещешь — слезы льются изъ
глазъ твоихъ — —

П а л е м о н ъ (громкимъ голо-
сомъ.)

Дафна! Дафна!

Д а ф н а.

Это мое имя — — Боги!

П а л е м о н ъ.

Дафна! дочь моя! —

(Падаютъ въ ея объятія.)

Д а ф н а.

Небо! — Ты мой отецъ? отецъ
мой? Можно ли? — (Обнимаетъ его —
молчаніе — оба рыдаютъ, обнимая
другъ друга.) — Сердце мое, — сер-
дце мое сказало мнѣ, что ты — роди-
тель мой!

П а.

П а л е м о н ъ.

Я умираю съ радости! — О Дафна! дочь моя, которую Спарта у меня похишила, которую пятнадцать лѣтъ я оплакивалъ! — И я еще вижу тебя! — Боги!

Д а ф н а.

Неизъяснимая радость — донныя неизвѣстной возшоргъ дѣтской любви — щастіе — блаженство — — Ахъ! я нашла своего родителя!

Я В Л Е Н І Е XIII.

Лизіасъ, Эвфемонъ, Эвергеста, Лазра, Дорисъ.

Э в ф е м о н ъ (входя).

Надобно посмотрѣшь, гдѣ онъ. Онъ такъ добръ, что конечно простишь не-терпѣніе наше.

Лизіасъ

(Приходитъ въ замѣшательство, увидя Дафну въ Палемоновыхъ объятіяхъ. — Во всѣхъ видно изумленіе и любопытство.)

Что? что? — Дафна!

Д а ф н а (*вырываясь изъ объ-
ятій отца своего.*)

О Дизиасъ! пооди, участвуй въ ща-
стїи — —

Д и з і а с ъ (*съ безпокойствѣ.*)

Какое щастїе? — Въ его объятї-
яхъ — —

Д а ф н а.

Въ объятїяхъ моего любезнаго от-
ца — —

В с ъ (*съ удивленїи.*)

Отца!

Д а ф н а.

Такъ, любезной Дизиасъ! — (*Пале-
жону.*) Ахъ, родитель мой! вошъ шопъ
юноша, которой привелъ меня изъ Спар-
шы, и съ которыми общала я соеди-
ниться въ Аркадіи вѣчнымъ союзомъ.
Безъ него не могла бы я наслаждаться
этимъ щастїемъ, — щастїемъ, о кото-
ромъ думала Аканта при кончинѣ своей,
убѣждая меня итти въ Аркадію. Онъ
исполнилъ условїе, и привелъ меня сюда,
гдѣ любовь должна была наградить его
сердцемъ моимъ. Теперь рука моя въ
твоей власпи, и отъ тебя зависитъ из-
полненїе моего обѣщанїя.

Эвфемонъ (тихонько дочерямъ своимъ.)

Подите, любезныя дѣти, и поскорѣе увѣдомьте всѣхъ Аркадскихъ жителей о щастіи нашего добродѣтельнаго спарца.

Эвергета.

И я пойду съ вами. Эта вѣдомость такъ пріятна, что я непременно хочу вмѣстѣ съ дѣтьми своими ее обнародовать. Какая будетъ радость! какое веселіе!

(Уходятъ.)

Палемонъ (Лизіасу.)

А ты, юноша, изъ Спарты?

Эвфемонъ.

Изъ Спарты; однакожь конечно не изъ тѣхъ злодѣевъ, которые нѣкогда покинули Аканту съ твоею дочерью. Онъ наилучшій, наидобродѣтельнѣйшій юноша; онъ возвращаетъ тебѣ дочь твою.

Палемонъ.

Возвращаетъ! — Я чувствую одолженіе, и благодареніе его загладываетъ злодѣйство Спартянцевъ. Непоспешимы пути Провидѣнія! — Поди ко мнѣ, юноша!

ша! — Ты любезенъ моей дочери, любезенъ по своимъ добродѣтелямъ, и возвращаешь мнѣ ввѣренной тебѣ залогъ невинности: будь же Дафнинымъ супругомъ, и дай мнѣ прижашь тебя къ отеческому сердцу моему! Да изліется на тебя благословеніе Небесъ, подобно какъ въ сердцѣ моемъ благодарность и любовь разливается!

Лизіасъ.

Какое возхищеніе! — О Дафна!

Дафна.

Любезной Лизіасъ! — Однакожь мнѣ еще объ одномъ знать надобно — у меня нѣтъ уже матери?

Палемонъ.

Нѣтъ — твое рожденіе было громомъ ея. Для того-то и ввѣрилъ я воспитаніе твое Акантѣ, ея другу. — Но не будемъ огорчать сладкихъ минути радости печальнымъ воспоминаніемъ. Такова жизнь человѣческая! Ты думала, дражайшая Дафна, найти въ Аркадіи непрерывное щастіе; однакожь ты обманывалась — подъ солнцемъ нѣтъ такой страны, которая не была бы подвержена всеобщему жребію человечества.

Тамъ

Тамъ — шамъ, прѣвыше горъ лазурныхъ,
 Подпоры неба, свѣшлыхъ звѣздъ —
 Тамъ будемъ жить въ странахъ блажен-
 ныхъ,
 Гдѣ царствуетъ добро безъ зла;
 Гдѣ духъ, одѣшый паромъ неба,
 Вкушаетъ сладость, Нектаръ пьетъ;
 Гдѣ сердце въ чистотѣ ээира
 Не знаетъ скорби, золъ и бѣдъ;
 И гдѣ душа, бывъ въ вѣчномъ мирѣ,
 Всегда довольна, весела.

Туда, любезная Дафна, туда страж-
 дущая добродѣтель должна обращать
 терпѣливое око свое; шамъ только оби-
 таетъ совершенное благополучіе — здѣсь
 на землѣ все подвержено перемѣнѣ вре-
 мени и щастія.

Д а ф н а.

Правда, что здѣсь надѣялась я най-
 ти убѣжище отъ всѣхъ безпокойствъ и
 несчастій жизни. Чистой воздухъ, свѣш-
 лое небо, добрые люди, а болѣе всего
 прекрасныя Аканшины описанія — —

Лизіасъ.

Теперь ты уже видишь, дражайшая Дафна, какое было ея намѣреніе. Она разгорячала швос воображеніе, чтобы побудить тебя скорѣе ийти въ то мѣсто, гдѣ могла ты найти величайшее для себя щастіе, добродѣтельного ошца.

Дафна.

Я нашла его, нашла и благодарю боговъ и Аканту во гробѣ.

Палемонъ.

Ты представляла себѣ мечтательное щастіе. Часто воображеніе обольщаетъ насъ пріяшными мечтами; увидѣвъ наконецъ обманъ, обвиняемъ своимъ заблужденіемъ не себя, а міръ. Человѣкъ, жаждущій благополучія, вымышляетъ себѣ радости, которыхъ ему по справедливости ожидать не можно; и когда не исполнится его ожиданіе, тогда почитаетъ онъ потерянными то, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ никогда не обладалъ.

Дафна.

И такъ впредь воображеніе меня уже не обманетъ. Я буду почитать всякое
роп-

роптаніе за преступленіе, и неудовольствіе за неблагодарность противъ Неба.

П а л е м о н ъ.

Хорошо сдѣлаешь, любезная Дафна. Естъли бы не ободряла меня надежда когда нибудь найди тебя, то бы я уже давно занялъ эту пустую гробницу. Теперь узналъ я опытомъ, что въ самую ту минушу, когда небо наиболѣе чернѣетъ и гроза носится надъ головою нашею, боги насъ подкрѣпляютъ и направляютъ къ миру стопы наши. Умѣримъ свои вожделѣнія, дѣти мои; ограничимъ желанія, будемъ наслаждаться щастіемъ съ благодареніемъ и радостію, и въ спрдаіи веселиться надеждою. Такимъ образомъ будетъ Аркадія въ сердцахъ нашихъ; пошому что и здѣшняя земная жизнь доставляетъ добродѣтельному много удовольствій, а смерть бываетъ ему совсѣмъ нестрашна. (*Вдали слыщенъ маршъ, играемой на трубахъ, которой между слѣдующими рѣчами, перерываемыми музыкою, нѣсколько разъ повторяется.*) — Ахъ, друзья мои! вмѣсто звуковъ сожалѣнія и печали слышу я громкой гласъ мира и радости! Какъ пріятно отзывается онъ въ ушахъ моихъ, и

съ

съ какою красотою вся Природа снова
возвеселяется для радостнаго Палемона,
которой до шепершняго часа видѣлъ ее
во мракѣ, и для котораго самыя пре-
краснѣйшія пѣсни были печальными пѣ-
снями!"

Э в ф е м о н ъ.

Конечно Эвергета и дочери мои
объявили Аркадскимъ жителямъ швое и
наше благополучіе.

П а л е м о н ъ.

Вотъ они.

*(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣ-
дующемъ листѣ.)*

ВСЕОБЩАЯ МОЛИТВА,

Сочиненная Г. Попомъ.

Переводъ съ Англійскаго.

Отецъ всего, согласно чтимый
Во всякомъ вѣкѣ, всѣхъ странахъ —
И дикимъ, и святымъ, и мудрымъ —
Іегова, Зевсъ, или Господь!

Източникъ первый, непонятный,
Открывшій мнѣ едино то,
Что Ты еси источникъ блага,
Что я и немощенъ и слѣпъ;

Но давшій мнѣ въ семъ мракѣ око
Отъ блага злое отличать,
И все здѣсь року покоряя,
Свободы не лишившій насъ!

Что совѣсть дѣлать понуждаетъ,
То паче неба да люблю;
Но по мнѣ будь спрашнѣе ада,
Что совѣсть дѣлать не велишь!

Да буйно не опшвергну дара
Твоей щедроты и любви!
Доволенъ Ты, когда онъ принятъ —
Вкушая даръ, Тебѣ служу.

Но къ сей земной и бренной жизни
Да вѣкъ не буду прилѣпленъ;
Не чту себя единой тварью
Творца безчисленныхъ міровъ!

Не дай рукъ моей безсильной
Брать стрѣлы грома Твоего,
И всѣхъ разить во гнѣвъ злобномъ,
Кого почту Твоимъ врагомъ!

Когда

Когда я правъ, шо дай мнѣ, Боже,
Всегда во правдѣ пребывать;
Когда не правъ, разсѣй туманы,
И правду въ свѣтѣ мнѣ яви!

Да шѣмъ безумно не хваляся,
Чшо даръ естъ благости Твоей;
Да вѣкъ за шо роптать не буду,
Чего, Премудрый, мнѣ не дашь!

Да въ горѣ съ ближнимъ сострадаю,
Сокрою ближняго порокъ!
Какъ я оставлю долги братьямъ,
Такъ Ты остави долги мнѣ!

Бывъ слабъ, тогда бываю силенъ,
Когда Твой духъ меня живишь —
Веди меня во дни сей жизни,
И въ смерти, Боже, не оставь!

Въ сей день мнѣ дай покой и пищу;
Что сверхъ сего подъ солнцемъ ешь
И нужно мнѣ, Ты лучше знаешь —
Твоя будь воля ввѣкъ и ввѣкъ!

Тебѣ, Чей храмъ ешь все пространство,
Олтарь земля, моря, эфиръ,
Тебѣ вся тварь хвалу пой хоромъ,
Кури Натура еиміамъ!

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Окончаніе.

Я В Л Е Н І Е XIV и послѣднее.

(Эвергета, Ливра и Дорисъ съ другими пастухами и пастушками приходятъ съ сельскою музыкою, будучи украшены цвѣтами, и неся въ рукахъ миртовыя вѣтви.)

Палемонъ, Лизіасъ, Дифна, Эвфемонъ.

Хоръ Пастуховъ.

Изъ руки твоей ліется
Всякой даръ на насъ, о Панъ!
Ты плодами насъ питаешь,
Ты веселье проливаешь.
Даръ пріемля, Пана чтимъ;
Даръ вкусивъ, благодаримъ.

Палемонъ.

Отъ Пана произтекаетъ всякое щастіе наше; и вы, любезные друзья мои, берущие участіе въ моемъ благополучіи, находите меня теперь въ такомъ возхищеніи, что языкъ мой никакъ не можетъ изъяснить чувствъ моего радостна-

го сердца, въ благодарности славящаго
всемогущаго Подателя благъ.

Въ сей день заря, румянымъ свѣтомъ
Разсѣявъ мракъ, мой сонъ прервавъ,
Была мнѣ знакомъ къ новой скорби;
Я былъ въ уныніи, въ тоскѣ:
Но вдругъ душа возвеселилась,
И я пѣснь радости пою,
И слезы сладки проливаю,
Нашедши снова Дафну тамъ,
Гдѣ я построилъ ей гробницу,
И гдѣ оплакивалъ ее.

Х о р ъ.

Пойте, пойте пѣсни Пану!
Панъ печальныхъ веселишъ,
Панъ печали ушояетъ,
Панъ источникъ слезъ сушитъ.
Часто мрачныя пустыни,
Гдѣ уныло бродимъ мы,
Онъ внезапно освѣщаетъ
И Аркадіей творитъ.

(Пляшутъ подъ музыкою.)

П а л е м о н ъ.

Памятникъ моей скорби будетъ те-
перь памятникомъ моей радости, и гроб-
ница, посвященная Дафнѣ родительскою
нѣж-

нѣжностію, будетъ брачнымъ олтаремъ
ея. Да исчезнушъ печальные кипарисы!
Насадите здѣсь, друзья мои, радостныя
розы и миршы. А ты, прекрасной юно-
ша — — (*Подводитъ Лизіаса и Дафну
къ памятнику.*) Дайте мнѣ руки, дѣши
мои! (*Складываетъ ихъ руки.*) Любите
другъ друга, и будьте щасливы! Зав-
тра луга и спада мои будутъ прида-
нымъ любезной Дафны. Горестная жизнь
моя приближается къ покою, и утѣша-
ясь тобою, нѣжная чеша, съ радостию
ожидаю смерти.

Лизіасъ.

(*Въ продолженіи Палемоновой рѣчи надѣ-
ваетъ на Дафну розовой вѣнокъ,
которой былъ у него въ рукахъ; и
между тѣмъ, какъ онъ съ Дафною
поетъ, пастухи, составляющіе хоръ,
пляшутъ и обсаживаютъ памятникъ,
намѣсто кипарисовъ, миртами.*)

Вѣнокъ, любовію сплѣщенный,
Прими, любезная моя!
Сколь опытъ ни тяжелъ бываетъ,
Но вдругъ, награду получивъ,
Въ возторгъ все мы забываемъ,
Всю грусть и горестъ и тоску.

Д а ф н а (подавая ему руку)

Вотъ шебъ моя рука!
Сердцемъ шы давно владѣешь.
Должность, нѣжность и любовь
Купно вѣрность награждаютъ.
Вянушъ, вянушъ всѣ цвѣты;
Вянетъ цвѣтъ и нашей жизни:
Но любовь всегда живешъ.

В ж ѣ с т ѣ.

Кто въ бракъ щастливо живешъ,
Ахъ! тошъ въ Аркадіи живешъ.

П а л е м о н ѣ.

Вы теперь конечно въ Аркадіи, любезныя дѣти! Невинность и любовь, миръ и радость въ сердцахъ вашихъ, благословеніе боговъ на васъ, доброжелательство людей вокругъ васъ — ахъ! что истинная Аркадская жизнь! Наслаждайтесь ею; но не забывайте, что и вы когда нибудь выдете изъ Аркадіи.

Э в ф е м о н ѣ.

Гдѣ миръ, согласіе, любовь,
Вовѣки купно обитающъ,
И гдѣ порокъ всегда презрѣнъ;
Гдѣ чиную свяшую добродѣтель,
И гдѣ награда естъ она:

Звѣр-

Эвергета.

Гдѣ шастіе въ трудахъ находятъ;
Гдѣ старецъ какъ младенецъ просѣ,
Невиненъ, нѣженъ и любезенъ;
Гдѣ отрокъ, юноша шакъ мудръ,
Какъ старецъ опытный и умный:

Вмѣстѣ.

Тамъ есть Аркадія для насъ.

Лавра.

Естьли сердце будетъ ясно,
Такъ какъ утро въ красный день,
И безпечно, шакъ какъ пшички;
Такъ цвѣшуще, какъ луга;
Прямо, просто, какъ Природа —

Дорисъ.

Крошко, какъ сердца ягнятъ;
Нѣжно, какъ сердца у горлицъ;
И покорно, какъ пшенецъ,
Всегда матери послушный —

Лавра.

Естьли любимъ мы пруды,
Силъ своихъ не изшощая,
И довольны шѣмъ, что есть:
То вездѣ, куда ни взглянемъ,
Мы Аркадію узримъ.

(Обѣ повторяютъ послѣднюю
строфу.)

Х о р ъ.

Не мучьтесь никогда желаньемъ —

Вы, юныя сердца —

Найти Аркадію подъ солнцемъ!

Вы можете найти

Аркадію въ душѣ спокойной.

Ищите тамъ ее!

(Повторяютъ послѣдній стихъ.)

Конецъ Драмы.

Г И М Н Ъ (*).

Переводъ съ Англійскаго.

Четыре времена, въ премѣнахъ ежегодныхъ,
Ничто иное суть, какъ въ разныхъ ви-
дахъ Богъ.

Вращающійся годъ, Отецъ нашъ всемогущій,
Исполненъ весь Тебя. Пріятною весной
Повсюду красота Твоя, Господь, сіяетъ,
И нѣжность и любовь Твоя вездѣ видна.
Краснѣются поля, бальзамомъ воздухъ ды-
шетъ;

И эхо по горамъ разносится, звучитъ;
Съ улыбкою лѣса главу свою подъемаютъ —
Веселіемъ живутъ всѣ чувства и сердца.
Грядетъ къ намъ въ лѣтнихъ дняхъ Твоя,
о Боже! слава;

Повсюду на землѣ блистаетъ свѣтъ и жаръ;
Отъ солнца Твоего лѣтся совершенство
На полнающійся годъ; и часто къ намъ Твой
гласъ,

Сводъ неба потрясая, вѣщаетъ въ спрашныхъ
громахъ;

И часто на зарѣ, въ срединѣ жаркихъ дней
Въ тѣнистомъ вечеру, по рощамъ и потокамъ,
Пріятно шепчетъ онъ въ прохладномъ вѣтерѣ.

1 4

ВЪ

(*) Симъ Гимномъ заключаетъ Томсонъ свою
Поэму Seasons.

Въ обильной осени Твоя безмѣрна благость
И милость безъ конца бываетъ намъ явна,
Всёобщее празднество для тварей учреждая.
Зимой спрашенъ Ты! Тамъ бури, облака
Свивая вокругъ себя, гоняя вьюгу вьюгой,
Въ величественной пымѣ на вихряхъ возносятся,
Ты миръ благоговѣть со страхомъ заставляешь;
Нашуру всю смиришь шумливый Твой Борецъ!

О таинственный кругъ! Какой великой
Разумъ,

Какую Силу въ семъ глубоко ощутишь!

Простѣйшій оборотъ, но благо учрежденный, —
Столь мудро и добро, добро для тварей всѣхъ, —
Столь непримѣнно шѣнь въ другую пере-
ходитъ —

И въ цѣломъ, вмѣстѣ все такъ стройно,
хорошо,

Что всякой новой видъ вновь сердце возхи-
щаетъ.

Но часто человѣкъ, въ безуміи бродя,
Совсѣмъ не зрѣтъ Тебя, Твоей руки всемогущей,
Чертащей въ тишинѣ безмолвныхъ сферъ
пуши,

И дѣйствующей въ сей сокрытой, тайной
безднѣ,

Откидую чрезъ пары тѣ блага шлешь Ты къ
намъ,

Которыя весну всегда обогащаютъ; —

Руки, которая огнемъ палащій день

Изъ солнца прямо къ намъ на землю извер-
гаетъ,

Питаетъ тварей всѣхъ, и бури мещетъ внизъ;
Кошо-

Которая — когда пріятная премѣна
 Является вездѣ на радостной землѣ —
 Возторгомъ движетъ всѣ пружины жизни въ
 мірѣ.

Внимай Натура вся! и все, что въ ней
 живетъ,
 Соединись подъ симъ пространнымъ храмомъ
 неба,

Усердіемъ горя, вознѣтъ всеобщій Гимнъ!
 Пріятные пѣды, прохладные Зефиры,
 Да вѣете Тому, Чей духъ дышетъ въ васъ!
 Вѣщайте вы о Немъ во тѣмахъ уединенныхъ,
 Гдѣ сосна на горѣ, едва качая верхъ,
 Священныхъ ужасовъ мракъ тѣней исполняетъ!
 И вы, которыхъ ревъ слухъ издали разитъ,
 И весь смятенный міръ приводитъ въ ужасъ,
 въ трепетъ!

Возвысьте къ небесамъ свою бурливую пѣнь!
 Повѣдайте, кто васъ толь грозно разбярлетъ!
 Журчите вы ручьи, трепещущій потокъ,
 Журчите пѣснь Ему, хвалу Его гласите, —
 Вѣщайте мнѣ сію сладчайшую хвалу,
 Когда я въ тишинѣ глубоко размышляю!
 Вы рѣки быстрыя, кипящи глубины —
 Кротчайшая вода, блестящимъ лабиринтомъ
 Текущая въ лугахъ — великій Океанъ,
 Міръ тайный, міръ чудесъ, чудесъ неизчи-
 сленныхъ!

Возкликните Его предивную хвалу, —
 Того, Которой вамъ величественнымъ гласомъ

Шумѣть и утихатъ мгновенно, вдругъ ве-
лишѣ!
Чистѣйшій еиміамъ всѣ вкупѣ возкурите,
Травы, цвѣты, плоды, въ смѣшенныхъ обла-
кахъ
Тому, Которой васъ всѣхъ солнцемъ возвы-
щаетъ,
Дыханіемъ Своимъ вливаетъ запахъ сей,
И кистію Своей толь чудно изпещряетъ!
Качайтесь лѣса, волнуйтесь нивы всѣ,
Волнуйтесь Ему, и пѣснь свою ввѣвайте
Въ сердечный служъ жнецу, когда идетъ до-
мой,
На отдыхъ по трудъ, при лунномъ кроткомъ
свѣтѣ!
Вы стражи въ небесахъ, когда безъ чувствъ
земля
Въ глубокомъ снѣ дежитъ — созвѣздїа! из-
дейте
Кротчайшіе лучи, когда на тверди сей,
Блещающей въ огняхъ, всѣ Ангелы играютъ
На лирахъ серебряныхъ! О ты, источникъ
дня,
Великаго Творца внизу здѣсь лучшій образъ —
О солнце, что всегда изъ міра въ міръ лѣишь
Сей жизни океанъ! пиши на всей Натурѣ
Огнемъ лучей своихъ хвалу сего Творца! —
Гремишъ ужасный громъ! . . Молчи благо-
говѣнно,
Преклоншій выю міръ, доколѣ облака,
Едино за другимъ, поютъ сей Гимнъ вели-
кій! —
Да

Да холмы возгласятъ блеяніе свое!

Удерживайте звукъ, громады мшистыхъ ка-
ней!

Долины да гласятъ отзывный громкій ревъ!
Великій Пастырь Царь, и Царство безмятежно
Сего Царя Царей еще придетъ впрעדъ.

Проснитесь всѣ лѣса! изъ рощъ да изнесется
Пространнѣйшая пѣснь! Когдажъ мятежный
день,

Кончаяся, весь міръ вертящійся повергнетъ
Въ дремоту, въ крѣпкій сонъ: сладчайшая
изъ ящущихъ,

Прогнеина сестра! плѣный молчащи тѣни,

И исцѣи возвѣщай Премудраго хвалу! —

А вы, для коихъ все твореніе ликуетъ —

Вы сердце и глава всего, всего языкъ!

Вамъ должно увѣнчать сей важный Гимнъ
Природы!

Въ обширныхъ городахъ полящійся народъ!

Соедини свой гласъ съ глубокимъ симъ орга-
номъ (*),

Долгоотзывный гласъ, которой по часамъ,

Сквозь толстый, шумный басъ, въ порже-
ственныя стойки

Пронзительно звучитъ; и какъ единый жаръ

Смѣ-

(*) Deep organ. Кто знаетъ музыку, то-
му не странно покажется выраженіе глу-
бокой органъ, т. е. органъ, издающій
глубокіе тоны.

Смѣшаяся съ другимъ, жаръ общій увели-
читъ,

Въ усердіи все вдругъ возвысите вы его, —
Возвысите все свой гласъ къ превыспреннему
небу!

Когда же лучше вамъ густыя тѣни селъ;
Когда для васъ суть храмъ священный дуб-
равы:

То пусть всегда свирѣль пастушья, дѣвы
пѣснь —

Прелестный Серафимъ, въ возторги приводя-
щій —

И лира Бардова тамъ Бога всехъ временъ,
Во все печенье ихъ, согласно воспѣваютъ! —
А естлибъ я забылъ любезный свой пред-
метъ,

Когда цвѣтутъ цвѣты, лучъ солнца жжетъ
равнину,

И осень на землѣ, лѣя въ сердца возторгъ,
Сілетъ и блеснитъ; когда съ востока вѣтры,
Навѣя мракъ на все, къ намъ зиму при-
несутъ:

То пусть тогда языкъ мой вовсе онѣмѣетъ,
Упрашитъ мысль моя всю живость, весь свой
жаръ,

И, радостямъ умревъ, забудетъ сердце
биться!

Хотя бы мнѣ судьба на отдаленный
край

Зеленая земли сокрыться повелѣла —

Въ тѣ дальнія страны, гдѣ варвары жи-
 вутъ —
 Къ рѣкамъ, которыхъ вѣкъ не поминали
 пѣсни —
 Гдѣ солнце напередъ лучемъ своимъ злалитъ
 Верхи Индійскихъ горъ — гдѣ лучъ его ве-
 черній
 Блищаетъ посреда Атлантскихъ остро-
 вовъ: —
 Равно то для меня, когда Господь прису-
 ственъ
 И чувствуемъ вездѣ: въ пустыняхъ и степе-
 няхъ,
 Равно какъ въ городахъ, наполненныхъ наро-
 домъ —
 Гдѣ жизнью дышетъ Онъ, тамъ радость бытъ
 должна.
 Когда же наконецъ настанетъ часъ важнѣйшій
 Мистическій полетъ мой окрилитъ въ міры,
 Которымъ быти впредь: — я радъ повино-
 ваться;
 И тамъ, усилясь вновь, начну я воспѣвать
 Велики чудеса, которыхъ увижу.
 Куда я ни пойду, вездѣ, вездѣ узрю
 Всеобщія Любви блаженную улыбку;
 Любви, Которою круги міровъ сплетъ,
 Живутъ всѣ ихъ сыны; и Коя вѣчно благо
 Выводитъ изъ всего, что кажется намъ
 зломъ,

Изъ блага лучшее, и лучшее во вѣки — — —
Конца сей цѣпи нѣтъ. Но я теряюсь въ Немъ,
Теряюсь совсѣмъ въ *Неизреченномъ Свѣтѣ*.
Молчаніе! гради вѣстѣйственно вникать,
Вникашь въ хвалу Его! — — — — —

И Г Р А.

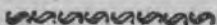
Какъ щастливъ пошѣ человѣкъ, ко-
торой никогда не заражался язвою игры!
Язва сія тѣмъ опаснѣе, что часто са-
мые лучшіе люди отъ нее погибаютъ.
Для забавы или для компаніи начинаютъ
играть; выигрышь и проигрышь подають
новой поводъ продолжать игру — и на-
конецъ проигрываютъ деньги, спокой-
ствіе, время, совѣсть и все, все!

Эпиграмма Нѣмецкаго Спихотвор- ца Логау.

Игру забавой называють!
Спросижь у игрока,
Которой много проиграетъ:
Забавна ли игра?

У д'Абланкурша былъ слуга Бассанъ.
Господинъ игралъ и — проигралъ. Бас-
санъ, смотрѣвшій на игру, дернулъ его
за кафшанъ и сказалъ ему на ухо: *Ахъ,*
сударь! вы проигрываете всѣ деньги на-
ши, а послѣ мнѣ надобно будетъ отпла-
чиваться спиною!

Въ Англіи была модная игра, называемая *дресъ*, въ которую играли при Дворѣ и во всѣхъ знатныхъ домахъ, и которая дошла наконецъ и до Франціи. А какіе суммы, проигрываемыя въ сію азардную игру, были такъ велики, что не лѣзя было носить въ карманѣ нужныя на это деньги: то для удобства изобрѣли марки, которыя въ коробочкѣ носили съ собою. На одной сторонѣ сихъ марокъ означалось число 10, 20, 30, 100, 1000 ливидоровъ, а на другой сторонѣ имя игрока. Такимъ образомъ служили онѣ вмѣсто векселей, которые на другой день выкупали наличными деньгами. Господинъ де ла Вопаллери, Совѣтникъ Парижскаго Парламента, просилъ жену свою заказать ему такую коробочку съ марками. Она исполнила его прозьбу; но на другой сторонѣ марокъ велѣла изобразить себя вмѣстѣ съ дѣтьми своими, и написать вверху: *Не забывай насъ бѣдныхъ!*

ПРОГУЛКА.

— — — Forth in the pleasing Spring
Thy beauty walks, Thy tendernefs and love.

Никакое годовое время не бываетъ для меня такъ пріятно, какъ весна. Когда благотворное солнце, вступивъ въ знакъ тельца, начинаетъ изливаться на землю свѣтъ яснѣйшій; когда, мало по-малу разсѣпая лучами своими снѣжныя громады, таинственнымъ магнетизмомъ извлекаетъ изъ земли нѣжную зелень: тогда во всемъ существѣ своемъ чувствую пріятную перемену, и тихая радость питаетъ сердце мое. Кажется, что лучи солнечные проникаютъ у меня до самаго воображенія, и разгорячаютъ его огнемъ своимъ; ибо въ сіе время бываетъ оно пламеннѣе, нежели въ другое. Я могу тогда лучше видѣть, слышать, чувствовать и мыслить.

Уже зеленые ковры украшали поверхность земли — уже многочисленныя стаи птицъ, возвратясь изъ отдаленныхъ странъ Юга, давно воспѣвали хвалу прелестной веснѣ, какъ я, въ концъ прекраснаго дня, взявъ въ руки сво-

его Томсона, пошелъ за городъ прогуливаться. Я задумался, забылся, шелъ и не зналъ, куда. Между тѣмъ приближался вечеръ. Пришедши на берегъ рѣки, и обративъ на нее глаза свои, увидѣлъ я въ чистыхъ водахъ ея образъ солнца. Вдругъ разсѣялись меланхолическія мысли мои, подобно какъ утренніе туманы разсѣваются отъ перваго блеска яснаго дня. Облегченіе, свобода, веселіе, вливались въ меня съ воздухомъ. Пріятности вечера вокругъ меня толпились. Величественное солнце, свершивъ кругъ дневнаго шеченія свсего, готовилось погрузиться въ бездны океана. Свѣтъ его не былъ уже сей ослѣпляющій свѣтъ, кошорой въ часы полудня не позволяеть оку человѣческому взирать на сего Царя міра нашего: я безпреняшственнo могъ его разсматривать. Укротивъ свое сіяніе, ни мало не лишилось оно своего величества. Взирая на него нѣсколько времени, размышлялъ я: Великолѣпное свѣтило! сколько вѣковъ освѣщаешь ты міръ нашъ! Сколько тысящелѣтій питаешь его живошворными своими вліаніями! Коликое число мудрыхъ, вѣдавшихъ тайнственныя твои дѣйствія, отъ начала міра возпѣвали силу твою въ гимнахъ шоржесвен-

штвенныхъ! Индія и Аравія издревле были исполнены почитателей твоихъ: гдѣ же теперь всѣ сіи мудрецы? Но ты, постоянное свѣтило, не ослабѣваешь въ своемъ печеніи; свѣтя всегда съ равнымъ блескомъ, во всякомъ вѣкѣ находишь новыхъ почитателей, новыхъ воспѣвателей чудесныхъ силъ твоихъ. Бывъ свидѣтелемъ тысячи перемѣнъ на землѣ нашей, ты ни въ чемъ не перемѣнилось. Въ сей день, въ сей часъ, въ сію минуту, занявъ или за шесть тысячъ лѣтъ предъ симъ, какой нибудь мудрецъ, кошораго памяшь загладилась уже въ лѣтописяхъ нашихъ, павъ на колѣни, со благоговѣніемъ возклидалъ къ тебѣ: „Солнце заходящее, „величественный образъ величественнѣйшаго Творца своего! уже ты сокрываешься „отъ насъ, окончавъ дневный путь свой; „но завтра паки явишься ты на горизонтѣ „возвѣщаешь славу Творца своего! „ — Тщетно ложные мудрецы стараются увѣрять, что ослабѣлъ жаръ твоего пламени! Неизтощимъ Источникъ, наполняющій тебя свѣтомъ: неизтощимо и ты въ изліяніяхъ своихъ, и пребудешь дотолъ неизтощимо, доколѣ поставившій тебя на тверди не воззоветъ къ тебѣ: *Сокройся!* —

Я размышляя и чувствовалъ. Мысль сѣплялась съ мыслию, чувство сливалось съ чувствомъ. Глаза мои не совращались съ солнца, которое опустилось весьма низко на горизонтъ. Уже начинало оно скрываться. Половина круга его зашла за горизонтъ, отбрасывая еще лучи свои на тонкія облака, по западу разсѣянные, и украшая ихъ различными цвѣтами. По томъ скрылось все солнце; но лучи его освѣщали еще вершины горъ, въ отдаленіи представлявшихся взору моему. Скоро и сей слабый свѣтъ сокрылся, и тонкія тѣни мгновенно покрыли небо. Куда же сокрылось ты, пышное свѣтило? Ахъ! почто не всегда освѣщаешь ты насъ? Безразсудное, но весьма естественное желаніе! Нѣтъ, ты довольно живило насъ свѣтомъ своимъ. Теки, теки, куда влекутъ тебя вѣчные законы твоего движенія! Теперь нужно твое присутствіе на другомъ краю міра нашего, гдѣ дикіе народы встрѣтятъ тебя съ радостію, и на разныхъ языкахъ благословятъ твое пришествіе.

Вдругъ замолкли всѣ птицы, которыя до сей минуты пѣли въ орѣховомъ лѣску, и гармонією пѣсней своихъ улаждали мое сердце; каждая пара искала се-

бѣ покойнаго убѣжища на ночное время. Настала глубокая тишина, прерываемая однимъ журчаніемъ быстрой рѣки и ручьевъ, стремившихся по зеленому лугу. Тѣни вечера сгущались болѣе и болѣе. Наконецъ всѣ предметы сокрылись отъ глазъ моихъ; все для меня исчезло, все, кромѣ — меня самого. Священная тишина, ужасъ сердца порочнаго, стихія невинности, убѣжище мудрыхъ, святилище добродѣтели! да не шрепещетъ сердце мое въ швоихъ обѣщаніяхъ! или да будетъ шрепещъ его высочайшимъ возторгомъ радости! Будь благословенна, тишина уединенія! и въ то время, какъ все видимое швореніе погружается въ глубокомъ снѣ, возбуждай меня къ священнымъ размышленіямъ, къ ближайшему собесѣдованію съ сердцемъ моимъ, и утѣшай въ немъ всякое волненіе, производимое бурями общежитія. Да пробудятся всѣ духовныя силы мои, и да чувствую во глубинѣ души своей, что я существую! . . . И се разшекается сіе живошворное чувство по всей внутренности моей! Ощущаю живо, что я живу, и есмь нѣчто отдѣленное отъ прочаго, есмь совершенное цѣлое. — Чувство существованія, въ единомъ человѣкѣ на

Земаѣ сей обитающее! koliko ты для меня драгоцѣнно! сколь возхищительно для меня думать, что я вѣчно буду тобою наслаждаться!

Но только въ сіи же тихія, мрачныя, нощныя минушы могу представить себѣ и небытіе — хаосъ — — то состояніе земли нашей, которое воспѣваетъ святой Еврейской Бардъ въ началѣ историческихъ своихъ Пѣсней: „Земля была дика и пуста, и мракъ покрывалъ бездну.,, — Все твореніе представляется мнѣ теперь мершвымъ тѣломъ — нѣтъ жизни, нѣтъ дыханія. Шумъ быстрыхъ водъ уподобляется шуму волнъ первобытнаго океана, поглощавшаго неустроенную землю — шумъ, утишенный гласомъ Творческимъ:

*Волны шумящи молчите! бездна мятежна
на покойся!*

Сія мрачность представляетъ мнѣ и будущее состояніе мое, когда меня, помятагося на одрѣ болѣзни, застигнетъ смертная ночь. Зайдетъ солнце жизни; издалека буду внимать шумящимъ волнамъ моря вѣчности. . . . Сердце бьется; ужасъ разливается по всѣмъ нервамъ — Но утѣшся! Скоро гласъ Элогима

гима воззоветъ къ солнцу вѣчной твоей жизни: *явися!* Взойдетъ оно, и свѣтъ его проникнетъ все существо твое. —

Между тѣмъ разсѣялись облака; открылась свѣшная небесная лазурь, блистательными звѣздами усѣянная. Явилась полная луна во всемъ своемъ великолѣпнѣ; явилась сія скромная Царица ночнаго неба, которая вливаетъ священное вдохновеніе въ сердца Бардовъ — которая, изливая сребристый свѣтъ на главу Британскаго Пѣвца, исполняла сердце его небесныхъ возторговъ. Упоенный сими возторгами, возпѣлъ онъ намъ красоту ночи, красоту твою, цѣломудренная Цинтія! и Пѣснь и Пѣвецъ безсмертными учинились. Имя Йонгово будетъ во вѣки священо для тѣхъ, которые, имѣя нѣжныя сердца, чувствуютъ красоты Натуры, чувствуютъ — достоинство человека. О дабы ты, прекрасная Цинтія, вливая въ меня пріятныя и порядочныя сновидѣнія [ибо сновидѣнія отъ тебя производятъ: такъ поетъ любимецъ твой], насаждала въ сердце моемъ сѣмена къ гармоническимъ пѣснямъ! О дабы мечты мои уподобились нѣкогда мечтамъ Омировымъ и Оссіановымъ [ибо рядъ образовъ, зеркалу воображенія ихъ пред-

спавлявшійся, называли они симъ именемъ], которыхъ Пѣсни понынѣ суть изсточники пользы и удовольствія для смертныхъ, посвященныхъ въ Мистеріи Поэзіи! —

Взирая на небесное пространство, на тысячи звѣздъ, увѣрился я въ истинѣ Виландова замѣчанія. Подлинно, никогда человѣкъ столь сильно не ощущаетъ сродства своего съ Духами, какъ въ тихое время ночи, когда, удаляся отъ всѣхъ людей и забывъ все мірское, смотришь на лазурное небо. Тогда кажется ему, будто весьма тонкая завѣса скрываетъ отъ него міръ безтѣлесный. Нервы духовнаго зрѣнія его чувствуютъ легкія сладостныя впечатлѣнія духовныхъ предметовъ, которыхъ лучи проникаютъ сквозь сію завѣсу. Въ одну секунду, кажется, можетъ онъ перенестися въ блаженные обители Духовъ блаженныхъ, сообразиться съ ними всемъ существомъ своимъ, и, подобно каплѣ, влиться въ океанъ ихъ удовольствій.

Такъ мечтаетъ разпаленное воображеніе. Но сколько же и существенныхъ удовольствій можетъ влить въ сердце картина ночнаго неба! Какое пространное

ное

ное поле открывается для дѣйствій моего разума! Возприми же, разумъ мой! обойми множество предметовъ, тебѣ представляющъ хя; носися по небесамъ, и чувствуй величіе Бога твоего!

И такъ всѣ сія звѣзды суть міры, или солнца неизчислимыхъ міровъ! Какое ужасное пространство занимающъ твари Бога нашего! Вообрази, въ какой отдаленности находится земля наша отъ освѣщающаго ее солнца; представляя, что она, еслили бы могла я вознестися въ солнце и отсюда обратишь на нее взоръ мой, показалась бы мнѣ самамалѣйшею точкою, — удивляюсь, какъ лучи сего свѣтила, доходя до насъ, могутъ имѣть еще столько силы, столько питательнаго огня, живящаго міръ сей. Но сколь же трудно мнѣ найти такое число, которое могло бы означить отстояние наше отъ звѣздъ, представляющихся мнѣ въ видѣ пунктовъ, и никогда для глазъ моихъ не перемѣняющихъ своего мѣста — отъ сихъ звѣздъ, къ которымъ въ нѣкоторое время года бываемъ мы припцашью шестью милліонами миль ближе, нежели въ другое, но которыхъ величина ни мало для насъ не прибавляется, даже и тогда, когда смошримъ на нихъ

въ наилучшіе телескопы! Сіи свѣтила —
 которыя отъ насъ конечно въ нѣсколько
 сотъ тысячъ разъ далѣе, нежели мы отъ
 солнца — и между собою находятся въ
 ужасномъ разстояніи, сколь оно глазамъ
 нашимъ ни мало кажется; и если бы
 я могъ приблизиться къ одному изъ нихъ,
 то конечно бы почелъ оное солнцемъ, а
 всѣ прочія показались бы столь же малы-
 ми, какъ и шеперь; и самое солнце наше
 представилось бы мнѣ свѣтлою почкою.
 Конечно не его свѣтъ освѣщаетъ сіи
 звѣзды; не могъ бы онъ пренестись черезъ
 такое пространство, совсѣмъ не разсѣ-
 ясь и не исчезнувъ. Нѣтъ, сіи свѣтлыя
 тѣла суть конечно единого съ нимъ свой-
 ства, суть сами солнца, освѣщающія не-
 видимые для насъ міры — міры, безъ
 сомнѣнія населенные подобными намъ
 тварями, разумными, чувствующими
 тварями, познающими великаго Творца
 своего въ дѣлахъ Его, удивляющимися Его
 премудрости, благости и всемогуществу,
 и, можетъ быть, еще болѣе насъ имѣ-
 ющими причину удивляться симъ свой-
 ствамъ Его. Братія наши! — симъ име-
 немъ осмѣливаюсь назвать васъ: ибо и
 мы сотворены тѣмъ же великимъ Богомъ,
 Которой васъ сотворилъ; и намъ откры-

вается Онъ въ дѣлахъ Своихъ — собратія наши, живущіе съ нами въ единомъ пространномъ дому Отца нашего! — ибо всѣ міры вкупѣ составляютъ одинъ великой домъ, которымъ правитъ Іегова — думаете ли вы, что въ такомъ отъ васъ отдаленіи живутъ родспвенники ваши? Но вы конечно сіе чувствуете, будучи избыточно одарены разумными силами. Можеть быть взоръ вашъ проникательнѣе взора нашего; можеть быть вы ясно видите землю нашу, видите всѣхъ человѣковъ, и, любя ихъ, сожалѣете, что они погружаются часто въ произвольномъ невѣжествѣ, слишкомъ много занимаются горстію земли, на которой живутъ, не разсматривая прилѣжно прекраснаго мірозданія, и вмѣстѣ съ вами не воспѣваютъ всегдашней хвалебной пѣсни Творцу всяческихъ.

Но дерзну ли обратишься къ Тебѣ, вѣчному плодотворному Изпочнику, изъ Котораго изтекли всѣ міры со всѣми своими жителями? Могу ли назвать Тебя именемъ, достойнымъ Твоего величія? Могу ли вообразить Тебя? Воображаю Тебя шворящаго; но я представляю себѣ единое твореніе, единое Твое дѣйствіе — существа Твоего вообразить не въ силахъ.

лахъ. Но покланяюсь Тебѣ, хотя и не могу понять существа Твоего; покланяюсь Тебѣ въ семъ великолѣпномъ храмѣ, въ которомъ Ты всегда присуствуешь; упадаю на колѣни, простираю къ Тебѣ, Незидимому, руки свои, и со слезами радостнаго возхищенія благодарю Тебя за то, что Ты сотворилъ меня, и сотворилъ человѣкомъ; что Ты даровалъ мнѣ способность чувствовать и разсуждать — чувствовать свое и Твое бытіе, разсуждать о Тебѣ и себѣ самомъ, — разсуждать о свойствахъ Твоихъ и моемъ назначеніи по видимому мірозданію, дѣлу рукъ Твоихъ, и по собственному моему существу! Благодарю Тебя за данную мнѣ надежду узрѣшь Тебя нѣкогда яснѣе, когда, свергнувъ съ себя нынѣшнее грубое тѣло свое, возмогу сносить свѣтъ, окружающій престолъ Твой! — Ожидаю сей блаженной минушы — умолкаю, и въ молчаніи Тебѣ покланяюсь.

Долго былъ я въ сладостномъ восторгѣ, производимомъ въ разумномъ существѣ живымъ чувствомъ величія и благости Бога его. Но человѣкъ, въ шеперешнемъ его состояніи, не можетъ всегда питать въ сердцѣ своемъ сего чувства.

Мало

Мало помаму паки низпадаѣ духѣ мой
отѣ сферѣ небесныхѣ кѣ земному. жили-
щу своему. Напряженіе ослабило душев-
ныя силы мои, и я погрузился вѣ нѣко-
торое забвеніе. Но между тѣмѣ внималѣ
я пѣнію Филомелы. Давно уже сія воз-
хищительная пѣвица возпѣвала свои гимны;
но только вѣ сіи минушы душевнаго раз-
слабленія почувствоваѣ я всю сладость
ея пѣнія. Никогда Маркези и Тоди не
пѣли для меня столь пріятно. Глаза
мои начинали закрываться, и бальзами-
ческій сонѣ низпустился на мои зѣницы.
Могу ли описать пріятность такого за-
сыпанія! — Я лежалѣ на мягкой благо-
вонной травѣ, питался чистѣйшимѣ воз-
духомѣ, внималѣ пѣнію соловья и жур-
чанію попоковѣ, чувствуя во всемѣ сво-
емѣ составѣ нѣкоторое пріятное расслаб-
леніе; и вѣ самую ту минушу благодѣтель-
ный сонѣ начиналѣ закрывать глаза
мои, — и нѣжное прикосновеніе его бы-
ло столь пріятно, столь пріятно
Но сіе можно только чувствовать.

Около трехѣ часовѣ продолжался мой
сонѣ. Наконецѣ вѣспникѣ утра, парив-
шій надѣ моею головою, разбудилѣ меня
раннею своею пѣснію. Съ какимѣ радо-
стнымѣ

стиымъ чувствомъ открылъ я глаза свои! Показывалась заря, и предметъ за предметомъ открывался взору моему. Земля снова шворилась, бывъ дополъ во мракъ, въ смерти. Свѣтъ утренняя, разливаясь повсюду, разливалъ жизнь — все пробуждалось, все оживало! Но все было тихо. Обновленная Нашура въ торжественномъ молчаніи готовилась принять огненного Царя своего, какъ на нашъ горизонтъ шедшаго. Всѣ пернатые были въ движеніи, порхали съ куста на кустъ, и приготавливались къ пѣнію утренней пѣсни. Между тѣмъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на множество бѣлыхъ паровъ, въ видѣ столповъ поднимавшихся отъ рѣки и ручьевъ; извиваясь и шончая, возносились они къ облакамъ, и наконецъ исчезали. Скоро показалось на возокъ бѣлое пятно — знакъ приближенія солнца. Я всталъ и возшелъ на самую вершину холма, чтобы взоромъ своимъ скорѣе вспрѣять пышное свѣтило. Вдругъ блеснулъ яркій лучъ свѣта, и начало показываться солнце, лучами увѣчанное. Въ самое сіе мгновеніе возгласили пщицы громкую пѣснь; я съ благоговѣніемъ палъ на колѣни, и по сердечному движенію запѣлъ:

Се лахи, Боже! посылаешь
Къ намъ вѣстника щедротъ Своихъ,
И снова блага изливаешь
На тварей и сыновъ Твоихъ!

Нѣсколько минутъ провождалъ я глазами величественное солнце въ пути его. Наконецъ, исполненный почтенія къ Творцу, и разныхъ сладостныхъ чувствъ, пошелъ я въ городъ, и дорогою читалъ Томсоновъ Гимнъ, которымъ заключаетъ онъ безсмертную свою Поэму. Во весь тотъ день чувствовалъ я необыкновенное веселіе въ сердцѣ, и во всемъ тѣлѣ пріятную свѣжесть.

ЕВГЕНІЙ и ЮЛІЯ,

Русская истинная повѣсть.

Cessez, et retenez ces clameurs lamentables,
Faible soulagement aux maux des misérables!
Fléchissons sous un Dieu qui veut nous éprouver,
Qui d'un mot peut nous perdre, et d'un mot
nous sauver!

Госпожа Л *, проведшая все время своей молодости въ Москвѣ, удалилась наконецъ въ деревню, и жила тамъ почти въ совершенномъ уединеніи, утѣшаясь своею воспитанницею, дочерью покойной ея пріятельницы, которая въ послѣдній часъ жизни своей, пожавъ ея руку, сказала: „Будь матерью моею Юлія!“,

Подобно тихой прозрачной рѣкѣ стекла мирная жизнь ихъ, спруившаяся невинными удовольствіями и чистыми радостями. Праздность и скука, которыя угнѣщаютъ многихъ деревенскихъ жителей, не смѣли къ нимъ приблизиться. Онѣ всегда чѣмъ нибудь занимались; сердце и разумъ ихъ были всегда въ дѣйствіи. Едва мрачныя ночныя тѣни исчезать начинали; едва румяный свѣтъ

Часть XVIII. No. 25. Л зари

зари начиналъ разливатся по воздуху — Госпожа Л*, пробуждаясь вмѣстѣ съ Природою, нѣжными ласками прерывала покойный сонъ Юліи, и призывала ее пользоваться пріятностями утра. Обнявшись, выходили онѣ изъ дому; дожидались солнца, сидя на высокомъ холмѣ, и встрѣчали его съ благословеніемъ. Насладясь симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ Природы, возвращались онѣ домой съ чувствомъ веселія, ходили по саду, осматривали цвѣты, любовались ихъ освѣженною красою и пилились амброзическими изпареніями. Госпожа Л*, посмотрѣвъ на пышную розу, часто съ улыбкою обращала взоръ свой на Юлію, находя между ими великое сходство. Но Юлія любила болѣе всѣхъ цвѣтѣвъ фіалку. „Миленькой цвѣточикъ! говаривала она, прикасаясь нѣжными устами своими къ ея листочкамъ: миленькой цвѣточикъ! напрасно скрываешься въ густотѣ травы: я вездѣ найду тебя., — Говоря сіе, клялась внутренно быть всегда смиренною подобно любезной своей фіалочкѣ. Послѣ обѣда хаживали онѣ смѣтрѣть полевые работы поселянъ, которые въ присутствіи ихъ трудились съ радостію. Вечеръ приносилъ съ собою

новыя удовольствія. Смотрѣли на заходящее солнце; смотрѣли, какъ кропкія овечки при звукахъ пастушеской свирѣли бѣгутъ домой, блеютъ и прыгаютъ — какъ утружденные поселяне одинъ за другимъ возвращаются въ деревню — и слушали, какъ они, бывъ довольны успѣхомъ работъ своихъ, въ простыхъ пѣсняхъ благословляютъ мать Натуру и участь свою.

Когда же наступала пасмурная осень, и густымъ мракомъ все швореніе покрывала — или свирѣлая зима, отъ Сѣвера несущаяся, потрясала міръ бурями своими; когда въ нѣжное Юліино сердце вкрадывалась томная меланхолія, и тихими вздохами колебала грудь ея: тогда брались за книги, безсмертныя шворенія истинныхъ Философовъ, писавшихъ для пользы рода человѣческаго; тогда читали и перечитывали письма любезнаго Евгенія, сына госпожи Л*, учившагося въ чужихъ краяхъ. Иногда при чтеніи сихъ писемъ глаза Юліины наполнялись слезами — пріятными слезами любви и почтенія къ благоразумному и добросердечному юношѣ. „Ахъ! когда онъ къ намъ пріѣдетъ? часто говаривала Гес-

пожа Л*: какъ щастлива буду я, когда его увижу, прижму къ своему сердцу, и себя съ нимъ вмѣстѣ, Юлія!,,

Такъ текли дни, мѣсяцы и годы. Настало время, въ кошорое молодому Л* надлежало возвратиться въ отчество и въ обѣщія своей матери. Всякой день ждали его, и все о немъ говорили. Гуляя по цвѣшущимъ лугамъ — тогда было еще начало лѣта — безпрестанно посматривали на большую дорогу. Когда поднималась вдали пыль, сердца, ожиданіемъ томимыя, шрепешать начинали. Прогуливались долѣе обыкновеннаго; медлили обѣдать, медлили ужинать, надѣясь, что пріѣдетъ сынъ, пріѣдетъ брашець — съ самаго дѣтства Юлія привыкла называть Евгенія симъ именемъ.

Наконецъ онъ пріѣхалъ. Возклианія, возторгъ, радостныя слезы — кто все сіе описать можетъ? Нѣсколько дней не могли они отъ радости опомниться. Юлія — по скромности, свойственной молодой благонравной дѣвушкѣ — старалась удерживать сильныя движенія своего сердца, но не всегда могла удержать ихъ. Молодой пылкой человѣкъ, возпи-

танный съ нею вмѣстѣ и любившій ее какъ сестру свою, послѣ таковой долго-временной разлуки требовалъ отъ нее новыхъ увѣреній въ любви. Юлія должна была обходиться съ нимъ такъ же вольно, такъ же просто, какъ и въ дѣтствѣ. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы она всегда говорила ему *ты*, а не *вы*; сего послѣдняго слова не могъ онъ пер-пѣть въ устахъ своей Юліи. „Какъ бы я былъ несчастливъ — говорилъ онъ прогашельнымъ голосомъ — естли бы разлука хотя нѣсколько прохлала твою любовь ко мнѣ, потѣнѣжный жаръ дружбы, которой составлялъ щастіе моего младенчества! . . . Нѣтъ, сестрица! ты меня конечно пакъ же любишь, какъ и прежде; собственное мое сердце меня въ томъ увѣряетъ. Хотя, разставшись съ вами, перешелъ я совсѣмъ въ новой міръ, гдѣ меня все занимало, все изум-ляло; однакожь мысль о васъ — о ма-пушкѣ и о тебѣ — была всегда пер-вою и пріятнѣйшею моею мыслию. Пом-нишь, какъ мы прощались, когда Евгеній, проливая слезы, сказалъ тебѣ прерыва-ющимъ голосомъ: Юлія! я буду всегда нѣжнѣйшимъ другомъ твоимъ! — Эта сцена никогда не выходила изъ памяти

моей. „ — Юлія отвѣчала ему одною улыбкою; но сія улыбка сказывала ему все. Госпожа Л* въ радости обнимала сына своего и Юлію.

Хозяйки водили Евгенія по всѣмъ лучшимъ мѣстамъ въ окрестности своей деревни, и показывали ему прекрасные виды, открывающіеся съ вершины зеленыхъ холмовъ. „Подъ этимъ высокимъ вязомъ, говорила ему госпожа Л*, ты часто сиживалъ съ Юлією; часто бѣгивалъ съ нею по этому лугу; въ этомъ лѣску брали мы землянику — и когда Юлія, не умѣя искать ягодъ, грустила: ты тихонько подбѣгалъ къ ней, и пересыпалъ свои ягоды въ ея корзинку. На этой долині въ заставили меня однажды плакать и благодарить Бога. Помнишь ли? Нѣтъ, ты уже все забылъ. Такъ я расскажу тебѣ. Мы гуляли по рощѣ. День былъ очень жарокъ. Вышедши на долину, увидѣли мы лежащаго на правѣ старика, которой едва дышалъ отъ усталости и зноя. Ты тотчасъ бросился къ нему, посмотрилъ на него пристально, вдругъ побѣжалъ къ рѣкѣ, схватилъ съ себя шляпу, почерпнулъ воды, возвратился къ старику, напоилъ его и смылъ

у него съ лица пыль; а Юлія обтерла его платкомъ своимъ. Боже мой! какъ я радовалась вами, видя такіе знаки чувствительности вашего сердца!

Гуляя при свѣтѣ луны, разсматривали звѣздное небо, и дивились величеству Божію; внимая шуму водопада, разсуждали о безсмертіи. Сколько высокихъ, нѣжныхъ мыслей сообщали они другъ другу, бывъ оживляемы духомъ Природы! Какъ возвышалось сердце молодого человека, когда онъ въ лицѣ Юліи разсматривалъ образъ спокойной невинности, освѣщаемый лучами тихаго свѣтила!

Евгеній подарилъ Юліи множество нотъ, множество Французскихъ, Италіянскихъ и Нѣмецкихъ книгъ. Она прекрасно играла на клавесинѣ и пѣла. Клопштокова пѣсня: *Willkommen lieber Mond!* къ которой музыку сочинялъ Кавалеръ Глукъ, ей отменно полюбилась. Никогда не могла она безъ сердечнаго размягченія пѣть послѣдней строфы, въ которой Глукъ такъ искусно согласилъ тоны съ чувствами великаго Поэта. — Крошкія, нѣжныя души! вы одни знаете цѣну сихъ Виртуозовъ, и вамъ единствен-

но посвящены ихъ безсмертныя сочиненія! Одна слеза ваша есть для нихъ величайшая награда.

15 Августа минуло Евгению двадцать два года, а Юлія двадцать одинъ. Утренняя пѣснь птичекъ разбудила юношу. Онъ открылъ глаза, и всѣ предметы вокругъ его улыбнулись. Вспавъ съ веселіемъ, спѣшилъ онъ къ своей родительницѣ. Она сидѣла въ задумчивости, облокотившись на окно, подлѣ котораго на молодой яблонѣ лобызались двѣ горлицы; — на челѣ ея видны были знаки небесныхъ чувствъ. Евгений смотрѣлъ на нее съ глубокимъ почтеніемъ, не смѣвъ перервать ея размышленія. Но сердце ея скоро почувствовало приходъ любезнаго сына; она встала, обняла его и благословила день его рожденія. Вошла Юлія. Легкое бѣлое платье съ розовыми лентами, распущенные волосы, радостная усмѣшка — все сіе возвышало красоту ея. Она лѣтѣла въ объятія своей возпитательницы. Евгений цѣловалъ ея руку. Госпожа Л * сѣла на софу, посадила подлѣ себя дѣтей своихъ, смотрѣла на нихъ съ умильною любовію, и начала говорить: „Богъ видитъ, что я васъ равно люблю —
серд-

сердце мое признаетъ Юлію своею дочерью. Я всегда радовалась взаимною вашею любовію — веселилась, что Богъ даровалъ мнѣ такихъ милыхъ дѣтей. Признаюсь, я боялась, чтобы ты, сынъ мой, просвѣщая свой разумъ, не развратился въ сердцѣ, которое у тебя такъ мягко. Часто на колѣняхъ взывала я къ Богу: спаси моего сына! — Онъ услышалъ молитву мою, и ты возвратился къ намъ съ большими знаніями и съ неизпорченными чувствами. Не правда ли, что и въ Юліи нашелъ ты новыя достоинства? Она была предметомъ всѣхъ моихъ попеченій; я старалась ее научить всему тому, что сама знала. Богу открыто было мое намѣреніе, а теперь и вамъ его открою. Я готовила васъ другъ для друга. Вы другъ друга достойны, другъ друга любите: совершите же благополучіе мое и соединитесь вѣчнымъ священнымъ союзомъ! „ — Евгенийъ вдругъ всталъ, бросился къ ногамъ матери своей, и могъ сказать только: „Матушка! . . . матушка!“, Юлія приклонила голову свою ко груди ея, и въ безмолвіи жала ея руку. Евгенийъ одною рукою обнялъ мать свою и Юлію Блаженныя Патріархальныя времена, въ

который добродѣтельный юноша безъ всякой бояливой застѣнчивости, означающей разплѣнную порокомъ душу, прижималъ къ груди своей добродѣтельную дѣвицу! одна минуша излетѣла изъ глубины вашей, вырвалась изъ объятій вѣчности, васъ поглотившей, возвратилась въ міръ и ошастливила юнаго Евгенія! — Блаженствуйте дѣти мои! говорила Гж. Л*: блаженствуйте ко щастію матери вашей! Ахъ! достойна ли я такого блаженства! сказала Юлія: ваши милости — — „Ты для меня небесный даръ, Юлія — даръ, котораго едва смѣлъ я желать во глубинѣ своего сердца. „ —

Если бы Рафаэль увидѣлъ сію сцену, то онъ забылъ бы писать картину, и въ возхищеніи бросилъ бы кисть свою.

Всѣ домашніе, узнавъ, что Евгений скоро будетъ супругомъ Юліинымъ, были въ себя отъ радости; всѣ любили его, всѣ любили ее. Всякой спѣшилъ къ обѣднѣ; всякой хопѣлъ отъ всего сердца молиться о благополучіи ихъ. Какое зрѣлище для Ангеловъ! Евгений и Юлія составляли одно сердце, въ пламени молитвы къ
небе-

небесамъ возпарявшее Госпожа Л * въ жару благоговѣнія многократно упала на колѣни, поднимая глаза къ небу, и по томъ сбрашала ихъ на дѣшей своихъ. — Надлежало думать, что сіи сердечныя прошенія будутъ имѣть щастливья слѣдствія для юной чисты — чіо она будетъ многолѣтствовать въ непрерывномъ блаженствѣ, какимъ только можно смертному на землѣ сей наслаждаться. Но судьбы Всемогущаго суть для насъ непоспимая тайна. Пребывая изъ кони вѣренъ законамъ Своей премудрости и благости, Онъ шворитъ — мы изумляемся и благоговѣмъ — въ вѣрѣ и молчаніи благоговѣть должны.

Будучи въ безпрестанномъ восторгѣ высочайшей радости, Евгеній около вечера почувствовалъ въ себѣ сильной жаръ. Онъ не хотѣлъ чувствовать его, хотѣлъ превозмогать Натуру, и шайть сіе бorenіе; но внутреннее состояніе его скоро открылось пронизательнымъ глазамъ нѣжной его родительницы и Юліи. Спрахъ разлился по всѣмъ нервамъ ихъ. Радость, подобно лѣтнему солнцу, скрылась за облако печальныхъ предчувствій; буря и громъ шайлись въ нѣдрахъ онаго, Боль-

Больного положили на постелю — послали въ городъ за докторомъ — всѣ были въ смященіи, но всѣ старались еще льстить себѣ надеждою. Такъ человѣкъ по нѣкоторому природному побужденію — можетъ быть щастливому — закрываетъ глаза свои, когда освѣщаетъ его лучъ будущихъ горестей!

Евгеній — не смотря на то, что пламя болѣзни спремилось въ немъ охватить всѣ пробои жизни — просилъ печальную мать свою и плачущую Юлію успокоиться, увѣряя, что ему становится лучше; но огненные руки его и горящее лице обличали его въ неправдѣ. Три дни — въ которые ни Гж. А*, ни Юлія, почти не отходили отъ постели его и не смыкали глазъ — болѣзнь его то усиливалась, то уменьшалась. Приѣхалъ Докторъ, осмотрѣлъ больного и не сказалъ ничего рѣшительнаго. Казалось, что въ пятой день было ему гораздо легче: утѣшеніе блеснуло въ душахъ печальныхъ. Но въ шестой день пришелъ онъ въ безпамятство, и Докторъ сказалъ Юліи за тайну, что нельзя ручаться за жизнь его. Оцѣпенѣніе и обморокъ!

Боль-

Больной въ безпамятствѣ своемъ часто говорилъ жаромъ: „Я не хочу, не хочу съ нею разстаться! . . . Только съ нею хотѣлъ бы я царствовать . . . Оставь меня, изкушитель, и не кажись Юліи!“, —

Въ девятой день, на самомъ разсвѣтѣ, душа Евгеніева оставила бренное тѣло. Изскупленной матери казалось, что соборъ святыхъ Духовъ принялъ ее въ свои объятія, и съ громогласными пѣснями провождалъ по пространствамъ эѳира. Послѣ сей небесной мечты она почувствовала въ себѣ бодрость, и могла упѣшать Юлію, которая упала на грудь мертваго, и въ отчаяніи восклицала: „Другъ, супругъ мой! постой, постой! умремъ вмѣстѣ!“, — Насилу могли вывести ее изъ комнаты.

Черезъ три дни надлежало погребать тѣло. Всѣ дворовые люди и крестьяне присутствовали при семъ печальномъ обрядѣ, и проливали горькія слезы. Всякой хотѣлъ нести гробъ, и тѣмъ оказать послѣдній долгъ покойному. За гробомъ шла несчастная мать въ длинномъ черномъ плащѣ. Нѣмая горестъ изображалась на лицѣ ея; но сквозь глубокія черты сей горести сіяла
швер-

твердость и свяшая надежда на Небесное подкрѣпленіе. Блѣдная, немогшая Юлія не могла сама итти; е вели двѣ женщины подѣ руки въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гроба. Ни одной капли слезъ не видно было въ глазахъ ея, и никакихъ жалобъ уста ея не произносили; но въ сердцѣ своемъ чувствовала она всю тяжесть свершившагося удара.

Унылый гласъ похоронныхъ пѣсней, и видъ гроба, опускаемаго въ землю, не могли поколебать мужества Гж. Л *. Но Юлія не могла уже вынести сей послѣдней сцены, громко закричала, и едва было безъ чувствъ не упала въ могилу; но Гж. Л * успѣла схватить и удержать ее.

Такъ сокрылся изъ міра нашего любезный юноша. Прости, цвѣтъ добродѣтели и невинности! Прахъ твой покоится въ объятіяхъ общей матери нашей; но духъ, составлявшій истинное существо твое, плаваетъ въ безчисленныхъ радостяхъ вѣчности, ожидая своей любезной, съ которою не могъ онъ здѣсь соединиться вѣчнымъ союзомъ. Прости!

Гж. Л * и Юлія лишились въ сей жизни всѣхъ удовольствій, и живутъ во всегдашнемъ меланхолическомъ уединеніи. Самая Природа, бывшая нѣкогда для нихъ

изсто-

источникомъ радостей, представляется имъ мрачною и запустѣвшею Единственную отраду свою находящѣ онѣ въ молишвѣ и въ помышленіи о будущей жизни. Въ слѣдующую весну Юлія насадила множество благовоющихъ цвѣтшвъ на могилѣ своего возлюбленнаго; будучи орошаемы ея слезами, они разпускаются тамъ скорѣе, нежели въ саду и на лугахъ. Молодые деревенскія дѣвушки и мальчики празднуютъ подлѣ сей могилы пришествіе прекраснаго Мая; но отцы ихъ и матери никогда безъ тяжелаго вздоха мимо ея не проходятъ.

Одинъ молодой чувствительной человѣкъ, проѣзжавшій черезъ деревню Гж. Д* и слышавшій сію печальную повѣсть, посѣтилъ гробъ Евгеніевъ, и на бѣломъ камнѣ, лежавшемъ между цвѣтшвъ на могилѣ, написалъ карандашомъ слѣдующую эпитафію, которая послѣ была вырѣзана на особливомъ мраморномъ камнѣ:

*Сей райскій цвѣтъ не могъ въ семь мѣръ
разлуститься —
Увяль, изсохъ, олаъ — и въ рай былъ
пренесенъ.*

Праводушіе и Искренность,

Анекдотъ.

Величайшіе мужи всѣхъ временъ почитали притворство за подлѣйшій порокъ, а искренность за высочайшую добродѣтель.

Въ 1588 году Герцогъ де Гизъ, сдѣлавъ возмущеніе, принудилъ Короля оставить Парижъ. Въ сіе время пришелъ Герцогъ къ Президенту Гарле. Сей старецъ прогуливался по саду, и такъ мало потревожился приходомъ Герцога и свиты его, что не оборачиваясь къ нему, шелъ прямо до конца алеи, и заставилъ его итти за собою. Когда же ему надлежало оборотиться и встрѣтиться съ Герцогомъ, то онъ въ короткихъ словахъ сказалъ ему: „Худо, когда слуга выгоняетъ своего господина! Впрочемъ душа моя принадлежитъ Богу, сердце Королю, а шло мое во власти всякаго злодѣя; пусть дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ!“

УТѢХИ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ИТАЛІИ.

(Изъ Италіянскаго еженедѣльнаго изданія, подъ заглавіемъ *Кофейной Домъ*)

Любезной другъ!

Я живу уже цѣлой мѣсяцъ въ здѣшней щастливой сторонѣ, у самаго любезнѣйшаго и разумнѣйшаго хозяина; и одинъ только календарь можетъ увѣришь меня, что я въ самомъ дѣлѣ живу здѣсь столько времени. Сей увеселительной домъ находится въ двухъ миляхъ отъ Кс. — слѣдственно я не могу бояться городского шума и скучныхъ посѣщеній, и при томъ пользуюсь тѣми выгодами, которыя доставляетъ близость большаго города. Здѣсь воздухъ здоровъ, умѣренъ, веселъ. Съ одной стороны представляется глазамъ большая равнина, которая кажется непрерывнымъ садомъ; а съ другой видны холмы, покрытые виноградомъ, изъ котораго выходятъ прекрасныя вина. Здѣсь совсѣмъ не знаютъ шумановъ, флюсовъ и головной боли, которыя — какъ — то опытомъ доказано — всегда

бываютъ неразлучны. Вообще видъ весьма пріятенъ, и такъ разнообразенъ, какъ только себѣ представишь можно. Коротко сказать, это мѣсто не понапрасну называется *Элизіумъ*.

Въ сей радостной сторонѣ Маркизъ Н* построилъ себѣ домъ, куда онъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми любезными, избранными друзьями. Представьте себѣ осьмиугольную равносходную залу, которая сведена куполомъ; свѣтъ въ нее проходитъ въ восемь оконъ, которыя выше кровли, и сверхъ того освѣщается она четырьмя крестъ на крестъ сдѣланными дверьми. Четыре прекрасныя комнаты примыкаютъ къ прочимъ четыремъ стѣнамъ. Такимъ образомъ въ срединѣ каждой стѣны есть дверь; одна ведетъ въ комнату, а другая въ портикъ съ тройнымъ сводомъ, которой подпертъ четырьмя столпами. Черезъ одинъ портикъ сходятъ въ алею, ведущую къ деревнѣ, а черезъ прочіе въ разные сады. Крыльцо сдѣлано въ одной изъ комнатъ, а посредствомъ галереи въ залѣ сообщаются между собою всѣ верхнія комнаты, изъ которыхъ четыре сдѣланы надъ комнатами нижняго этажа, а другія четыре надъ портиками,

ками, такъ что передъ каждою комнатою остается небольшое треугольное мѣстечко, гдѣ можешь быть слуга. Кухня и другія надобности находятся внизу, а слуги живутъ въ двухъ соседственныхъ домахъ, построенныхъ при началѣ алей, которая простирается къ деревнѣ. Все зданіе окружено хорошими, крѣпкими стѣнами, и все деревянное строеніе оштѣлано съ великимъ вкусомъ. Во всякое время года, и въ самую бурную погоду можно тутъ найти спокойное убѣжище. Всѣ домовые приборы просты. Нигдѣ не видно ни золотъ, ни серебра. Стулья и столы удобны, крѣпки и гладки. Полъ въ залѣ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, а въ другихъ комнатахъ изъ орѣховаго дерева, и такъ ровенъ и блестящъ, что въ немъ почти какъ въ зеркалѣ можно видѣть лице свое. Стѣны вездѣ выбѣлены нѣкоторымъ родомъ гипса, которой такъ гладокъ, что его можно почестъ мраморомъ. Онѣ не разписаны и не обвѣшаны картинами; только въ куполѣ залы, и въ той комнатѣ, которую мы называемъ *Лечнами*, видна живопись. Картины заземняютъ комнаты. Сначала бывають онѣ пріятны глазамъ; но когда къ нимъ привык-

нешь, то чувствуешь одно то, что онъ дѣлающъ темношу и въ комнашѣ неудобны.

Сія комната, которую мы *Аѳинами* называемъ, посвящена Наукамъ, и находится прямо противъ крыльца. Она сдѣлана со сводомъ, которой выкрашенъ голубою краскою, и гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ украшеній, кромѣ звѣздъ разной величины, разположенныхъ въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ находятся онѣ на нашемъ полушарѣ. На полу проведенъ весьма вѣрной меридіанъ, на которой, сквозь небольшое въ стѣнѣ сдѣланное отверстіе свѣтитъ лучъ солнечной. Стѣны нашихъ *Аѳинъ* обиты пологномъ, выкрашеннымъ масляными красками, гдѣ символически представлены всѣ Науки. Въ одномъ мѣстѣ Купидоны наводятъ телескопъ; другіе посредствомъ зажигательнаго стекла производятъ огонь; третьи занимаются важными астрономическими наблюденіями; иные разсматриваютъ присму и тѣнницу или камеру обскуру. На другой сторонѣ видна электрическая машина, которая *Геніями* приводится въ движеніе и выбрасываетъ искры. По томъ слѣдуетъ *Пневматика* и *Гидравлика*. Другіе *Геніи* разбираютъ

над-

надписи — и такимъ образомъ вся комната, по искусному раздѣленію стѣнъ и свѣта, разписана голубою краскою, которую возвышаетъ бѣлая. Въ комнатѣ стоить большой неподвижной столъ, а подъ нимъ не болѣе трехъ сотъ книгъ, со вкусомъ выбранныхъ и переплетенныхъ въ одинакой хорошей переплетѣ. На стѣнѣ висятъ весьма вѣрные часы. Квадрантъ, разные телескопы и увеличивательныя стекла, сферы и физическія инструменты занимаютъ комнату, къ которой каждой изъ насъ имѣетъ ключъ, чтобы мы могли свободно въ нее ходить.

Садъ, которой идетъ прямо противъ большой алей, совершенно во Французскомъ вкусѣ; а другіе два, которые идутъ по сторонамъ, расположены по собственному нашему вкусу. Садъ, находящійся на лѣвой сторонѣ, опредѣленъ для съѣстныхъ растений. Тутъ найдете вы самыя вкуснѣйшія травы и плоды Азіатскіе, Африканскіе и Американскіе; самую лучшую Голландскую спаржу, дыни и проч. Подъ землею проведены трубы, которыя всегда рачительно топятся, чтобы сажать самыя рѣдкіе иностранные плоды, несвойственные настоящему годовому времени. Въ самую

позднюю осень бываютъ шупъ персики, вишни и другіе весенніе ѣ лѣшніе плоды.

Когда вдругъ взглянешь на претій садъ, то покажется, что его надобно еще ошдѣлать. Нѣтъ ни алей, ни партеръ, ни симметріи. Видишь только богато одѣтую Натуру, производшую шупъ дикой лѣсокъ, въ которой не скоро найдешь входъ. Но когда подойдешь поближе, увидишь маленькую шропинку, ведущую въ сей прекрасной лѣсокъ, гдѣ подъ ногами находишь полей, шминъ и другія благовонныя травы, которыя наполняютъ воздухъ своими бальзамическими изпареніями. Изъ подземельныхъ каналовъ бѣстъ вода, которая искусно проведена изъ ключей близь лежащаго холма, и всякой подумаетъ, что шупъ ея изсточникъ. Она шечетъ разными маленькими ручейками, и орошаетъ розы, землянику, фіялки и другія растѣнія, пріятныя для глазъ и обонянія. Тутъ въ совершенной свободѣ живутъ птицы и вьютъ себѣ гнѣзда; онѣ такъ привыкли къ людямъ, что ихъ можно почти брать руками. Сіе мѣсто во всякое время года пріятно, а особливо лѣшомъ, когда всѣ растѣнія бываютъ въ полной силѣ. Тутъ самое утонченнѣйшее искусство

ство кажется простымъ дѣломъ Нашуры. Куда ни пойдешь, вездѣ видишь въ изобиліи лучшіе дары щедрой Природы. Въ срединѣ сего волшебнаго лѣску есть круглая равнина, гдѣ въ прекрасномъ видѣ разсѣяны ошатки древней Архитектуры; столпы, аркады, карнизы, надписи, развалившіяся статуи — коротко сказать, разныя древности, вокругъ которыхъ обвиваются травы, подѣ ними растущія. Все сіе такъ искусно разположено и въ такомъ прелестномъ безпорядкѣ, что я пришелъ въ восхищеніе и забылъ самого себя, когда въ первой разѣтуда пришелъ. Иногда казалось мнѣ, что я въ Театрѣ; иногда въ воображеніи своемъ попиралъ я ногами изкусныя произведенія славнаго купечествомъ Кароагена или побѣдоноснаго Рима. Однимъ словомъ, я во всю жизнь свою не видалъ ничего прекраснѣе сего безпорядочнаго сада, которой при всемъ томъ стоитъ нашему хозяину менѣе двухъ другихъ.

Вотъ вамъ описаніе того мѣста, гдѣ я нынѣ живу. Теперь опишу вамъ образъ жизни нашей. Насъ гостей съ хозяиномъ семеро, и каждой изъ насъ имѣетъ особливую комнату вверху. До одиннадцати часовъ всякой дѣлаетъ,

что хочетъ. Что принадлежитъ до меня, то я, послѣ усерднейшей молитвы, хожу съ книгою въ прелестной лѣсокѣ. Въ одиннадцатъ часовъ всѣ одѣнувшись. До обѣда остается еще два часа. Въ сіе время мы читаемъ какое нибудь Маркизово сочиненіе и разныя мѣста изъ другихъ хорошихъ Писателей, или разсуждаемъ о своихъ наблюденіяхъ, иногда декламируемъ какую нибудь хорошую Трагедію или Комедію — и такимъ образомъ проводимъ сіи два часа пріятно и полезно. Тутъ идемъ обѣдать; но никто не примѣчаетъ, что Маркизъ господинъ въ домѣ — онъ не приказываетъ, не хулитъ, не подбиваетъ. Обѣдъ бываетъ наилучшій, и состоитъ изъ здороваго и легкаго кушанья. Нѣтъ грубой пышности, однакожь всего довольно. Никогда не подаютъ на столъ вязкаго и шпательнаго мяса, луку, чесноку, кислаго или соленого кушанья, каршофелей и проч.; напрошивъ того всегда бывають въ обѣдѣ цыпляты и другія молодыя птицы, всякія травы, померанцы, а особливо сокъ ихъ. Мы любимъ вкусныя, а не крѣпкія кушанья; пища, сильно дѣйствующая на вкусъ, такъ сказать, заглушаетъ его и лишаетъ гораздо больше

шихъ и тончайшихъ удовольствій. Вина, дѣлаемая изъ здѣшняго винограда, весьма вкусны, а не крѣпки, такъ что они, естли немного смѣшаешь ихъ съ водою, подобны лимонному соку, и составляютъ пріятное питье, способствующее варенію въ желудкѣ. Мы не употребляемъ такого кушанья, которое сильно пахнетъ, и всего того, что въ гніеніи имѣетъ отвратительной духъ; по тому сыръ и капуста никогда не употребляются. — Таковъ нашъ столъ. При концѣ обѣда пьемъ мы по чашкѣ прекраснаго кофе; всѣ довольны, сыты, не отягощены грубымъ кушаньемъ, которое усыпляетъ духъ и заспавляетъ зѣвать; и такимъ образомъ послѣ обѣда снова оживляется веселость наша.

По томъ подають намъ кареты и верховыхъ лошадей. Мы прогуливаемся — ѣдимъ вгости къ комунибудь изъ сосѣдственныхъ дворянъ, или въ уединенныхъ мѣстахъ наслаждаемся прекраснымъ видомъ, и разсматриваемъ какойнибудь водопадъ или другія великолѣпныя натуральныя сцены. Время до вечера проходитъ для насъ непримѣтно, и въ сумерки возвращаемся мы въ Элк-

зіумъ. Въ воскресенье ввечеру даемъ мы балъ, и всѣ сосѣди сбѣзжаются проводить у насъ вечеръ. Музыканты наши играютъ на галлерей, а въ большой залъ танцуютъ. Въ одной комнатѣ нижняго этажа стоятъ карточные столы, а въ другой бываетъ сельской ужинъ, гдѣ всякой себѣ служить, и, не сядя за столъ, прохлаждается лучшими плодами и пьетъ лучшія вина. Около полуночи балъ нашъ оканчивается. Въ прочіе вечера занимаемся мы музыкою. Трое изъ нашихъ товарищей хорошіе музыканты, и играютъ шріо. Маркизъ въ путешествіи своемъ собралъ множество прекрасныхъ легкихъ сонатовъ, которые переплешены всѣ вмѣстѣ. Между тѣмъ другіе шутятъ и смѣются, читаютъ, слушаютъ, разговариваютъ. Наконецъ наступаетъ часъ ужина, и послѣ стола всякой идетъ въ свою комнату.

Строго запрещено у насъ злословить и говорить чтонибудь противъ Религіи. Жизнь наша есть самая невинная и щастливая. Я не думаю, чтобы Азіатской Султанъ могъ наслаждаться такими удовольствіями, какими мы наслаждаемся, хотя бы и думалъ онъ, что

мил-

милліоны людей живутъ только для услугъ его.

А всякую красоту, всякую пріятность возсылаетъ самъ Маркизъ, человекъ, которой знаетъ все Дворы и всякое цвѣтущее Европейское государство; которой пріятельски обходился съ самыми славнѣйшими людьми во всякомъ родѣ; которой въ путешествіяхъ своихъ и черезъ упражненіе въ Наукахъ, бывшихъ всегда предметомъ природной склонности его, приобрѣлъ такіа драгоцѣнныя знанія, и употребляетъ ихъ такъ хорошо, что его обхожденіе очаровываетъ людей. Онъ милъ, любезенъ, и при томъ *мужъ*; рѣшителенъ и смѣлъ безъ дерзости. Одни друзья его обѣдаютъ у него въ деревнѣ; и въ разсужденіи сего взялъ онъ такіа хорошія мѣры, что никто незваной не можетъ у него остаться къ столу. Ни одинъ человекъ изъ тѣхъ гостей, которые по воскресеньямъ у насъ танцуютъ и ужинаютъ, не осмѣлится соучаствовать съ нами въ ежедневныхъ упражненіяхъ нашихъ. Такимъ образомъ сей истинной Философъ умѣетъ жить въ свѣтѣ, не будучи рабомъ его.

Часто бывалъ я въ великолѣпныхъ увеселительныхъ замкахъ и въ самыхъ блестящихъ компаніяхъ; но никогда еще не видывалъ такого избраннаго и веселаго общества, какъ наше. Всего же пріятнѣе то, что нашъ хозяинъ не разоряется отъ жизни своей, подобно тѣмъ, которые нынѣ живутъ великолѣпно, а завтра должны терпѣть недостатки и нужду; а сіе чувство пагубной пышности всегда терзало сердце мое и не давало мнѣ ничѣмъ наслаждаться, когда я участвовалъ въ великолѣпныхъ забавахъ.

Маркизъ получаетъ ежегодно 12000 талеровъ. Въ молодыхъ лѣтахъ своихъ издерживалъ онъ сей доходъ на путешествія. Когда же возвратился въ отечество, то на содержаніе свое опредѣлилъ только 4000, а прочія восемь употреблялъ на строеніе *Элизіума*. Отстроивъ его, сдѣлалъ онъ опять новое распоряженіе въ разсужденіи своихъ доходовъ: 4000 талеровъ назначилъ для своей особы, 1000 для содержанія *Элизіума*, 2000 для бѣдныхъ, 1000 для награжденія достойныхъ людей, когда они что нибудь полезное сдѣлаютъ; а прочія 4000 на то, чтобы два мѣсяца въ

въ году весело прожить въ Элизіумъ. Въ семъ разпоряженіи ничто одно другому не мѣшаетъ. Если бы сказать вамъ, какимъ образомъ употребляетъ онъ 1000 талеровъ, назначенныхъ для награжденія достоинствъ во всякомъ родѣ — какъ онъ помогаетъ Ученымъ, Живописцамъ, Художникамъ — и какое добро ежегодно дѣлаетъ онъ шѣмъ въ своемъ опшечествѣ: то сіе подало бы мнѣ матерію къ новому письму, и вы бы увидѣли, что одинъ разумной гражданинъ имѣетъ болѣе вліянія на просвѣщеніе націи, нежели всѣ угрюмые Капоны. Но пора окончить письмо. Простите! — Остаюсь, и проч.

Писано въ Элизіумъ,

5 Окт. 1764.

РАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ,

Анекдотъ.

Недавно въ Англіи одинъ Офицеръ, который былъ Шотландецъ, вызвалъ на поединокъ другаго Офицера, ушверждая, что онъ поносилъ Шотландскую націю. Оба они опличались всегда храбростію и мужествомъ.

Пришедши на мѣсто, Англичанинъ спросилъ у Шотландца: За что мы подлинно хотимъ драться?

За честь мою, за честь моего общества — отвѣчалъ онъ.

Нѣтъ, сказалъ Англичанинъ, вынимая изъ кармана веревку: а вотъ за что! Кто изъ насъ будетъ побѣдителемъ, тотъ въ награду не получитъ ничего, кромѣ веревки. Вѣдь вы знаете, что по государственнымъ законамъ надобно повѣсить убійцу.

Сіе неожиданное примѣчаніе заставило Шотландца войти въ самого себя. Подумавъ нѣсколько минутъ, дружески подалъ

подалъ онъ руку своему противнику, не вынимая изъ ноженъ шпаги.

Симъ доказали оба, что они могли презирать предразсужденія и побѣждать страсти, повинуюся гласу разсудка; и въ семъ-то и состоитъ истинное мужество!

ОСТРОЙ ОТВѢТЪ.

Ученой поднесъ одному Принцу книгу о лунныхъ царствахъ, желая, чтобы онъ получилъ надъ ними начальство. Принцъ, прочитавъ нѣсколько страницъ, сказалъ ему: *Благодарю васъ за хорошее желаніе. Какъ скоро завоюю это царство, которое вы такъ прекрасно описываете, то сдѣлаю васъ тамъ своимъ наместникомъ.*

КОНЕЦЪ XVIII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XVIII Части.

Стран.

Статьи изъ Боннетова Сочиненія.	-	3
Шевилье де Лорда.	-	54
Исторія Слѣпаго.	-	58
Весенняя пѣснь меланхолика.	-	63
Аркадской Памятникъ.	-	65
Вдохъ.	-	80
Ачакреонтическіе стихи	-	93
Гроза.	-	96
На смерть дѣвицы **.	-	108
Господину Д * * на болѣзнь его.	-	109
Идасъ и Миконъ.	-	110
Всеобщая Молитва.	-	141
Гимнъ.	-	151
Игра.	-	159
Прогулка.	-	161
Рѣдкое великодушіе.	-	176
Евгеній и Юлія, Русская истинная повѣсть.	-	177
Правдоушіе и Искренность.	-	192
Утѣхи сельской жизни въ Италіи.	-	193
Разсудительность.	-	206
Острой отвѣтъ.	-	207

—————

